
LIBRARY OF CONGRESS
0000225783A

THE LIBRARY OF CONGRESS

МУЗА

РОССІЙСКИХЪ СТИХОТВОРЦЕВЪ.

Muza novieishikh rossiiskikh stikhotvortsev

МУЗА

НОВѢЙШИХЪ РОССІЙСКИХЪ СТИХОТВОРЦЕВЪ.

МОСКВА,
ВЪ Типографіи С. Селивановскаго.
1814.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ Апрѣля 27 дня 1814 года. — По назначенію Цензурнаго Комитета, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, книгу сію разсматривалъ Ординарный Профессоръ *Василій Котельницкій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Смерть Дудона.	1
Вождю побѣдителей.	25
Сады.	28
Къ Юліи.	32
Къ сестрѣ моей.	33
Стихи Г-жѣ Семеновой.	36
Молодой Эпикуръ.	—
Невинность	37
Къ Делію.	39
На смерть семнадцатилѣтней Эрминіи.	41
Къ Мерзлякову.	—
Сады.	45
Гармонія.	49
На смерть Лауры.	53
Къ * * *	54
Вечеръ.	58
Разлука и Любовь.	60
Орелъ и Чижь.	62
На пляску Д. въ одномъ превосходномъ балетѣ.	63
Къ Лидѣ.	64
Усладъ и Всемила.	66
Прости — къ моей родинѣ.	70
Вахлическая пѣсня.	72
Къ Каллiопѣ.	74
Призываніе Сильвіи.	77
Идиллія.	78
Мое мечтаніе въ ночь осеннюю.	80

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.
Надпись надъ гробомъ молодой пастушки. 82
Паденіе листьевъ. . . . . . . —
Къ Поэзіи. 84
При встрѣчѣ весны. 86
Надгробная Г. С. 88
Сады. 89
На смерть Д. 93
Къ московскимъ стихотворцамъ. . . 94
Селадонъ и Амелія. 95
Элегія. 98
Пѣсни изъ Есфиры и изъ Аталіи Расиновой. 99
Людмилла. 108
Осень. 115
Озеро. 117
Сѣтованіе. 124
Пѣсня. 126
Низосъ и Эвріалъ. 127
Мечтаніе на берегахъ Волги. . . . 141
Ручей 148
Сады. 149
Посланіе Катона къ Юлію Кесарю. . 153
Ерминія 158
Молитва Линданы. 165
Къ моей отчизнѣ. 172
Желаніе. 173
Миръ. 174
Къ моему соловью. 178
Гробница 179
Щастливецъ. 181
Стихи къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ. 183
Слава. 185
Свѣтлана. 187
Деревня. 196

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Мелибей.	197
Гимнъ дружбѣ.	202
Крестьянинъ и смерть. . . .	204
Романсъ.	205
Къ Амуру.	206
Къ неизвѣстной пѣвицѣ. . . .	—
Стихи, сочиненные для Альбома М. В. П.	210
Олинтъ и Софронія.	212
Любовь къ родинѣ.	224
Изображеніе Россіи.	229
Къ Торквату.	231
Горестное сновидѣніе.	232
Ученье.	237
Пѣвецъ.	238
Безсмертіе.	240

СМЕРТЬ ДУДОНА.

Уже предвѣстникъ дня, осыпанный росою,
Повѣялъ легкій вѣтръ надъ утренней горою:
Аврора востаетъ съ румяныхъ облаковъ;
Унизанъ розами превыспренныхъ садовъ,
Злашой ея вѣнецъ полнеба озаряетъ;
Уже по стану кликъ геройской пробѣгаетъ;
Въ доспѣхахъ воины; ударилъ трубный громъ,
И съ шумомъ разлилось веселіе кругомъ. —
Готфредъ— впреди полковъ.— Какъ Царь, какъ другъ правдивой
Питаетъ, правитъ жаръ отваги тороплпвой.
О дивный трудъ Вождя! — удобнѣе стократъ
Сдержать стремленье волнъ въ кипящій Сциллы адъ;
Удобнѣй стать противъ Бореевъ устремленныхъ
Съ утеса Аппенинъ на гибель флотовъ тлѣнныхъ;
Готфредъ— Богъ ратныхъ бурь, — и чуждые препонъ,
Хранятъ и въ быстротѣ устройство и законъ.
Не стопы ихъ несутъ; ихъ крыла увлекаютъ;
Желанья пламенны полетъ ихъ упреждаютъ:
Казалось, не бѣжитъ отъ мѣдныхъ стопъ земля;
Но солнце мещетъ взоръ на блѣдныя поля:
Зардѣлась окрестность, огнемъ его палима,—
И загорѣлися верхи Ерусалима. —

О радость! — вотъ *Сіонъ*! — *Голгофа*! — Божій градъ!
Се ты Ерусалимъ! привѣтствуемъ стократъ!
Такъ смѣлые пловцы, игралище волненій,
Для славы суетной далекихъ откровеній,
При блескѣ чуждыхъ звѣздъ, воюя Океанъ,
Блюждаютъ бѣдные, — корысть враждебныхъ странъ! —
Уже отчаянье сердца ихъ застужаетъ;
Но вдругъ желанной брегъ ихъ взоры поражаетъ;
Во иступленіи, безмолвны, издали
Другъ другу кажутъ видъ синѣющей земли;
Еще приближились: — еще туманъ яснѣе,
Знакомѣе мѣста, и сердце веселѣе;
Открылось! . . . . . воплями потрясся горній сводъ, —
Какъ будто не было, ни бѣдъ, ни непогодъ. —

Но радость перваго на Божій градъ воззрѣнья
Смѣнилась трепетомъ святымъ благоговѣнья;
Уныніемъ святымъ исполнились сердца;
Всякъ мнилъ: се бренное пристанище Творца!
Здѣсь онъ рожденъ , страдалъ , здѣсь гробу покорился,
Здѣсь, рушивъ смерти плѣнъ, на небо возвратился!
Взоръ томной, тихій шагъ, склоненная глава,
Рыданье, токи слезъ, прерывныя слова,
Являли скорбію веселье растворенно;
Несется томной гулъ надъ ратью умиленной.
Такъ бурный робщетъ вѣтръ , ударясь въ мрачный лѣсъ:
Скрыпъ корней, листьевъ шумъ восходитъ до небесъ;

Такъ ярая волна, разбитая скалами,
Реветъ—и вопль ея вторится межъ горами.

Всѣ ратники, благихъ ревнители вождей,
Текутъ по ихъ слѣдамъ священною стезей;
Стопы обнажены, отринутъ шлемъ пернатый,
И злато, броней блескъ, и всякъ уборъ богатый.
Смиреніемъ Креста униженны въ конецъ,
Отвергли суеты и помыслы сердецъ;
Съ очами полными росы благоговѣнья,
Они въ себѣ винятъ холодность умиленья.
Такъ здѣсь, Спаситель мой, гласитъ герой стеня,
Такъ здѣсь излита кровь святая за меня!
И я, безчувственный, къ слѣдамъ Твоимъ касаюсь!
И я въ источникъ слезъ еще не превращаюсь!
И сердце льдяное не таетъ отъ скорбей!
Согрѣйся хладна грудь!—терзайся, рвись, болѣй!
Преступная душа, теперь ли мнѣ измѣнишь!
Ты вѣчностію слезъ минутъ сихъ незамѣнишь!—

Такъ плакали Креста послушные сыны.
Межъ тѣмъ невѣрныхъ стражъ, съ бойничной вышины,
Чрезъ горы и луга простря свое вниманье,
Зритъ вихря мглистаго далеко волнованье;
То заревомъ оно, то пламеннымъ столбомъ,
То тучею грозитъ, стремящей бурной громъ;
Еще мгновеніе—туманы разступились,
Горящій рядъ мечей и всадники открылись.
О Небо! возопилъ—отколь, отколь возсталъ
Сей праха черной вихрь—сей, пламень льющій валъ?—

Отколь сія гроза?—Къ оружію! на стѣны!
Къ защитѣ граждане, спокойствомъ обольщенны!
Къ защитѣ!-брань зоветъ!-несется супостатъ!
Ужь близокъ.—Стонетъ гулъ—основы стѣнъ дрожатъ!—
За копья! за мечи! се онъ!—се тучи яры,
Стремящія на насъ погибельны удары!—
Восколебался градъ! и старецъ и младой,
Слезящая толпа, недружная съ войной,
И жены, чуждыя геройственной науки,
Подъемлютъ къ олтарямъ трепещущія руки;
Въ доспѣхахъ ратники, воспитанны въ бояхъ,
Въ доспѣхахъ селянинъ, могущій стать въ рядахъ;
Волнуются вкругъ стѣнъ; стоятъ—вратамъ опора;
Все движетъ Аладинъ;—все плодъ его надзора!

Раздавъ велѣнія потребныя вождямъ,
Султанъ безтрепетной въ бойницу входитъ самъ,
Которая, возставъ между двумя вратами,
Казалось, царствуетъ надъ доломъ и горами;
Отсель онъ видитъ, гдѣ бушуетъ яра брань,
И гдѣ его нужна спасительная длань.
Предъ нимъ *Эрминія*, Эрминія прекрасна!—
По смерти родшаго, оставивъ домъ,—нещастна!
Оставивъ милой градъ и падшій тронъ отцовъ,
Въ Царѣ она нашла и друга и покровъ.

Клоринда между тѣмъ летитъ на поле боевъ,
Съ ней многіе текутъ; одна впреди героевъ.
Аргантъ среди засадъ въ таинственной глуши,
Едва, едва смирялъ пыль ярыя души;

Мгновенье каждое казалося часами;
Клоринда всѣхъ крѣпитъ и взоромъ и словами:
„Теперь, теперь, друзья, мы подвигомъ благимъ
Надежду первую Востока утвердимъ!"
Рекла, - и зритъ толпу противныхъ отдѣленну.
Богатствомъ добычи безвременно прельщенну;
Почти у самыхъ вратъ отважные тогда
Стремились въ станъ угнать питающи стада.
Безтрепетная къ нимъ; стѣснились вкругъ ловитвы;
Гордонъ, ихъ вождь, даетъ знакъ гибельныя битвы.
Герой великихъ силъ, но слабый передъ ней—
Ударъ—и роетъ прахъ онъ тяжестью своей,
И жертва первая свершилась Богу брани!
Невѣрныхъ сонмища подъемлютъ къ Небу длани;
Гремитъ веселій плескъ, и жреческій совѣтъ
Сію побѣду чтитъ предвѣстіемъ побѣдъ.—
Клоринда гордая въ среду полка влетаетъ,
Ея рука сто рукъ геройскихъ замѣняетъ;
Невѣрные во слѣдъ стезей кровавыхъ сѣчь,
Которую отверзъ ея ужасной мечь,—
Тѣснятъ, терзаютъ, жмутъ, кружатся въ вихряхъ праха;—
Корысть возвращена.— Сраженны, чужды страха,
Въ порядкѣ Рыцари отходятъ къ высотамъ;
Отъ сонма помощь къ нимъ несется по лугамъ.
Какъ вѣтръ порывистой, крутя пески сыпучи,
Какъ огнь падетъ изъ нѣдръ громоносящей тучи,
Велѣніемъ вождя Готфреда устремленъ
Танкредъ, спѣшитъ Танкредъ, и ихъ разрушенъ плѣнъ.

Его геройской видЪ, отвага, стройность, сила,
Царя невѣрнаго вниманье поразила.—
ОнЪ чтилЪ его однимЪ изЪ избранныхЪ вождей.
ПотомЪ склоняся кЪ той, которой трепетЪ страстной
Давно уже сказалЪ , кто рыцарь сей опасной,
Царевна, онЪ гласитЪ, ты зрѣла Гальску рать,
Ты можешь ихЪ вождей и вЪ шлемахЪ познавать!
Повѣдай мнѣ, кто сей, столь стройный, торопливой,
Играющій копьемЪ сЪ улыбкой горделивой?
ИзрекЪ.—ОтвѣтомЪ вздохЪ и слезы лишь однѣ!
СкрываетЪ слезы, вздохЪ вЪ сердечной глубинѣ;
Но влажный взоровЪ блескЪ, но блѣдныхЪ устЪ дрожанье
ЯвляютЪ тайное души ея страданье.—
Красавица молчитЪ, вздыхаетЪ, плачетЪ вновь;
Наружною враждой одѣвЪ свою любовь,
Увы! рекла она, его давно я знаю. . . .
Злодѣйства помню всѣ . . . вЪ груди моей питаю.
ОнЪ кровью нашихЪ силЪ долины упоилЪ,
ОнЪ воды трупами вЪ рѣкахЪ остановилЪ;
Всѣ травы, чары всѣ науки ухищренной
Не могутЪ врачевать имЪ раны нанесенной!
Столь тягостенЪ ударЪ! . . . АхЪ! витязь сей, ТанкредЪ,
Боюсь, чтобЪ не погибЪ. . . . чтобЪ лютой мечь . . . нѣтЪ! нѣтЪ!
Когда бы плѣнникомЪ его я принимала!
Когда бЪ живому я всю силу показала
Той мести сладостной, для коей я жива!
Вѣщала; тяжкой вздохЪ прервалЪ ея слова . . .

Всѣ, всѣ они, рекъ Царь, найдутъ иль плѣнъ,
иль гробы . . .
(Слѣпой! онъ страсть любви щиталъ вос-
торгомъ злобы)!

Клоринда между тѣмъ; склоненна на лукѣ,
Къ Танкреду понеслась;—копье въ ея рукѣ.
Стеклись, ударили въ забрала шлемовъ мѣд-
ныхъ;
Змѣятся въ воздухѣ изгибы молній блѣдныхъ;
Часть шлема у нее отбитая летитъ;
Еще ударъ . . . онъ снятъ . . . неожиданной видъ!
На сталь брони волна златыхъ власовъ упала,
Въ ужасномъ ратникѣ красавица предстала.—
Ланиты въ пламени . . . горитъ враждою взглядъ.
И въ самомъ гнѣвѣ милъ!—Что жъ будетъ въ
часъ отрадъ,
Въ часъ нѣжныя любви?—Танкредъ ожесто-
ченный,
Гдѣ мысль твоя?—гдѣ взоръ?—уже ли ослѣ-
пленный,
Еще ты не позналъ небесныхъ сихъ очей?
Вотъ радость! вотъ тоска! мечта души твоей?
Ахъ! въ сердцѣ у тебя сіе изображенье;
Спроси его; оно разсѣетъ заблужденье;
Се та, которую узрѣла страсть твоя
Въ тѣни древесъ, въ водахъ прохладнаго ручья;
Познай: броня и шлемъ сей, лаврами покрытый,
Таили отъ любви взоръ милый и ланиты!
Сей видитъ наконецъ . . . смущенъ, недви-
жимъ, нѣмъ!—
Она, сокрывъ главу, противъ него съ мечемъ;
Онъ вспять, она за нимъ; женетъ,—бѣжитъ
нещастной,
И гряды жертвъ лежатъ стезей его ужасной.

Но лютая къ его привязана слѣдамъ;
Постой, сразись, речетъ, и вдругъ къ его стопамъ
Повергнула двоихъ, двѣ мщенію препоны;
Разимый не разитъ, не хощетъ обороны,
Взоръ быстрой не къ мечу, къ симъ взорамъ устремленъ,
Гдѣ страшной богъ любви гласитъ безсмертной плѣнъ.
Ахъ! что моя рука?—Герой въ себѣ вѣщаетъ,
Ударъ мой въ воздухѣ безплодно погибаетъ;
Удары прелестей не тщетны, не умрутъ,
Сквозь мѣдную броню въ сердца они идутъ!
Рѣшился наконецъ искать,—но не любови,—
Погибели искать, чтобъ съ жизнью, съ томомъ крови
Излить и таинство нещастное предъ ней;
Чтобы узнала все, что онъ ей не злодѣй,
Что плѣнникъ, рабъ ея трепещущій, смиренный.
О ты, которой взоръ, свирѣпствомъ воспаленный,
Являетъ, что тебѣ здѣсь въ тысячахъ враговъ
Врагомъ лишь только я . . . . . оставь ряды полковъ,
Отдѣлимся . . . . нашъ долгъ познать другъ друга болѣ;
Тамъ силы мы свои извѣдаемъ по волѣ.—
Пріемлетъ договоръ.—Съ блистающимъ мечемъ,
Забывши, что главы не кроетъ бранный шлемъ,
Свирѣпая летитъ; за ней Танкредъ унылой,
Преступникъ, предъ своей открытою могилой.
И битва началась.—Помедли, онъ речетъ,
До брани совершимъ мы брани сей завѣтъ.

Остановилася.—Любовь, тоска, томленье
Въ страдальческую грудь вливаютъ дерзновенье.
,,Коль мира утвердить не хочешь ты со мной,
Внемли завѣтъ, изрекъ рыдающій герой.
Вотъ сердце: рви его, воительница дивна!
Оно не можетъ жить, коль жизнь тебѣ противна!
Оно твое давно .... не властенъ въ немъ, сражай
И собственну корысть себѣ ты возвращай!—
Смотри: вотъ здѣсь рука.—Кидаю шлемъ, забрало ...
Вотъ грудь открытая.... что медлишь, или мало?
Иль помощь для тебя? или мой нуженъ плѣнъ?
Воззри: срываю я броню свою съ раменъ...
Повелѣвай, рази.... еще Танкредъ нещастной
Стремился изражать тоску любви ужасной,
Какъ вдругъ невѣрныхъ сонмъ свирѣпостью рѣки
Нахлынулъ съ воплемъ къ нимъ: смѣшалися полки,
Разятъ... И варвары теперь не устояли;
Иль хитрость, или страхъ къ твердынямъ ихъ погнали.
Единъ изъ Христіянъ.... конечно.... врагъ красы,
Зря юной всадницы волнуемы власы,
Свирѣпой къ ней спѣшитъ, приближился, надъ жертвой
Заноситъ грозной мечь; — къ нему Танкредъ полмертвой;
Постой, вскричалъ; летитъ, не удержимъ ни чѣмъ,
И мечь ничтожнаго отбилъ своимъ мечемъ.

Но совершенъ ударъ — дымится легка рана,
Съ власами русыми смѣшалась кровь багряна,
И капли рѣдкія на бѣлу грудь падутъ;
Таковъ художника испытаннаго трудъ,
Рубина нѣжной огнь на златѣ такъ пылаетъ.
Танкредъ неистовый какъ левъ въ лѣсахъ рыкаетъ;
Къ убійцѣ низкому склоняетъ свой полетъ.
Но ратникъ вспять потекъ. — Танкредъ за нимъ во слѣдъ,
Какъ вышняго перунъ, гроза неизбѣжима. —
Клоринда смутная, безмолвна, недвижима,
Не знала, что начать, не вѣрила очамъ;
Потомъ съ толпой своихъ пустилась ко стѣнамъ.
Но часто на бѣгу претящею являлась;
И отступала вдругъ, и вдругъ остановлялась.
Бѣжитъ, преслѣдуетъ, побѣждена, и нѣтъ;
Не хочетъ уступить, не хочетъ и побѣдъ!
Таковъ является на битвищахъ отрадныхъ
Волъ ярый среди псовъ, горячей крови жадныхъ:
Уставитъ ли рога: — разсѣялись дождемъ;
Бѣжитъ, — и всѣ за нимъ, и всѣ впилися въ немъ.
Безстрашная главу щитомъ пріосѣняетъ,
Ударъ удару въ слѣдъ безплодно погибаетъ;
Такъ Мавръ, стремясь назадъ, искусенъ на играхъ
Остановить меча враждебнаго размахъ.

Уже гонимые, гонящіе смѣшенны,
Боряся, утекли подъ горды града стѣны: —
Внезапно страшный вопль раздался по странамъ,
Невѣрныхъ полчища, подобяся волнамъ,

Разлились изъ засадъ, и долы наводнили;
Мгновенно Христіянъ Срацины окружили;
Терзаютъ, гонятъ, жмутъ, — и самъ Аргантъ съ полкомъ,
Какъ смерть, отчаянныхъ предсталъ передъ лицомъ.
Черкесъ неистовый, въ огнѣ и буряхъ хладный,
Исходитъ изъ рядовъ, какъ волкъ изъ нырищь гладный.
Ужь всадникъ пылкихъ лѣтъ, отвагою влекомъ,
Глотаетъ влажну пыль, попранъ своимъ конёмъ;
Уже вкругъ грознаго лежали труповъ горы;
Ненасытимые пылаютъ адомъ взоры;
Копье его летитъ отломками на прахъ;
Онъ поднялъ страшной мечь! противнымъ новый страхъ!
Клоринда съ нимъ дѣлитъ лавръ чести и искуства;
Уже Арделіонъ, лишенный жизни чувства,
Лежитъ сѣдый герой, въ преклонныхъ младъ лѣтахъ;
Подпору старости онъ зрѣлъ въ двоихъ сынахъ.
Надежда тщетная! — закрывъ отца собою,
Старѣйшій сынъ Алкандръ палъ смертною косою.
Младый меча избѣгъ; для нихъ любившій жить,
Увы! онъ не возмогъ ихъ смерти раздѣлить!—

Межъ тѣмъ Танкредъ, горя отмщенья жаждой лестной;
Напрасно мнилъ постичь врага своей любезной,

Эфирный конь его отъ казни уносилъ.
Герой остановясь, взоръ къ спутникамъ склонилъ,
И зритъ, что преданны слѣпой геройской страсти,
Предѣлы перешли, и на краю напасти,
Объятые врагомъ; — даетъ коню бразды,
Летитъ — храбрѣйших къ сонмъ течетъ въ его слѣды,
Дружина вольная, цвѣтъ рати, огражденье!
Ренальдъ, смиритель битвъ, красавицъ восхищенье,
Ренальдъ напереди. — Не столь порывистъ громъ!
Уже Эрминія, познавъ его шеломъ,
На коемъ израженъ орелъ быстропарящій,
Познавъ сей стройный станъ, сей видъ, врагамъ грозящій,
Вотъ, вотъ, гласитъ Царю, отважнѣйшій изъ всѣхъ,
Въ сей мышцѣ положенъ судьбиной битвъ успѣхъ!
Нѣтъ равнаго ему въ искусствѣ ратныхъ преній; —
Соперникъ не рожденъ. Младенецъ — богъ сраженій! — —
Когдабъ враждебна рать могла въ себѣ сочесть
Еще подобныхъ трехъ: — прости Востока честь!
Во узахъ Христіанъ владыки бъ возстекали
И Полдня и Зари народы бы познали
Со трепетомъ его законовъ новый свѣтъ;
И хитрый Нилъ, въ горахъ сокрывшій свой хребетъ,

Склонился въ тройственной къ стопамъ его главою.—
Его зовутъ Ренальдъ . . . одной своей рукою
Скорѣе махинъ всѣхъ онъ стѣны потрясетъ.
А сей, котораго отликой злачной цвѣтъ
На сребреной бронѣ, — *Дудонъ* его названье.
И слава прадѣдовъ и дѣлъ его блистанье
Со всѣми первыми сравнять его могли;
Лѣта ему права начальства принесли.
Другой—окрестъ его . . . какъ черной дубъ великій,
Жернандъ, отважный братъ Норвежскаго владыки;
Въ немъ сердце гордости самой воплощено,
Блестящихъ дѣлъ его позорное пятно!
Сіи два рыцаря . . . единство безпримѣрно!
Во сребреныхъ броняхъ, супругъ съ супругой вѣрной!
Гилдиппа! Одоардъ! влюбленныхъ образецъ
И храбростью въ бояхъ и нѣжностью сердецъ!

Рекла.—Въ сей лютый часъ свирѣпа буря брани
Расколыхалася—стѣснились съдланьми длани—
И льется кровь рѣкой.—Танкредъ съ Ренальдомъ тамъ,
Гдѣ ратники густѣй, гдѣ мечь отпоръ мечамъ;
За ними въ слѣдъ Дудонъ съ дружиною громовой;
Кружится, сѣетъ смерть, на нивѣ онъ лавровой.
Аргантъ, и самъ Аргантъ Ренальдовой рукой
Стѣсненъ и пораженъ, адъ видитъ предъ собой—
Едва подъемлется . . . погибъ бы дерзновенной!
Но вдругъ Ренальдовъ конь, въ порывахъ закруженной,

На землю грянулся со всадникомъ своимъ;
Стѣснившись рыцари, приникли въ помощь
къ нимъ.

Тогда язычники, смятенны ярымъ страхомъ,
Помчались ко стѣнамъ, и тылъ закрыли пра-
хомъ;
Аргантъ съ Клориндою стояли, какъ оплотъ,
Какъ мѣдная скала противу бурныхъ водъ.
Текутъ послѣдніе и бьются въ отступленьѣ,
Усилій Христіянъ преграда и томленье! —
За ними реяся, какъ пчелы за стѣной,
Безбѣдно варвары побѣгъ скрываютъ свой.
Дудонъ увѣренный, побѣдѣ предается;
Весь въ пламени, въ пыли неистовый не-
сется,
Все рубитъ, всѣхъ разитъ, какъ лѣтнюю
траву.
Единымъ махомъ снялъ Тигранову главу;
Алзара не спасли съ колчугой мѣдны латы;
Разшибенъ по частямъ Корбана шлемъ пер-
натый:
Ихъ чела, руки, грудь . . . ужаснѣйшій позоръ!
Все рана лишь одна, смущающая взоръ!
И ты, о Амуратъ! окончилъ дни любезны! —
Мегмедъ и Альманзоръ, сраженій столбъ же-
лѣзный,
Въ безплодной ярости пьютъ кровью влажной
прахъ! —
Аргантъ въ душѣ своей безвѣстной слышитъ
страхъ,
Скрежещетъ великанъ . . . остановился къ бою,
Кружится . . . отступилъ къ трепещущему
строю . . . .
И вдругъ нечаянны, какъ свитый клубомъ змей,
Напрягнулся, сверкнулъ громовою струей,

И мечь въ ребро вождя открытое вонзаетъ:
Въ кровавомъ парѣ жизнь изъ раны истекаетъ;
И очи томныя, объяты смертной тьмой,
Сковалъ желѣзной сонъ и тягостной покой;
Трикраты онъ открыть глаза свои стремится,
Чтобъ милымъ свѣтомъ дня въ послѣдни насладиться,
Трикраты, опершись на локоть, встать хотѣлъ,
Трикраты упадалъ. . . вдругъ взоръ оцѣпенѣлъ,
Упали вѣжди. . . смерть оледенила члены;
Нѣмѣютъ, влагою холодной орошенны! — —
Неистовый Аргантъ, еще ненасытимъ,
Чрезъ блѣдный трупъ протекъ къ убійствіямъ инымъ;
Свирѣпой радостью кипятъ кровавы взгляды,
Хохочетъ, — и склонясь на Гальскіе отряды,
Сей мечь, гласитъ, мнѣ даръ отъ вашего Царя,
Еще дымится онъ, весь кровію горя;
Повѣдайте Царю, какъ я за даръ примѣрной
Теперь ему воздалъ. . . онъ будетъ веселъ вѣрно!
Скажите, въ семъ мечѣ безцѣннѣе стократъ
Доброта прочная, чѣмъ блещущій нарядъ! —
Скажите, что онъ самъ то скоро испытаетъ;
Что медлитъ, иль меня во станѣ ожидаетъ? —
Приду! не долго ждать! его не долгъ страхъ!
Изрекъ, героевъ сонмъ вскипѣлъ при сихъ словахъ.
Стѣснились, гордостью безумной оскорбленны,
Летятъ на дикаго, какъ вихрь воспламененный. . . .
Летятъ . . . но гдѣ борецъ? — . . . Сліясь съ своей толпой,
Онъ спѣсь и стыдъ сокрылъ за градскою стѣной.

Какъ буря съ горъ валитъ, дыша зимой и хладомъ,
Посыпались со стѣнъ каменья грознымъ градомъ;
Какъ туча снѣжная въ свистящей быстротѣ,
Сѣкутся, реются тьмы стрѣлъ на высотѣ;
Убійственная мгла надъ ратью отягчилась,
Ліется смерть дождемъ — и храбрость изумилась;
Недвижны рыцари. . . и полчища Срацинъ
Безбѣдно входятъ въ градъ. . . но се Бертольдовъ сынъ!
Течетъ, не знающій ни страха, ни закона,
Свершить достойну казнь губителю Дудона.—
Чего вы ждете здѣсь? — Почто стоять? — пойдемъ
(Со громомъ бурныхъ словъ, раздался брони громъ),
Или не слышите къ вамъ крови вопіющей? —
Или откажетесь отъ чести васъ зовущей?
Какъ? мщенію преграда можетъ быть? —
Вашъ гнѣвъ, вашъ правый гнѣвъ, твердыня преградитъ! —
Нѣтъ, нѣтъ! хотя она и крѣпче адаманта,
Хоть сложена изъ горъ, не защититъ Арганта!
Найдемъ его вездѣ, изроемъ сердце скалъ! . . .
На приступъ, войны! — и первой побѣжалъ! —
И храбрые за нимъ, кипящими волнами.
Уже осыпанъ шлемъ нещетными стрѣлами,
Вихрь камней надъ главой, громады вкругъ него,
Вездѣ ревуща смерть — невидитъ ничего. —
Высокое чело, какъ небо предъ грозою,
Нахмуренно, страшитъ рѣшительной борьбою;

Ланиты гнѣвныя то блѣдны, то горятъ,
И сердца въ глубинѣ трепещетъ смутный градъ.
Мужаютъ рыцари . . . Срацыны цѣпенѣютъ,
Ихъ руки на мечахъ бездѣйственны хладѣютъ..
Уже побѣды часъ . . . но мудрый *Сегіеръ*
Владыки именемъ слова къ нему простеръ;
Исполненъ твердости прямой и непреложной,
Претитъ отвагѣ онъ вождя неосторожной:—
„Вспять, вспять ступай герой; не здѣсь тебѣ чреда!—
Отъ храбрости твоей не здѣсь мы ждемъ плода!"
Вѣщаетъ такъ Готфредъ.—Ренальдъ остановился,
Безмолвный, трепеталъ; покорный, онъ ярился!
Какъ бурная волна, стѣсненна между скалъ,
Окаменѣлъ . . . . но гнѣвъ въ глазахъ его блисталъ.
Невольно вспять текутъ геройскіе дружины,—
И смотрятъ съ трепетомъ на отступъ ихъ Срацины!..

Тогда послѣднюю пріемлетъ честь Дудонъ:
Побѣды хвальной звукъ смѣнили плачь и стонъ;
Унылые друзья съ померкшими очами,
Несутъ бездушный трупъ межъ ратными рядами.
Готфредъ, на высотѣ горы уединенъ,
Въ то время озиралъ искусство градскихъ стѣнъ.

Се градъ на двухъ холмахъ основанъ укрѣпленныхъ,
Неравной высоты, другъ къ другу обращенныхъ;

Межь ними, какъ рѣка, глубокой долъ лежитъ,
Солиму пышную онъ на полы дѣлитъ.
Съ трехъ странъ погибельно ко граду приближенье;
Отъ сѣверной едва примѣтно возвышенье;
Сія открытая для воинства страна
Стѣною страшною и рвомъ ограждена.—
Земля, нѣжнѣйша мать сыновъ своихъ любимыхъ,
Исполнила весь градъ ключей неистощимыхъ;
Искусство воды ихъ размножило въ садахъ;
Внѣ града заперты изходища въ горахъ.
Лугъ черенъ, мертво все, ни рѣкъ, ниже потока,
Не кроетъ въ лѣтній зной деревьевъ тѣнь глубока,
Не тѣшатъ странника лазуревы цвѣты,
Все пусто.—Тамъ вдали съ нагорной высоты
Возносятся лѣса, духовъ геенскихъ сѣни,
Жилище мрачное коварствъ и обольщеній!—
Блаженный Іорданъ отъ утренней зари
Катитъ, величествомъ исполненны струи;
Отъ Запада валы Средьземна моря воютъ,
Кипя, въ пескахъ бреговъ безплодну ярость кроютъ;
На Сѣверѣ *Бетель*, склоненный предъ тельцомъ,
И съ блѣднымъ *Самаритъ* невѣрія челомъ;
Межь ними *Вифлеемъ*, туманомъ покровенной,
Смиренна колыбель Зиждителя вселенной!

Такъ мудрый вождь племенъ летающимъ умомъ
Измѣривалъ сей градъ и окрестность кругомъ,
И выгоды страны и мѣстоположенья,
И перстомъ указалъ, гдѣ полю быть сраженья,

Гдѣ слабая страна, гдѣ приступа вѣнецъ....
Эрминія его узрѣла наконецъ.
Се онъ! гласитъ Царю, сей мужъ подъ багряницей,
Съ величіемъ въ очахъ, съ простертою десницей,
Которой, кажется, уставы подаетъ,
Осанистъ, знаменитъ .... сей дивный мужъ Готфредъ,
Судьбами вышняго рожденный для короны,
Онъ знаетъ и вождя и ратника законы;
Начальникъ и судья, въ совѣтахъ и въ бояхъ,
Вездѣ герой великъ, вездѣ противнымъ страхъ;
Единый лишъ Раймондъ съ нимъ мудростію равенъ;
Одинъ Танкредъ, Ренальдъ толикожъ въ битвахъ славенъ.—
Я знаю Витязя, (отвѣтствовалъ тиранъ).
Носящій нѣкогда посла священный санъ,
Я зрѣлъ, какъ предводилъ онъ праздничные лики
При блещущемъ дворѣ Галлійскаго Владыки.—
Я зрѣлъ, какъ онъ ломалъ на играхъ копій рядъ.—
Еще онъ отрокъ былъ, но силами богатъ;
Тогда уже въ рѣчахъ, во взорахъ и въ сраженьѣ
Являлъ высокое свое предназначенье;
Тогда я предвѣщалъ, что будетъ онъ герой...
Нерадостный пророкъ!—Покрытые слезой,
Здѣсь взоры Аладинъ безмолвно потупляетъ;
Но вскорѣ укрѣпясь,—вѣщай мнѣ, продолжаетъ,
Кто сей, столь близкій съ нимъ, грядущій о странѣ?
Одинъ въ нихъ взоръ, должны быть чувства въ нихъ однѣ;

Подобье дивное . . . онъ ниже только станомъ;
Сей *Балдуинъ*, рекла Царевна предъ тираномъ,
Не образомъ однимъ, дѣлами братъ и другъ!—
А сей, которому внимаетъ ратный кругъ,
Который, кажется, вождю даетъ совѣты?—
Сей рыцарь есть *Раймондъ*.—Враги, друзья, клевреты,
Всѣ строгаго ума дивятся быстротѣ;
Сей старецъ посѣдѣлъ въ военной тѣснотѣ;
Искусный сплетать врагу сокрыты ковы,
Творитъ онъ изъ засадъ лѣса себѣ лавровы!—
А сей, вдали одинъ, златой носящь шеломъ?
Царя Британска сынъ, безтрепетный *Гильйомъ*,
Съ нимъ *Гвелфъ*, гроза враговъ, соперникъ, храбрымъ равный,
Породой, знатностью и саномъ достославный;
Высока, крѣпка грудь, широки рамена:
Вотъ признаки его.—Онъ воинства стѣна!
Но злѣйшаго не зрю межь ними супостата,
Въ комъ трона моего и племени утрата!—
Уже ли ты, *Бомонтъ*, коварства полный врагъ,
Уже ль познаяъ ты стыдъ, и кроешься въ шатрахъ?

Вѣщала . . . между тѣмъ Готфреда умъ испытный
Мѣста всѣ обозрѣлъ, и явныя, и скрытны.
Богатый въ средствахъ Царь нисходитъ въ сонмъ друзей.
Онъ вѣдалъ: труденъ путь нагорною стезей;
Тамъ должно брань вести съ Природою угрюмой,
И къ сѣвернымъ вратамъ склонился ратной думой.

Въ долинѣ противъ нихъ строй ставитъ онъ большой,
Простерши рати цѣпь до башни *Угловой.*
Какъ выспренній орелъ единымъ быстрымъ взмахомъ
Упавшій на корысть, уже убиту страхомъ,
Онъ крыла воинства стѣснялъ и разширялъ,
И третью града часть во трепетѣ держалъ.
Искусство, съ хитростью сражаяся Природы,
Пресѣкло съ прочихъ странъ пути и переходы:—
Извержетъ ли враговъ въ засады злобной градъ?—
Внезапно встрѣтитъ ихъ въ окопахъ скрытой адъ;
Союзники ль придутъ къ Солимѣ въ защищенье?-
Широки рвы, валы неистовымъ прещенье!—
Исполнивъ тако долгъ священнѣйшій вождямъ,
Онъ сердце преклонилъ къ печали и слезамъ.—
Дудона славнаго останки дорогія
Пріемлютъ почести послѣднія, святыя;
Стенящій, горестный друзей его соборъ
Стоитъ, склоня на трупъ отъ слезъ померкшій взоръ;
Увядшій другъ лежитъ въ виду передъ полками
На ложѣ, ратными украшенномъ вѣнцами;
Трофеи вкругъ него поставлены чредой,
Знамена плѣнныя служили пеленой. — —
Пришествіемъ вождя и вопль и плачь удвоенъ;
Явился къ нимъ Готфредъ, ни мраченъ, ни спокоенъ;
Всю горесть подавилъ въ геройской онъ душѣ;
Волнуемый тоской, сражаемый вотще,

На тѣло устремивъ недвижимыя очи,
Стоитъ въ безмолвіи, какъ призракъ въ мракѣ ночи!

Не слезы и не плачь, вѣщаетъ наконецъ—
Ты долженъ воспріять отъ преданныхъ сердецъ,
Почившій для земли, для неба пробужденный,
Отъ праха смертнаго къ безсмертью воскриленный!
Ты славой озарилъ побѣдный путь Креста,
Ты жилъ и умеръ ты, какъ избранный Христа! —
Окончаны труды и мужества и Вѣры!
Оставленны друзьямъ великіе примѣры!
Блаженная душа! спокой твой грозный взглядъ!
Нѣтъ брани, нѣтъ враговъ въ обители отрадъ!
Блаженствуй и ликуй . . . . намъ слезы! намъ рыданья!
Не твой, но жребій нашъ достоинъ состр純данья!
Въ тебѣ утрачена часть важна насъ самихъ!
Въ тебѣ лишились мы силъ собственныхъ своихъ!
Но если то, что міръ здѣсь смертью называетъ,
Земныя помощи друзей твоихъ лишаетъ;
Въ замѣну, предстоя предъ Господомъ благимъ,
Небесну помощь ты испросишь въ горѣ имъ!
Ты смертный—слѣдуя и долгу и закону,
Оружье смертное намъ ставилъ въ оборону . . .
Безсмертный . . . ахъ! позволь надеждой льститься сей,
Предъ нами потечешь незримой ты стезей;

Архистратигъ небесъ, ты вѣрныхъ предъ полками,
Всерушащими днесь одѣнешься грозами....
О горній духъ! внуши молитвенный обѣтъ,
Скажи, устрой нашъ путь, будь вѣстникъ намъ побѣдъ!
Когда судьба велитъ, коль славою вѣнчанны,
Мы подвигъ совершимъ и клятвы нами данны:
Тогда тебѣ, герой, мы жертвы принесемъ!
Тогда твои хвалы во храмахъ воспоемъ!
Вѣщалъ; и се, спустясь Царица темно-крыла,
Послѣдній гаситъ лучь небеснаго свѣтила.
Сонъ сладкій усыпилъ мученія въ сердцахъ,
И не течетъ слеза страдальца на очахъ!—
Одинъ Готфредъ, одинъ, покоя отчужденный,
Вниманіемъ къ стѣнамъ Солимы увлеченный,
Вращалъ въ своемъ умѣ махины грозныхъ силъ,
И приступъ учредя, немного опочилъ.
Но съ Фебомъ возстаетъ для должностей печальныхъ,
Самъ шествуетъ во слѣдъ обрядовъ погре-бальныхъ.—
Въ лугу, надъ коимъ холмъ утесистый на-висъ,
Останки Витязя вмѣщаетъ кипарисъ,
И пальма гордая вкругъ вѣтьви разширяетъ;
Въ тѣни ея герой по буряхъ почиваетъ;
Спустилась гробна дска, омыта токомъ слезъ;
Синклитъ на небеса мольбы свои вознесъ;
На вѣтьвяхъ пальмовыхъ повѣшены богаты
Оружья плѣнныя, мечи, доспѣхи, латы,
Которыя Дудонъ, Сиріянъ, Персовъ страхъ,
Доселѣ пріобрѣлъ въ щасливѣйшихъ бояхъ.

Близъ древа щитъ его съ геройскимъ одѣяньемъ;
И доска о немъ гласитъ печальнымъ надписаньемъ:
Здѣсь въ мирѣ спитъ Дудонъ . . . пришлецъ, остановись,
Предъ прахомъ сильнаго смиренно преклонись!

Исполнивъ тако долгъ, печали посвященный,
Другъ Вѣры и Любви сталъ паки Вождь военный.
Подъ кровомъ избранной дружины изъ полковъ,
Онъ древосѣковъ шлетъ въ глубокій мракъ лѣсовъ;
Къ дубравѣ страшной сей, сокрытой за горами,
Сиріянинъ привелъ ихъ тайными стезями,
Тамъ грозны зиждутся махины противъ стѣнъ,
Тамъ хитрый умъ творитъ Солимѣ страхъ и плѣнъ. —
Кипящіе въ трудахъ другъ друга упреждаютъ,
Дубравы мрачныя отъ ихъ сѣкиръ стенаютъ;
Тамъ эхо дикое отъ первыхъ міра дней
Впервые слышитъ стукъ, впервые зритъ людей.
Подъ грознымъ остріемъ багрянаго булата
Падетъ высокій кленъ и сосна кудревата,
И пальма стройная и томной кипарисъ;
Съ гедерой соплетясь, скончался нѣжной тисъ.
Пустыни дикія старѣйшины почтенны,
Огромный древній дубъ и кедръ превознесенный,
Необоримые для бурей и вѣковъ,
Лежатъ въ сырой травѣ безъ вѣтьвей и листовъ.

Тамъ ратники стѣснясь, деревья тянутъ роемъ,
Желѣзна гнется ось, скрыпятъ колеса съ воемъ;
Рабочихъ крикъ и стонъ, стукъ млатовъ, звонъ мечей
Женутъ изъ дебрей птицъ и изъ пещеръ звѣрей. —

Мерзляковъ.

ВОЖДЮ ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

О Вождь Славянъ! дерзнутъ ли робки струны
Тебѣ хвалу въ сей славный часъ бряцать?
Вездѣ гремятъ отмщенія перуны,
И мчится врагъ, стыдомъ покрытый, вспять,
И съ Россомъ міръ тебѣ рукоплескаетъ! . . .
Кто пѣнью струнъ средь плесковъ сихъ внимаетъ?
Но какъ молчать? Я истый Славянинъ!
Я зрѣлъ, какъ ты, среди своихъ дружинъ,
Въ кругу вождей, сопутствуемъ громами,
Какъ Божій гнѣвъ, шелъ грозно за врагами!
Со всѣхъ сторонъ дымились Небеса!
Окрестъ земля отъ громовъ колебалась! . . -
Сколь мысль моя тогда воспламенялась!
Сколь дивная являлась мнѣ краса!
О старецъ Вождь! я мнилъ, что надъ тобою
Тогда самъ Рокъ невидимый летѣлъ,
Что былъ сокрытъ вселенныя предѣлъ
Въ твоей главѣ, вѣнчанной сѣдиною! . . .

Сколь промыслъ вышняго неизъяснимъ!
Надменный сей не Имъ ли былъ хранимъ?

Вотще пески Ливійскіе пылали —
Онъ путь открылъ среди песчаныхъ волнъ;
Вотще враги пучину осаждали —
Его промчалъ безвредно легкій челнъ!
Ступилъ на брегъ — въ рукѣ его корона!
Ужь хищный взоръ съ похищеннаго трона
Вселенную въ неволю оковалъ!
Ужь онъ Царей — рабовъ своихъ созвалъ. . . .
И возстаютъ могущіе Тевтоны,
Достойные Арминія сыны.
Неаполь, Римъ сбираютъ легіоны,
Богемецъ, Венгръ, Саксонъ ополчены,
И стали въ строй измѣнники Сарматы!
Имъ нѣтъ числа! дружины ихъ крылаты!
И Нордъ и Югъ потопъ сей наводнилъ!
Вождю во слѣдъ, а вождь ихъ за звѣздою,
Идутъ, летятъ; ужь все подъ ихъ стопою!
Ужь Россъ главу подъ низкій миръ склонилъ! . . .
О замыслы! о неба судъ ужасной!
О хищный врагъ! . . . и трудъ толикихъ лѣтъ,
И трупами устланный путь побѣдъ,
И мощь, и злость, и козни. . . . все напрасно!
Здѣсь грозная судьба его ждала!
Она успѣхъ на то ему дала,
Чтобъ старецъ нашъ славнѣй его низринулъ! . .
Хвала, нашъ Вождь! едва дружины двинулъ —
Ужь хищныхъ рать стремглавъ бѣжитъ назадъ!
Ихъ гонитъ страхъ, за ними мчится гладъ,
И щитъ и мечь бросаютъ съ знаменами!
Вездѣ пути покрыты ихъ костями!
Ихъ волны жрутъ, ихъ губитъ огнь и хладъ!
Вотще свой взоръ подъемлютъ ко спасенью!
Не узрятъ ихъ отечески поля!
Обречены въ добычу истребленью!

И будетъ гробъ имъ Русская земля! . . .
И скрылася, нашъ Старецъ, предъ тобою
Сія звѣзда, сей грозный вождь къ бѣдамъ!
Какъ Божій даръ явился ты полкамъ,
И предъ твоей священной сѣдиною
Безумная гордыня пала въ прахъ!
Лети, неси за ними смерть и страхъ!
Еще ударъ — и всей землѣ свобода!
И нѣтъ слѣдовъ великаго народа!

О сколь тебѣ завидный жребій данъ!
Еще вдали трепещетъ Оттоманъ,
А ты ужь здѣсь! ужь родины спаситель!
Уже погналъ, какъ геній истребитель,
Кичливыя разбойниковъ орды!
И рядъ побѣдъ полковъ твоихъ слѣды!
И самый врагъ, неволею гнетомый,
Твоихъ орловъ благословляетъ громы;
Ты жизнь ему побѣдами даришь! . . .
Когда жъ, свершивъ спасительное мщенье,
Свои полки отчизнѣ возвратишь,
Сколь славное тебѣ успокоенье! . - .
Уже въ мечтахъ я вижу твой возвратъ!
Передъ тобой вѣнцы, трофеи брани!
Во срѣтенье текутъ и старъ и младъ;
Къ тебѣ ихъ взоръ! къ тебѣ подъемлютъ длани!
"Се онъ! се онъ! сей грозный Вождь, нашъ щитъ!
"Сколь величавъ, покрытый сѣдинами!
"Усѣйте путь спасителя цвѣтами!
"Да каждый храмъ мольбой объ немъ гремитъ!
"Да слышитъ онъ вездѣ благословенье!"
Когдажъ, сложивъ съ сѣдинъ своихъ шеломъ
И щитъ съ раменъ, ты возвратишься въ домъ,

Да вкусишь тамъ покоя наслажденье.
Сколь будетъ токъ твоихъ преклонныхъ лѣтъ
Въ сей тишинѣ величественъ и ясенъ!
О! дней благихъ закатъ всегда прекрасенъ!
Съ веселіемъ водя окрестъ свой взоръ,
Ты будешь зрѣть ликующія нивы,
И скачущи стада по скатамъ горъ,
И хижины оратая счастливы—
И скажешь: мной дана имъ тишина!
И старецъ, въ гробъ ступившій ужь ногою,
Тебя въ семьѣ воспомянувъ съ мольбою,
Речетъ сынамъ: ,,мнѣ имъ сбережена
"Въ странѣ отцевъ спокойная могила!"
И скажетъ мать, любуясь на дѣтей:
"Его рука мнѣ милыхъ сохранила!"
На пиршествахъ, въ спокойствіи семей,
Предъ олтаремъ, въ обители Царей,
Вездѣ, о Вождь! тебѣ благословенье!
Тебя предастъ потомству пѣснопѣнье!

Жуковскій.

САДЫ.

Священныя лѣса! благословляю васъ!
Ужь къ трепету людей гремящій Барда гласъ
Теперь не потрясетъ волшебныхъ вашихъ сѣней;
Одна задумчивость во мракѣ мирныхъ тѣней,
Въ уединеніи развѣсистыхъ лѣсовъ,
Одна веселая встрѣчаетъ насъ любовь.
Вертепы мрачные! храмъ ужасовъ священныхъ,
Убѣжище пѣвцовъ, восторгомъ вдохновенныхъ!

Подъ вашу тѣнь спѣшу, чтобѣ нѣжною рукой
Въ васъ тѣсно сочетать убранство съ простотой;
Искусствомъ новой видъ дать прелести природной —
И вмѣстѣ сохранить вашъ милый видъ, свободной.

Лѣса всѣ образы готовы принимать;
Но украшая ихъ, страшитесь искажать.
Смотрите: тамъ древа раскинулись шатрами;
Тамъ блѣдные лучи прокрались межь листами;
Здѣсь свѣтъ сражается съ пріятной темнотой;
Здѣсь челами древа склонились надъ водой;
Здѣсь разбрѣлись онѣ, вѣтьвями помаваютъ,
Какъ будто издали другъ друга призываютъ;
Вотъ вмѣстѣ, вотъ онѣ другъ съ другомъ обнялись —
И вдругъ какъ будто врозь опять ужь разошлись.
Природа намъ урокъ прекрасный и великій!
Но образуя лѣсъ, природно мрачный, дикій,
Всѣ сильныя черты потщитесь сохранить
И мѣлочныхъ убранствъ ни гдѣ не помѣстить.
Единство, полнота, да будутъ свято—чтимы,
Да будетъ простъ, великъ сей лѣсъ необозримый!
Потщитесь хитростью своею удержать
На немъ величія высокую печать.
Люблю сѣдые пни; хочу, чтобъ воды яры,
Шумя по рытвинамъ, свергались въ крутояры;
Оставьте по лѣсамъ глубокіе слѣды
И времени и бурь и вѣтровъ и воды.

Пускай меня страшитъ видъ грозный скалъ висящихъ,
Оставте! Пусть въ мѣстахъ, величіемъ блестящихъ,
Все дышетъ дикою и гордой красотой.

Но что? Мракъ пустыни намъ ужасовъ виной!
Сей ужасъ тайное жить въ обществѣ влеченье;
Воздвигните въ лѣсу вы храмъ благотворенья;
Недужный въ немъ елей, бездомный кровъ найдетъ—
И пустыня какъ рай предъ вами разцвѣтетъ.

Бываютъ бури Царствъ, порывы тѣ народны,
Въ которые гражданъ выбрасываютъ волны
На чужеземный брегъ съ бреговъ отчизны ихъ;
Возможно ль не скорбѣть о нещастливцахъ сихъ?
Ахъ! плачьте, но своей хвалитеся судьбиной;
Нѣжнѣйшей всѣхъ другихъ въ садахъ своихъ картиной
Конечно будите обязаны вы имъ:
Отдайте уголокъ въ лѣсу пришельцамъ симъ;
Чертогамъ хижины противоположите;
Страннопріимствомъ лѣсъ пустынный освятите.

Хвалитесь, естьли къ вамъ изъ отдаленныхъ мѣстъ
Придутъ отшельники, несущи тяжкій Крестъ;
Которые дотоль храмъ Божій украшали,
Страданья вольныя отъ свѣта сокрывали;

Послѣдователи Рансея и Брюно,
Для настоящаго умершіе давно,
Между раскаяньемъ и сладкимъ упованьемъ,
Въ міръ лучшій, въ горній міръ устремлены
вниманьемъ.
Молите сихъ отцовъ—и дайте тихой кровъ.
Симъ гражданамъ небесъ подъ сѣнію лѣсовъ.

Молва разскажетъ въ слухъ о жительствѣ
пришельцовъ:
Со всѣхъ сторонъ толпы женъ, старцовъ и
младенцовъ
Святыхъ гостей туда пріидутъ посѣтить;
Богатство нищету пріидетъ навѣстить;
Веселье муки зрѣть, гордыня зрѣть смиренье.
Вы сами, полюбя лѣсовъ уединенье,
Чертоги пышные оставите для нихъ:
Придете сладкой миръ вкусить въ бесѣдѣ ихъ;
Разочаруете здѣсь сердце обольщенно,
Мечтамъ и суетѣ мірской порабощенно;
Міръ низокъ будетъ вамъ — тамъ воздухъ за-
раженъ
Дыханіемъ страстей — вашъ лѣсъ для васъ
священъ;
Тамъ познакомитесь съ суровымъ воздержань-
емъ
Пустынножителей, и съ вѣчнымъ ихъ мол-
чаньемъ;
Тамъ покаяніе, чуть движуще рукой,
Васъ встрѣтитъ съ заступомъ, въ одеждѣ
гробовой;
Оно заранѣе могилу изрываетъ,
И смерти не страшась, ее предупреждаетъ.

Сходящу благодать почувствуетъ земля!
За радость вашихъ дней, за жатву, за поля,

Воздѣты руки ихъ къ Правителю вселенной —
И Богъ, молитвѣ внявъ безмолвной и усердной,
Небесной милости прольетъ на васъ лучи.
Когда жъ затеплются надгробныя свѣчи,
И ночи тишина обширная прервется,
И всенощной мольбы на небо понесется
Перерываемый, протяжный, тихій гласъ,
Быть можетъ гимны ихъ растрогаютъ и васъ;
Завидуя слезамъ, прольете слезы сами
Передъ Христовыми Святыми олтарями;
И тѣломъ на землѣ, а духомъ въ небесахъ,
Возжете ѳиміамъ хваленія въ сердцахъ —
И облеснетъ восторгъ ликъ иноковъ молящій.
Тогда лѣсъ приметъ видъ не столь уже грозящій:
Необитаемость его вы населивъ,
Умѣря ужасы, безмолвье ожививъ,
Вдругъ наслаждаетесь лѣсовъ очарованьемъ,
И щастьемъ добрыхъ душъ — святымъ благодѣяньемъ.

Воейковъ.

КЪ ЮЛІИ.

Ахъ, Юлія! за чѣмъ прелестный, нѣжный взглядъ
Въ суровой обращать, и мрачной такъ казаться?
Напрасно, Ангелъ мой! тебѣ лишь улыбаться
И сердцемъ находить тьму радостей, отрадъ!
Весна цвѣтущая должна ли быть унылой?
Должна ли милая желать угрюмой быть?
„Но грусть, тоска.“ — О чемъ грустить,
Иль жизнь свою считать постылой?

Довольство, щастіе — все вкругъ тебя цвѣтетъ!
Сама прекрасна — Чтожъ? чего желать осталось?
Твой милый здѣсь, съ тобой — тобой одной живетъ,
И Небо васъ любить еще не отказалось.

О будущемъ тебѣ ль мечтать?
Заря румяная день ясный предвѣщаетъ!
И кто любя, любимъ, тотъ болѣе не знаетъ,
Какъ настоящимъ жить и время забывать;
Не знаетъ, кромѣ наслажденій,
Улыбки радостной и сердца восхищеній.
И такъ, мой другъ! утѣшь меня,
Дополни всѣ мои желанья:
Дай видѣть мнѣ всегда тебя
Безъ тѣни, признака страданья!
Спокойствіе души твоей
Есть радость для меня и долгъ любви моей.

Волковъ.

КЪ СЕСТРѢ МОЕЙ.

Когда, мой другъ, опять съ тобою,
Дорожный бросивъ посохъ свой,
Я нѣжной обнимусь рукою
И водворюсь въ странѣ родной?
Ужь много лѣтъ прошло разлуки,
Давно твой другъ осиротѣлъ,
Неуслаждены сердца муки
Ни чей не облегчалъ раздѣлъ!
Когда опять съ восторгомъ встрѣтишь
Ты мой нечаянный приходъ,

И на лицѣ моемъ примѣтишь
Слѣды печалей и заботъ?
Лѣта ужь много измѣнили
И много взяли въ дань себѣ;
Одно лишь сердце пощадили
И дружбу нѣжную къ тебѣ!
Мечты сокрылися отрадны,
Ихъ грозный опытъ отогналъ,
Повѣялъ вѣтръ осенній, хладный,
И цвѣтъ весны моей увялъ! . . .
Когда наступитъ часъ желанный,
И я въ отеческомъ дому,
Въ пріютѣ дружбы, гость нежданный,
Прижмуся къ сердцу твоему?
Протекшихъ дней воспоминанье
Мы оживимъ въ душѣ своей,
И я начну повѣствованье
Моихъ въ разлукѣ текшихъ дней;
Какъ я съ бѣдами и судьбою
Боролся, силъ лишенъ своихъ —
И, усладенъ твоей слезою,
Навѣкъ изглажу память ихъ!
О другъ мой, счастливъ я заранѣ
Сей усладительной мечтой,
Уже въ пріятномъ чувствъ обманѣ
Тебя я вижу предъ собой!
То мнится мнѣ, обвороженный,
Съ тобой по рощамъ я брожу!
Вѣщаю — и въ душѣ блаженной
Восторга словъ не нахожу!
То въ блѣдномъ вечера мерцаньи,
Ведомый дружбой и тобой,
Иду въ задумчивомъ молчаньи
На брегъ высокой и крутой,
Гдѣ Донъ вспоившій насъ свѣтлѣетъ,
Разстлавъ далеко зыби водъ,

Гдѣ жатвой нива богатѣетъ,
Родныхъ полей обильный плодъ! . . .
Но гаснетъ ужь заря на югѣ,
Въ туманѣ кроются лѣса,
И поселянъ поющихъ въ кругѣ
Вдали слабѣютъ голоса.
Мы тихою идемъ стопою,
Простясь до утреннихъ часовъ,
И провождаемы луною
Въ свой мирный достигаемъ кровъ;
Съ ея отрадными лучами
Низходятъ благотворны сны. . . .
Уже разставшись съ суетами,
Я сплю на ложѣ тишины!
Часъ утра! о восторгъ всегдашній!
О немъ, крылами бья, гласитъ
Встревожась пѣтелъ мнѣ домашній,
И сонъ отъ гласъ моихъ летитъ!
Подъ перлами росы блестящій
Открытъ предъ мной зеленый лугъ,
И рогъ звучитъ стада будящій,
И волъ взревѣлъ впряженный въ плугъ!
Любовь твоя своимъ привѣтомъ
Идетъ меня предупредить. . . .
Я съ бурнымъ распростился свѣтомъ!
Даю зарокъ для дружбы жить!
Но что! твой призракъ удалился,
За нимъ мечтаній рѣзвыхъ рой:
Къ землѣ печальный взоръ склонился,
И я опять одинъ съ тоской!
Томлюсь, Фортуны рабъ слѣпыя;
Безъ наслажденья трачу дни,
И блага промѣнялъ прямыя
На ложны призраки одни!

Мой другъ! счастливаго возврата
Когда на родину дождусь,
И предъ домашняго Пената
Съ смиренной жертвою явлюсь? . . .

Милоновъ.

СТИХИ Г-же СЕМЕНОВОЙ.

Природа на тебя дары всѣ излила;
Ученье, вкусъ, примѣръ, тебя образовали;
Чувствительность свой даръ сердца плѣнять дала;
А милы Граціи сестрой своей назвали!
Разсыпали вокругъ тебя цвѣты свои,
И, *будь единственной*, сказали.
Семенова! сбылись слова сіи.
Ты гордость, красота и слава Росской сцены;
Ты утѣшеніе чувствительныхъ сердецъ!
Прими жъ отъ Мельпомены
Неувядаемой безсмертія вѣнецъ!

Вельяшевъ.

МОЛОДОЙ ЭПИКУРЪ.

Повеселимся, другъ мой милый!
Пусть радость будетъ намъ подругой цѣлый день!
Онъ нашъ. . но онъ мелькнетъ какъ тѣнь.
А завтра! какъ узнать? Быть можетъ ночь могилы
Затмитъ зарю щастливыхъ дней.
Но что бы ни было, мы смерти не страшимся,

Съ улыбкой на устахъ въ свѣтъ новый пресе-
лимся,
И тамъ, въ раю тѣней,
Съ тобою вѣчною любовью насладимся
И станемъ поджидать къ себѣ своихъ друзей!
Дотолѣ прочь отъ насъ печали
И зависть мрачная съ блѣднѣющимъ лицомъ! .
Чтобъ гордость, суета дороги къ намъ не
знали,
И для заботъ всегда нашъ былъ затворенъ
домъ!
Навѣки прочь отъ насъ и славы призракъ
льстивый!
Нѣтъ, лучше пусть текутъ, безпечностью
щасшливы
Дни наши, какъ ручья скользятъ струи лѣ-
нивы
По нивамъ, по лугамъ, едва журча въ цвѣтахъ,
Потомъ невидимо теряяся въ пескахъ.

....В....

НЕВИННОСТЬ.

О первыхъ дней краса! Невинность дорогая!
Блаженъ, кто любитъ, чтитъ тебя!
Блаженъ, кто, жизни путь тернистый про-
текая,
Соблазнамъ не вѣрялъ себя!

Намъ твой являетъ видъ, притворства,
мрака чуждый,
Любезной, кроткой ручеёкъ,
Подъ тѣнью древъ густыхъ, безъ пышности,
безъ нужды,
Спокойно, скромно льющій токъ.

Не знаетъ бури онъ, не знаетъ треволненій
Мольбы не внемлетъ отъ пловцовъ;
Не носитъ на себѣ земли произведеній;
Не зритъ по берегамъ градовъ!

За то и никому вреда не причиняетъ,
Всегда доволенъ самъ собой;
По низкимъ берегамъ цвѣточки оживляетъ,
И богатитъ луга травой.

Какъ вѣрный онъ сосѣдъ, для древъ, палимыхъ жаромъ,
Своихъ сокровищь не щадитъ;
Семейства Патріархъ, игривыхъ рыбокъ даромъ
Онъ кормитъ, веселитъ.

Свободенъ, воленъ, быстръ, онъ вѣтровъ не страшится,
Не знаетъ прихотей, затѣй;
Природы вѣрный сынъ, безъ ропота катится
Къ мѣтѣ, назначенный отъ ней.

Онъ *извивается* . . . не хитростью водимый,
Какъ льстецъ вельможъ передъ лицемъ;
Онъ вьется здѣсь и тамъ, чтобъ жаждою томимымъ
Подать отраду тварямъ всѣмъ.

О щастье сладкое! о радость неизмѣнна!
Невинность! что сравнить съ тобой?
Какими благами богатая вселенна
Купить возможетъ твой покой?

Щастливецъ въ хижинѣ, Небесная, съ тобою
Всея природы властелинъ;

Въ безвѣстности великъ, доволенъ самъ собою,
Въ уединеньи не одинъ.

Навѣты злобнаго и сильнаго гоненья
Его ни мало не страшитъ;
Онъ въ совѣсти своей находитъ утѣшенье,
Когда судьба его разитъ!

Въ кругу своихъ родныхъ, онъ съ книгой или съ лирой
Стократъ щастливѣе Царей;
Не льзя отъ горестей закрыться и порфирой:
Богатъ онъ въ бѣдности своей.—

Хранитель—Ангелъ нашъ! простри свой щитъ надъ нами!
Стезею мирной насъ веди!
Нашъ разумъ озаряй небесными лучами,
И заблужденья упреди! . . .

Посли смиренье намъ, любовь, доброту, силы
Желанья дерзки укрощать;
Сподоби, Кроткая, и на краю могилы
Твои намъ радости вкушать!

Сергей Чаплинъ.

Къ Делію.

Умѣренъ, Делій, будь въ печали,
И въ щастіи не ослѣпленъ:
На мигъ намъ жизнь Безсмертны дали;
Всѣмъ путь къ Тенару проложенъ.

Хотябъ заботы насъ томили;
Хотябъ Токайское вино
Мы, нѣжася на дернѣ, пили:
Умремъ—такъ Діемъ суждено.
Неси жь сюда, гдѣ тополъ съ ивой
Изъ вѣтьвей соплетаютъ кровъ
Гдѣ блещетъ ручеекъ игривой
Среди излучистыхъ бреговъ,
Вино и масти ароматы,
И розы, дышущія мигъ.
О Делій! годы невозвратны:
Играй, пока нить дней твоихъ
Еще у Парки подъ перстами!
Ударитъ часъ—всему конецъ!
Тогда—прости и лугъ съ стадами,
И твой изъ юныхъ розъ вѣнецъ,
И соловья пріятны трели
Въ лѣсу, вечернею порой,
И звукъ пастушеской свирѣли,
И домъ и садикъ надъ рѣкой,
Гдѣ мы, въ сіяніи Діаны,
Кругомъ дерноваго стола,
Стучимъ стаканами въ стаканы,
И пьемъ изъ чистаго стекла
Въ винѣ унылости забвенье!
Играй! таковъ есть мой совѣтъ.
Не въ лѣтахъ жизнь, а въ наслажденьѣ!
Кто щастье зналъ, тотъ жилъ сто лѣтъ.
Пусть быстрымъ, лишь бы свѣтлымъ томомъ
Промчатся дни чрезъ жизни лугъ;
Пусть смерть зайдетъ къ намъ ненарокомъ,
Какъ добрый, но нежданый другъ!

Жуковскій.

НА СМЕРТЬ СЕМНАДЦАТИЛѢТНЕЙ ЭРМИНІИ.

Едва съ младенчествомъ разсталась,
Едва для жизни разцвѣла....
Какъ непорочность улыбалась,
И Ангелъ красотой была!
Въ душѣ ея, какъ утро, ясной
Уже раждался чувства жаръ!...
Но жребій сей цвѣтокъ прекрасной
Могилѣ приготовилъ въ даръ!
И жизнь Творцу она вручила,
И взоры тихіе закрыла,
Не сѣтуя на смертный часъ!
Такъ слѣдъ улыбки изчезаетъ;
Такъ за долиной умолкаетъ
Минутный филомелы гласъ!

Жуковскій.

КЪ МЕРЗЛЯКОВУ.

Поэтъ, воскресившій намъ
Виргилія древняго,
Дающій и правила
И вмѣстѣ примѣры къ нимъ!
Оставь городъ суетной,
Столицу разсѣянья;
Въ деревню, въ деревню къ намъ
Укройся отъ грозныхъ бурь,
Подъ сѣнь рощи липовой,
Гдѣ ждетъ соловей тебя,
Соперникъ твой въ пѣніи.
Тебѣ ли жить въ городѣ,
Тогда какъ въ Природѣ все

Цвѣтетъ улыбается?
И чѣмъ утѣшать себя
Среди толпы праздныя,
Гдѣ многихъ занятіе
Злословіе ближняго;
Гдѣ скука роскошная
Зѣваетъ отъ праздности;
Гдѣ спитъ въ пресыщеніи
Богатство лѣнивое,
Всѣ радости скучныя,
Веселости вредныя,
Всѣ ласки притворныя,
Объятья холодныя;
Гдѣ голосъ любви самой
Едва, едва слышится,
И гдѣ честолюбіе
Въ однихъ дѣтскихъ мѣлочахъ?
Смотри какъ въ садахъ у васъ
Деревья безплодныя
Желѣзомъ обстриженны,
Искусствомъ подровненны,
Стоятъ какъ невольники,
Едва, едва изрѣдка
Листомъ одѣваются,
Едва, едва могутъ лишь
Пускать ростки слабые;
Сравни ихъ съ высокими
Дубами, ростущими
Среди лѣса дикаго: —
Смотри, какъ подъемлются
Главы ихъ высокія;
Смотри, разстилаются
Власы ихъ кудрявые
Играючи съ бурями;
Ихъ корни внутри земли,
Вершины за облакомъ;

Ихъ свойство— величіе,
Удѣлъ—независимость.
Сравни; вотъ подобіе
И жителя градскаго
И жителя сельскаго,
Ихъ сходство, различіе! —
О, вѣрь мнѣ, что въ городѣ
И слава вседневная
Есть гробъ славы истинной.
Писатель, желая льстить
И нравится публикѣ,
Блистая мгновеніе,
Теряетъ безсмертіе,
И жертвуетъ самъ собой
Воздушному призраку.
Поэты великіе,
Вольтеры, Гораціи,
Любили бесѣдовать
Съ Природою— матерью.
Среди горъ заоблачныхъ
И въ царствѣ зимы сѣдой,
Гдѣ вѣтры свирѣпствуютъ,
Гремятъ громы грозные,
Ревутъ воды ярыя,
Свергаяся въ пропасти,
Въ долинахъ Швейцаріи,
Цвѣтистыхъ, муравчатыхъ,
Въ прелестнѣйшемъ сумракѣ
Деревъ сѣннолиственныхъ,
Близъ хижины Дафниса,
Близъ стада Розаліи
Пѣвалъ пѣвецъ Авеля.
На грозной, крутой скалѣ,
На волны нагнувшейся,
Любилъ Демосѳенъ сидѣть,
Любилъ смотрѣть издали
На море пустынное;

Любилъ онъ прислушивать,
Какъ волны колышутся;
Обдумывалъ съ геніемъ
Тѣ рѣчи безсмертныя,
Въ которыхъ онъ пережилъ
Аѳины и Грецію.
Подъ сводомъ густыхъ аллей
Любилъ Буало бродить,
Искать рифмы звучныя,
Творить стихи сладкіе. —
Приди къ намъ, любезный другъ,
Встрѣчать лѣто красное!
Ты книгъ не бери съ собой;
Здѣсь книга великая
Природы открыта намъ:
Въ деревнѣ не надобно
Цвѣтовъ остроумія;
Здѣсь сердце лишь надобно.
Друзья твои ждутъ тебя;
Въ объятья отверстыя
Готовы прижать тебя!
Приди раздѣлить съ нами
Не яствы сахарныя,
Не вина заморскія,
Но Русской обѣдъ простой,
Приправленной ласкою
Хозяйки привѣтливой
И дальней прогулкою.
У насъ не найдешь, мой другъ,
Ни злата, ни мраморовъ
Подъ кровомъ соломеннымъ;
За то ты у насъ найдешь,
Чего нѣтъ давно уже
Въ большихъ городахъ у васъ —
Сердца откровенныя,

Свободу безпечную,
Веселость игривую. —
И что пчелѣ надобно?
Цвѣты и убѣжище!

Воейковъ.

САДЫ.

Отливы зелени старайся замѣчать,
Чтобъ лучше цвѣтъ къ цвѣтамъ, тѣнь къ тѣнямъ подбирать.
Учись тому тогда, какъ осень увядаетъ,
И томною рукой вѣнокъ свой украшаетъ:
Какой богатой видъ, величіе и свѣтъ!
Багряной, ранжевой, златой и алой цвѣтъ
Льютъ велелѣпной блескъ съ сѣнистой древъ вершины.
Но, ахъ! сей яркой блескъ предтеча ихъ кончины.
Въ подлунномъ мірѣ семъ равенъ судебъ законъ
Для древъ и для людей: — ужь скоро Аквилонъ
Деревья обнажитъ своимъ дыханьемъ бурнымъ,
Туманъ разстелется по небесамъ лазурнымъ;
Отъ вѣтровъ хрупкой листъ въ полянахъ зашумитъ,
Мечтателей въ саду пріятно устрашитъ
И шумомъ выведетъ изъ думы ихъ унылой;
Но разрушеніе такое сердцу мило.
Когда къ печали я судьбою осужденъ,
Воспоминаніемъ прошедшаго смущенъ,
Съ Природой горестной я горесть раздѣляю,
И въ общемъ бѣдствіи отраду получаю.

Одинъ съ тоской моей брожу туда, сюда,
Дни юности прошли какъ сладка мечта,
И рѣзвость унесли и радости съ собою!—
О Меланхолія! приди грустить со мною,
Приди не съ страшнымъ ты, нахмуреннымъ челомъ,
Какъ скорбь ужасная; приди въ подобьи томъ,
Какъ улыбается осенній день румяный,
Къ намъ прозирающій сквозь синіе туманы;
Чтобы спокойствіе я видѣлъ на челѣ,
Полузакрытый взоръ, на коемъ дума въ мглѣ,
Глаза готовые печаль дѣлить съ друзьями
И сердце облегчить горючими слезами.

Такъ я питалъ въ душѣ печальныя мечты,
Какъ вдругъ цвѣтущіе семействами кусты
Предстали предъ меня прелестны и кудрявы.
Простите, о дубы! о кедры величавы!
Прости обширный лѣсъ! прости дремучій боръ!
Теперь зовутъ меня и мой прельщаютъ взоръ
Не гордыя древа,—кустарники смиренны.
Придите милые! приди, народъ волшебный,
Чертами нѣжными украсить сцену намъ:—
Вы краткой переходъ отъ дерева къ цвѣтамъ.
Когдабъ я не спѣшилъ къ предположенной цѣли,
Вы надолго бъ меня остановить успѣли:
Съ какой готовностью я вамъ бы помогалъ,
Прямилъ вашъ гибкой станъ и вѣтьви расправлялъ;
Съ какою радостью подъ вашими тѣнями
Провелъ бы ручейки своими я руками;
То вѣтьви сводами, шатрами бы согнулъ;
То лозы вкругъ дубковъ зеленыхъ обогнулъ;

И вображалъ бы зрѣть въ картинѣ этой милой
Эмблему красоты, соединенной съ силой.
Я ваши краски бы смѣшалъ одну съ другой,
Отъ бѣлой, розовой, до темноголубой;
Разнообразилъ бы какъ можно наслажденья,
Чтобъ пресыщенный взоръ избавить утомленья:
Съ завистной ревностью и ваши бы цвѣтки,
И ваши чашечки и ваши бы верхи
Въ блистательныхъ моихъ ландшафтахъ съединились,
И Ванъ Гюйзимовы бъ картины постыдились.

А ты, Богъ коего съ избыткомъ наградилъ,
Чьей власти пышные кустарники вручилъ!
Разсаживай древа съ искусствомъ имъ приличнымъ;
Дары ихъ раздѣляй по временамъ годичнымъ;
Чтобъ каждое въ чреду намъ дань свою несло,
И года зрѣли бъ мы всегда въ цвѣтахъ чело.
Твой садъ по временамъ свой видъ перемѣняетъ,
Что мѣсяцъ — то твоя въ немъ роща разцвѣтаетъ;
Что рощи — то своя особая весна;
Какъ птичка чуть мелкнетъ и пролетитъ она.
Тогда мы къ хитрости прибѣгнувъ въ огорченьѣ,
Получимъ отъ нея себѣ вознагражденье;
Весной отцвѣтшія деревья и кусты
Не потеряютъ тѣмъ блестящей красоты:
Такъ Хлоя, нарядясь искусною рукою,
И въ зиму лѣтъ своей прельщаетъ красотою.

Но Небо, не смотря на лютый зимній хладъ,
Не всѣхъ лишило насъ пріятностей, отрадъ;

Деревья многія одежду сохраняютъ,
Суровость вьюгъ, снѣговъ, морозовъ презираютъ,
Наслѣдства не совсѣмъ зима отчуждена;
Черно-кудрявая, смолистая сосна,
И тернъ свѣтящійся, иглами воруженный,
И лавръ божественный, сей лавръ, всегда зеленый,
Отраду льютъ землѣ, за смерть Природы мстятъ.
Смотри, какъ, съ зеленью смѣшавшися, блестятъ
Коралломъ почки ихъ, плоды цвѣтутъ багрянцомъ;
Всѣ краски собраны, покрыты яркимъ глянцомъ.
Милѣе зелень ихъ среди пустыхъ полей:
Неожиданное насъ трогаетъ сильнѣй.
Такія дерева садъ зимній украшаютъ,
Въ тѣни ихъ въ ясный день морозы забываютъ;
Зимой, когда земля вездѣ обнажена,
Тамъ птички въ зелени, забывши времена,
Забывши мѣстъ обманъ, порхаютъ и кружатся,
Поютъ возвратъ весны и лѣтомъ веселятся.

Однако время, вкусъ, искусство и труды
Одни безсильны намъ очаровать сады;
Въ послѣдствіи на все мы смотримъ равнодушно;
Что прежде нравилось, то послѣ будетъ скучно;
И часто, какъ въ саду любуется чужой
Великолѣпіемъ, отдѣлкой, красотой;

Владѣлецъ онаго, средь радостей, унылой
Зѣваетъ, пресыщенъ.— Какой же тайной силой
Древа и рощицы возмогутъ привлекать,
Быть вѣчно новыми и вѣчно восхищать?
О! какъ обычаемъ Лапландцевъ я плѣняюсь,
Какъ часто мысленно въ ихъ край переселяюсь!
Умѣютъ укрощать они суровость зимъ;
Ни клену, ни дубовъ въ ихъ полѣ не узримъ;
Не вытерпятъ они мертвящаго тамъ хладу;
Ель мрачная одна дана имъ на отраду;
Ель скудной зеленью въ проталинахъ блеститъ;
Но самой мѣлкой кустъ, который пощадитъ
Жестокость долгихъ зимъ и лютость вьюгъ, мороза,
Имъ драгоцѣннѣе, чѣмъ мирты, лавръ и роза.
Тамъ древо каждое друзьямъ посвящено,
Для друга, для отца оно посажено,
Для гостя, коего отъѣздъ ихъ огорчаетъ,
Пріемлетъ имя ихъ, и вѣчно сохраняетъ.

Похвальному сему примѣру подражай,
Деревья очаруй и садъ свой оживляй —
Счастливый житель странъ благословенныхъ, мирныхъ!
Не будетъ у тебя тогда лѣсковъ пустынныхъ;
Безмолвныя древа намъ станутъ говорить;
Воспоминанія по рощамъ будутъ жить,
Отсутственны друзья имъ будутъ украшеньемъ,
И сердцу съ милыми въ разлукѣ утѣшеньемъ.

Воейковъ.

ГАРМОНІЯ.

Глаголъ таинственный Создателя міровъ!
Начало щастія, источникъ наслажденья!
Чей голосъ выразитъ твои благотворенья?
Исполненна твоихъ вселенная даровъ.

Гармонія! вездѣ меня ты восхищаешь! . . .
Ведешь ли въ торжествѣ свѣтилъ небесныхъ
хоръ,
Иль въ Этнѣ пламенной народы ужасаешь, —
Или угрюмо зришь съ вершинъ кремнистыхъ
горъ;

Внимаю ли тебѣ шумящихъ водъ въ паденьи...
Въ мечтанья погруженъ, съ унылою душой,
Теряюся временъ въ сумрачномъ отдаленьи
И сладостно мирюсь съ разящею судьбой.

Являешься ли ты въ стихіяхъ раздражен-
ныхъ,
Въ блистаньяхъ молніи, средь грохота гро-
мовъ —
Недвижимъ, на скалахъ, вѣками разрушенныхъ,
Дивлюся, трепеща, Властителю міровъ!

Разлуку ль колоколъ печальный возвѣщаетъ,
Въ безвѣстности самой твой слышимъ див-
ный гласъ;
Звучитъ — и слезы извлекаетъ,
Наводитъ грозное уныніе на насъ.

Великихъ ли дѣла Бардъ славитъ вдохно-
венный:
Зрю пламень лютыхъ битвъ на гибельныхъ
поляхъ;
Полки спираются, летятъ ожесточенны
Путемъ честей, побѣдъ, жить въ будущихъ
вѣкахъ.

Но кроткій миръ низшелъ — жаръ бранный
погасаетъ,
Смягчившись воинъ зритъ на милую, на чадъ,

Къ трепещущей груди любезныхъ прижимаетъ,
Льетъ слезы—щитъ, копье повержены лежатъ.

Кто, кто не чувствовалъ твоихъ благотво-
ренiй?
Гармонiя! речешь—престалъ стихiй раздоръ! . .
Сынъ тлѣнiя, игра судебъ и заблужденiй,
Подъемлетъ ко Творцу свой благодарный взоръ.

Неизъяснимая! зарею пробужденный,
Невинный селянинъ, въ палящiй лѣта зной,
Съ серпомъ блистающимъ на нивѣ, утомлен-
ный —
Не чувствуетъ трудовъ—обвороженъ тобой!

Раздался тихiй звукъ пастушеской свирѣли—
Гремящiе рога вторятся надъ рѣкой! . . .
Красавицы села оставивъ мирны сѣни,
Безпечно рѣзвятся въ тѣни дубовъ густой.

Сiянiемъ луны сребристой озаренны,
Вкушаютъ сладкiе дары твоихъ отрадъ;
Спокойны, безъ заботъ, тоской неомраченны,
Желаньемъ дальнихъ благъ себя не тяготятъ.

И я, узнавъ твои святыя наслажденья,
Тебѣ дни юности прелестной посвящалъ:
Щастливый, радостный, въ восторгахъ вдох-
новенья,
Я пѣснiю своей свѣтило дня встрѣчалъ.

Осеннею ль порой, угрюмою ль зимою,
Пою . . вокругъ меня почiющiй туманъ;
Въ степяхъ шумящiй вѣтръ, громъ, бури съ
черной мглою,
Синѣющiй вдали безбрежный Океанъ.

Во ужасы, во хладъ Природа облекаясь,
Плѣняетъ грозною своею красотой!
И вѣчность строгая, сквозь тьму временъ являясь,
Съ улыбкой кажетъ мнѣ на камень гробовой!

Ахъ! естьли рокъ судилъ мнѣ жертвой быть страданій,
Въ мученіяхъ, въ тоскѣ всечастно умирать,
Быть чуждымъ, сиротой въ жилищѣ испытаній,
Вездѣ безчувственность, гоненія срѣтать;

Простри свой взоръ ко мнѣ, Гармонія святая!
Съ тобой вездѣ найду отраду и покой.
Кто, кто не тронется, твой сладкій гласъ внимая,
Кто не почтитъ пѣвца, любимаго тобой?

Самъ Богъ къ пѣвцамъ твоимъ вниманіе склоняетъ;
Ихъ лирою златой и камень оживленъ.
Поютъ—вездѣ восторгъ, и горесть утихаетъ;
Поютъ—подземный міръ и Церберъ усыпленъ.

Безсмертье въ ихъ устахъ! . . . грядущимъ поколѣньямъ
Протекши доблести ихъ голосъ возвѣститъ;
Мелькнутъ столѣтія! . . . но звукъ ихъ пѣснопѣнья
И въ разрушеніи вселенной возгремитъ.

Погибнутъ ли въ бояхъ, иль жизнью удрученны,
Взойдутъ во свѣтлыя обители отцовъ:

Ихъ будетъ прахъ священъ! . . . и гробы ихъ
священны
Не могутъ низложить порывы всѣхъ вѣковъ.

Туда питомецъ Музъ, чувствительный
душою,
Придетъ,—могилы ихъ слезами окропитъ;
Возбудитъ лирный звукъ могущею рукою,
И снова славу ихъ въ потомствѣ оживитъ!

Аркадій Родзянка.

НА СМЕРТЬ ЛАУРЫ.

Колонна гордая! о лавръ вѣчно-зеленый!
Ты палъ!—и я на вѣкъ лишенъ твоихъ про-
хладъ!
Ни тамъ, гдѣ Индъ живетъ лучами опаленный,
Ни въ хладномъ Сѣверѣ для сердца нѣтъ от-
радъ! . .

Все смерть похитила, все алчная пожрала,
Сокровище души, покой и радость съ нимъ!
А ты, земля, вовѣкъ корысть не возвра-
щала,
И мертвый нѣмъ лежитъ подъ камнемъ гробо-
вымъ!

Все тщетно предъ тобой, и власть и волх-
praванья;
Таковъ судьбы завѣтъ! . . . Почтожъ мнѣ долѣ
жить? . .
Увы! чтобъ повторять въ часъ полночи ры-
данья
И слезы вѣчныя на хладный камень лить!

Какъ сладко, жизнь, твое для смертныхъ обольщенье!
Я въ будущемъ мое блаженство основалъ;
Тамъ пристань видѣлъ я, покой и утѣшенье,
И—все съ Лаурою въ минуту потерялъ!

Батюшковъ.

КЪ * * *

При отъѣздѣ его въ армію.

Веселаго пути
Любезному желаю
Ко древнему Дунаю!
Отринь покой—лети
За Рускими орлами!
Но въ полѣ, подъ шатрами,
Друзей воспоминай
И сердцу милый край,
Гдѣ ждетъ тебя, уныла,
Твой другъ, твоя Людмила,
Хранитель—Ангелъ твой!
Съ крылатою мечтой
Проникни сокровенно
Въ чертогъ уединенной
Гдѣ, съ вѣрною тоской,
Съ пылающей душой,
Она, одна, вздыхаетъ,
И промыслъ умоляетъ:
Да будетъ Твой покровъ
Въ обители враговъ!—
Смотри, какъ томны очи,
Какъ видъ ея унылъ;
Ей бѣлый совѣтъ постылъ;
Одна, во мракѣ ночи,

Сокрылась въ теремъ свой;
Лампаду зажигаетъ,
Письмо твое читаетъ,
И робкою рукой
Отвѣтъ ко другу пишетъ,
Гдѣ въ каждомъ словѣ дышетъ
Души ея печаль!—
Лети въ безвѣстну даль!
Твой Генїй надъ тобою!
Среди опасна бою
Его незримый щитъ
Тебя прїосѣнитъ—
И мимо пролетитъ
Стрѣла ужасной Гелы.
Ахъ! скоро ль твой веселый
Возвратъ утѣшитъ вновь
И дружбу и любовь?

Для скорьби утоленья
Податель благъ, Зевесъ,
Двумъ жителямъ небесъ
Минуты разлученья
Повѣрилъ искони.
,,Да будутъ—рекъ—они:
,,Одинъ посолъ разлуки,
,,Свиданія другой!"
И въ часъ сердечной муки;
Когда, рука съ рукой,
Въ тоскѣ безмолвной, други,
Любовники, супруги,
Съ послѣднею слезой,
Въ послѣднемъ лобызаньѣ,
Послѣднее прощанье
Другъ другу отдаютъ,
Мольбы изъ сердца льютъ,

И тихими стопами,
Съ поникшими главами,
Въ душѣ скрывая стонъ,
Идутъ, осиротѣли,
Въ свой теремъ опустѣлый.
Сынъ Дія Абеонъ (*)
Задумчивый, бескрылой,
Съ улыбкою унылой,
Съ отрадой скорбныхъ слезъ
Спускается съ небесъ,
Ведомый Адеономъ,
Который тихимъ звономъ
Волшебныхъ струнъ своихъ
Льетъ въ сердце упованье
На близкое свиданье! . . .

Я вижу обоихъ:
Одинъ съ своей тоскою
И тихою слезою;
Съ надеждою другой! . . .
Прости, мой другъ нелестной!
На долголь — неизвѣстно;
Но вѣрую душой —
И вѣра не обманетъ —
Желанный день настанетъ:
Мы свидимся съ тобой! . .

Или . . . Увы! незримо
Грядущее для насъ. . .
Быть можетъ, въ оный часъ,
Когда ты, невредимо
Свершивъ опасный путь,
Свободою вздохнуть

(*) Абеонъ и Адеонъ два Греческія божества; одинъ присутствовалъ при разлукѣ, другой при свиданіи.

Придешь въ сѣни родимой
Съ Людмилою своей,
Ты спросишь у друзей:
Гдѣ скрылся другъ любимой?
И что жь тебѣ въ отвѣтъ?
„Его ужь въ мірѣ нѣтъ!"...
Такъ, если въ цвѣтѣ лѣтъ
Меня возметъ могила,
И участь присудила,
Чтобъ первый я изчезъ
Изъ милаго мнѣ круга—
Друзья, безъ скорбныхъ слезъ,
На прахъ взирайте друга!...
Гдѣ свѣтлою струей
Плескаетъ въ брегъ зеленый
Извивистый ручей;
Гдѣ сѣнистые клены,
Сплетаютъ изъ вѣтьвей
Покровъ гостепріимный,
Лобзаясь съ вѣтеркомъ;
Туда — лишь надъ холмомъ
Луна, сквозь облакъ дымный,
При вечерѣ блеснетъ,
И липа разольетъ
Окрестъ благоуханье —
Сберитесь, о друзья,
Въ мое воспоминанье!
Надъ вами буду я,
Древесъ подъ зыбкой сѣнью,
Невидимою тѣнью
Летать рука съ рукой
Съ утраченнымъ Филономъ!
Тогда вамъ тихимъ звономъ
Покинутая мной
На юномъ кленѣ лира
Пришельцевъ возвѣститъ

Изъ таинственна міра,
И тихо пролетитъ
Задумчивость надъ вами;
Увидите сердцами,
Въ незнаемой дали,
Отечество желанно,
Пріютъ обѣтованной
Для странниковъ земли.

Жуковскій.

ВЕЧЕРЪ.

Въ тотъ часъ, какъ солнца лучь потухнетъ за горою,
Склонясь на посохъ свой дрожащею рукою,
Пастушка дряхлая отъ бремени годовъ,
Спѣшитъ, спѣшитъ съ полей подъ отдаленный кровъ,
И тамъ, пришедъ къ огню, среди лачуги дымной
Вкушаетъ трапезу съ семьей гостепріимной,
Вкушаетъ сладкій сонъ, замѣну горькихъ слезъ! —
А я, какъ солнца лучь потухнетъ средь небесъ,
Одинъ, въ изгнаніи, одинъ съ моей тоскою,
Бесѣдую въ ночи съ задумчивой луною!

Когда вечерній лучь потухнетъ средь морей,
И ночь, угрюмая владычица тѣней,
Сойдетъ съ высокихъ горъ съ отрадной тишиною;
Оратай острый плугъ увозитъ за собою,
И медленной стопой идя подъ отчій кровъ,
Поетъ простую пѣснь—въ забвенье всѣхъ трудовъ! —

Въ тѣни домашнихъ Ларъ, и всюду сынъ послушный,
Съ отцомъ и матерью вкушаетъ пиръ радушный.
Онъ счастливъ; я одинъ тоской усыновленъ,
Грущу и день и ночь среди безмолвныхъ стѣнъ!—

Лишь мѣсяцъ сквозь туманъ багряный ликъ уставитъ
Въ недвижныя моря; пастухъ поля оставитъ,
Простится съ нивами, съ дубравой и ручьёмъ,
И гибкою лозой стада погонитъ въ домъ.—
Игралище вѣтровъ среди пучины пѣнной
И ты, рыбарь, спѣшишь на брегъ уединенной!
Тамъ сѣти преклонивъ ко утлой ладіѣ,
(Вотъ все отъ грозныхъ бурь убѣжище твое!)
При блескѣ молніи, при шумѣ непогоды
Заснулъ... и счастливъ ты, угрюмый сынъ природы!

Но се блѣднѣетъ тамъ багряный небосклонъ
И медленной стопой идутъ волы въ загонъ
Съ холмовъ и пажитей, туманомъ орошенныхъ:
О пѣснопѣній мать! — въ вертепахъ отдаленныхъ,
Въ изгнаньи горестномъ, утѣхи дней моихъ...
О лира!—возбуди бряцаньемъ струнъ златыхъ
И холмы спящіе и кипарисны рощи,
Гдѣ я, печали сынъ, среди глубокой нощи,
Объятый трепетомъ, склонился на гранитъ:
И надо мною тѣнь Лауры пролетитъ!—

Батюшковъ.

РАЗЛУКА и ЛЮБОВЬ.

РОМАНСЪ.

Однажды встрѣтилась Разлука
Съ Любовью страстной на пути:
"Опять?—такъ скоро!—грусть и скука!
Опять *должна* сказать: *прости*! . . .
(Любовь рыдаетъ) О мученье!—
Иль мало собственныхъ мнѣ бѣдъ!
Измѣна, ревность, подозрѣнье:
Противъ Любови цѣлой свѣтъ!

Гдѣ свыкнутся душа съ душою,
Гдѣ только къ счастью разцвѣтутъ,
Далекой, близкою грозою
Не нынче, завтра ты ужь тутъ;
Счастливцы мучатся въ сомнѣньи,
Не вѣренъ имъ ни день, ни часъ,
Трепещутъ въ каждомъ наслажденьи!
Всегда въ устахъ:—*въ послѣдній разъ*! . . .

Съ боязнью друга я встрѣчаю,
Съ боязнью говорю: *ты мой!*
Еще ко груди прижимаю,
А сердце ноетъ ужь тоской!
Весь міръ съ тобою въ заговорѣ;
И чиста радость никогда
Не свѣтитъ въ страстномъ, миломъ взорѣ,
И скорбь въ душѣ моей всегда.

Не смотришь ты на нѣжны слезы
Младыя, пламенной четы;
Снѣгами засыпаешь розы.
И кроешь крепомъ—красоты.—

Тебя ни вѣрность, ни страданье,
Ни добродѣтель не смягчатъ:
Всечасное души терзанье! —
Нѣтъ, легче смерть тебя стократъ!“—

Сестрица! не ропщи! — всякъ знаетъ,
Я для тебя не такъ вредна,
Любви Разлука отвѣчаетъ:
Я спутницей тебѣ дана
На то, чтобы твои утѣхи
Разнообразіемъ питать
Преобращая въ слезы смѣхи,
Твои желанья оживлять.—

Неблагодарная! — что будешь,
Предавшися самой себѣ?
Ты цѣну радостей забудешь:
И радость надоѣстъ тебѣ.
Не я ль сердца друзей связую,
Препоной больше пламеню,
Терпѣньемъ вѣрность испытую
Къ безцѣнному свиданья дню!

Ахъ! нужно, нужно и ненастье!
Скажи, кто въ свѣтѣ бы возмогъ
Снести безперерывно счастье ? —
Такихъ силъ смертнымъ не далъ Богъ!
У легковѣрнаго младенца
Беру на время я цвѣтокъ,
Чтобъ новымъ подарить отъ сердца
И, какъ играть, подамъ урокъ! —

Но есть и радости со мною:
Не мнѣ ли ты одолжена
Своей задумчивой слезою,
Какъ смотрится въ окно луна

И ночь почіетъ надъ горами;—
Не яль во снѣ твой нѣжу духъ?
Не я ль дарю тебя мечтами, —
И цѣлой міръ съ тобою другъ?

Не мнѣ ль обязана сей сладкой,
Мелинхолической тоской,
Которой ты несешь украдкой
Все въ жертву: радость и покой.
О рай души воспламененной!
Богъ знаетъ, кто милѣй изъ двухъ:
Желанной другъ, иль полученной?
Привычка—тягостной недугъ!

Измѣны часто отъ Разлуки!
Пусть такъ!—Но кто же виненъ? Ахъ!
Почто о томъ вздыханья, муки,
Который вѣренъ лишь въ глазахъ!
Но ты все плачешь. . . . томны вѣжды,
На долго ль?—говорятъ;—не плачь;
Пади въ объятія Надежды:
Она твой другъ, она твой врачь

Мерзляковъ.

ОРЕЛЪ и ЧИЖЪ.

Орелъ.

Я полный властелинъ воздушнаго всего!

Чижъ.

Я Чижь — и больше ничего!

Орелъ.

Полета въ быстротѣ я къ солнцу возношуся.

Чижъ.

А я. кругомъ пастушки вьюся

Орелъ.

Живу на крутизнахъ, внизу внимаю громъ.

Чижъ.

Лизеты грудь мой милый домъ.

Мещевскій.

НА ПЛЯСКУ Д. ВЪ ОДНОМЪ ПРЕВОСХОДНОМЪ БАЛЕТѢ.

Волшебствъ и красоты съ незнаемаго міра,
Не Фея-ль, отдѣлясь, предстала предо мной,
Иль Флора нѣжная, любимица Зефира,
На злачныя поля слѣтающа весной,
Иль Нимфа свѣтлыхъ водъ, прекрасна Данаида,
За коею бѣжитъ въ восторгѣ Аполлонъ,
Иль юная сама, Любови мать, Киприда,
Ефирозвѣздяной имѣюща хитонъ?
Съ сей чудной быстротой, съ сей легкостью небесной,
Съ простыми смертными летаетъ предо мной,
Движеньемъ правитъ хоръ гармоніи прелестной,
И Игры, Прелести вокругъ ее толпой!
То съ нею въ быстротѣ чуть видимой кружатся,
То вдругъ, недвижные, свершивши быстрый кругъ,
Съ лилейною рукой воздѣты устремятся,
Прильнутъ къ устамъ, къ груди!... съ стопами вьются вдругъ!...
Она, при громѣ струнъ, во гнѣвѣ и прещеньи,
Богини предо мной являетъ грозный видъ,
И въ выразительномъ, протяжномъ изступленьи,

О нѣжности любви съ улыбкою твердитъ! —
О еслибъ я возмогъ, твоимъ владѣя даромъ,
Очарованье лить какъ ты вокругъ себя;
Съ какимъ бы сладостнымъ, кипящимъ въ сердцѣ жаромъ,
О дѣва юная! прославилъ я тебя! —

Милоновъ.

КЪ ЛИДѢ.

О бѣлогруда!
Все здѣсь мечта;
О черноока!
Время летитъ:
Молодость роза;
Утро ей вѣкъ.

Сладостью дышетъ;
Взоры манитъ....
Вѣтеръ повѣялъ,
Листъ облетѣлъ,
Нѣтъ аромата,
Нѣтъ красоты.

Болѣ не вьются
Вкругъ мотыльки;
Пчелки блестящи
Къ розѣ не льнутъ;
Стебель изсохшій
Прахомъ покрытъ.

Рдяны ланиты,
Алы уста,

Пламенемъ тихимъ
Полная грудь,
Огненны очи,
Свѣтлы власы,

Все восхищаетъ,
Лида, въ тебѣ!
Голосъ твой арфы
Сладкія звукъ;
Юноши роемъ
Въ слѣдъ за тобой.

Лида! . . . но время
Быстро летитъ,
Все на минуту!
Роза цвѣла,
Роза увяла:
Вотъ твой удѣлъ.

Рдяны ланиты,
Алы уста
Блѣдность покроетъ;
Въ томныхъ очахъ
Пламень угаснетъ;
Младость, прости!

Юноши роемъ
Прочь отлетятъ,
Слѣдомъ за ними
Плески, хвалы,
Прелестей слава!
Горестна мысль! . . .

О бѣлогруда!
Радость лови!

Мило быть милой,
Мило прельщать;
Лида! — милѣе
Страстно любить!

Міръ безъ любови
Слезна юдоль.
Почести, слава,
Дымъ безъ нее;
Съ нею темница
Свѣтлый чертогъ.

Ты погрузилась
Въ думу, вздохнувъ!
Щеки зардѣлись....
Сладостный часъ!
Къ сердцу прижалась
Ты моему!

Лида безцѣнна!
Радость души!
Пусть позабудетъ
Цѣлый насъ міръ:
Ты мнѣ вселенна!
„Ты цѣлый міръ.“

Ивановъ.

УСЛАДЪ и ВСЕМИЛА БАЛЛАДА.

„Радость дней моихъ, Всемила!
„Не грусти, не плачь о мнѣ;
„Безъ тебя мнѣ жизнь постыла
„Будетъ въ дальной сторонѣ.

„Не грусти! за Русь святую,
„За Царя, за край родной
„На Литву иду я злую;
„Скоро свидишься со мной.
„Предъ святыми Образами,
„Предъ всевидящимъ Творцемъ
„Лучше слезы лей ручьями
„О возвратѣ ты моемъ!“

Такъ прощаясь со Всемилой,
Говорилъ Усладъ младой.
„Ахъ! могу ль разстаться, милой,
„Безъ тоски, безъ слезъ съ тобой?“
Золото кольцо снимала
Тутъ она съ руки своей,
Другу на руку вздѣвала,
Чтобы помнилъ онъ объ ней.
„Можетъ быть, давно могила
„Ждетъ тебя въ странѣ чужой!
„Знай, не будетъ жить Всемила;
„Свѣтъ ей милъ однимъ тобой!“

Время мчится, пролетаетъ;
Объ Усладѣ слуха нѣтъ;
Дни Всемилы скорбь снѣдаетъ;
Ей противенъ бѣлый свѣтъ.
Друга ждетъ назадъ всечасно,
День и ночь объ немъ грустить;
Ожиданіе напрасно!
Ахъ, надежда тщетно льстить!
Не спѣшитъ Усладъ къ Всемилѣ;
Вѣсти къ дѣвицѣ не шлетъ.
Не уже ли онъ въ могилѣ?
Не ужель покинулъ свѣтъ?

Чѣмъ разгнать печаль и скуку?
Сердцу гдѣ найти покой?—
Получить Всемилы руку
Вотъ пріѣхалъ Князь младой.
Злато, ткани дорогія
И каменья ей даритъ.
Будь моею! дни златые
Потекутъ для насъ—твердитъ.
Долго слушать не хотѣла
Словъ, гдѣ лести ядъ былъ скрытъ;
Быть измѣнницей робѣла;
Наконецъ—Усладъ забытъ!

Гдѣ, Всемила, обѣщанья?
Гдѣ хранитель-ангелъ твой?
Часъ разлуки, часъ свиданья,
Позабыто все тобой!
Ахъ! но что съ Усладомъ будетъ?
Онъ любви не измѣнитъ,
Долгу клятвы не забудетъ,
Вѣрность къ милой сохранитъ.
Страшно въ гнѣвѣ Богъ караетъ,
Имъ возженъ въ насъ огнь любви;
Богъ измѣнницъ не прощаетъ,
Гнѣвъ свой тушитъ въ ихъ крови.

Вѣсть достигла до Услада
(Вѣрный другъ ее принесъ);
Смерть одна ему отрада!
Молитъ смерти отъ Небесъ.
Небеса моленью вняли
(Знать оно достигло ихъ);
Смерти Ангела послали
Разрѣшить отъ узъ земныхъ.

Въ цвѣтѣ дней Усладъ, средь боя,
Жизнь отчизнѣ въ даръ принесъ;
Въ землю скрыли прахъ Героя,
И никто не пролилъ слезъ.

Вотъ Всемила съ новымъ другомъ
Брачный празднуетъ союзъ;
Всѣ желаютъ ей съ супругомъ
Легкихъ и пріятныхъ узъ.
Алый сокъ драгій струится
Въ чашахъ сребряныхъ, златыхъ;
На ланитахъ радость зрится,
Пьютъ здоровье молодыхъ.
Вдругъ во храмину вступаетъ
Витязь — взоръ сокрытъ его.
Какъ ни просятъ, не снимаетъ
Витязь шлема своего.

Онъ кольцо вручилъ Всемилѣ,
Страсти пламенной залогъ.
„Торжествуй! Усладъ въ могилѣ;
„Но измѣну видитъ Богъ!
„Спятъ въ Его десницѣ громы;
„Но онъ злыхъ готовъ карать!"
Рѣчь и поступь ей знакомы,
Проситъ шлемъ пернатый снять.
Долго витязь не рѣшался
Скинуть шлемъ съ главы своей;
Наконецъ повиновался —
Чтожь представилось предъ ней?

Зритъ Услада — изъ могилы
Онъ возсталъ. (О страшный видъ!)
Стынетъ въ жилахъ кровь Всемилы,
Громъ ужасный въ слухъ разитъ:

„Ты моя! ничто на свѣтѣ
„Насъ не можетъ разлучить!“
Такъ Всемилы дней во цвѣтѣ
Прервалася жизни нить. . . .
Ахъ, красавицы! учитесь
Клятвы данныя хранить;
Измѣнять любви страшитесь;
Есть Творецъ, готовый мстить!

Граматинъ.

ПРОСТИ—КЪ МОЕЙ РОДИНѢ.

Прости въ послѣдній разъ, родимая дубрава,
Златая колыбель невинности моей! . . .
Гдѣ дружба, гдѣ любовь, гдѣ милая забава
Мнѣ улыбалися весеннею зарей! . . .

Прости, священный дубъ, краса долинъ родимыхъ,
Свидѣтель радостей питомца твоего! . . .
Увы! онъ ихъ лишенъ! лишенъ сихъ дней щастливыхъ!
Лишь горесть мертвая осталась для него! . . .

Уже твой нѣжный другъ, сужденный злой судьбою
Лить слезы сиротства на чуждой сторонѣ,
Не будетъ болѣе съ вечернею зарею
Бесѣдовать съ тобой въ безпечной тишинѣ.

И въ полночь—мѣсяца въ задумчивомъ мерцаньѣ,
Страдалецъ не придетъ подъ твой священный кровъ,

Своихъ печальныхъ чувствъ въ сердечномъ изліяньѣ,
Почтишь слезой любви могильный холмъ отцовъ.

Прости родной ручей, Природы сынъ смиренный!
Полей надежный другъ — котораго кристаллъ,
Порывомъ дерзостнымъ злыхъ бурь невозмущенный,
Мнѣ образъ ясныхъ дней щастливца представлялъ! . . .

Увы! прошли тѣ дни невинности щастливой,
Когда я на твоихъ тѣнистыхъ берегахъ
Сидѣлъ въ мечтаніяхъ подъ дремлющею ивой,
И горестный мой взоръ блуждалъ въ твоихъ струяхъ! . . .

Когда спѣшилъ на холмъ, въ святомъ благоговѣньѣ,
Въ часъ утра золотой привѣтствовать зарю,
И слезы тихія, въ сердечномъ умиленьѣ,
Съ мольбою возсылать вселенныя къ Царю! . .

О время радостей, о время наслажденій!
Почто промчалось ты съ такою быстротой? . .
Почто лишился я тѣхъ милыхъ заблужденій,
Въ которыхъ щастливъ былъ невинною мечтой? . . .

Простите, мирныя отцовъ моихъ долины!
Прости и ты на вѣкъ, уединенной лѣсъ —
Гдѣ тлѣетъ милый прахъ безцѣнныя Алины! . .
Гдѣ часто проливалъ я рѣки горькихъ слезъ! . .

Другъ сердца моего! кто съ свѣтлою весною,
На гробъ твой первую фіалку принесетъ?
Кто дружбы и любви чистѣйшею слезою
Угасшій пепелъ твой изъ тлѣнья воззоветъ? . .

Теперь печальныхъ чувствъ въ разстроенной свободѣ,
Сужденный навсегда оставить край родной,
Пришолъ послѣднее *прости* сказать Природѣ,
Чтобъ встрѣтить первую луну въ странѣ чужой.

Семенъ Филимоновъ.

ВАКЛИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Други! намъ вожди прямыя
Къ храму славы и наукъ —
Леля стрѣлы золотыя,
Рюмокъ звонъ и стукъ!

Дайте жь, други, мнѣ Лилету,
Иль Шампанскаго бокалъ!
Съ ними весело Поэту,
А безъ нихъ — пропалъ!

Дайте то, или другое!
Съ милой счастливъ безъ вина;
А безъ милой — выпью вдвое,
Втрое, все до дна!

Кто усердно выпиваетъ,
Кто и любитъ и любимъ;
Тотъ безсмертіе стяжаетъ;
Честь и слава съ нимъ!

Посмотрите: въ полѣ брани
Вѣютъ наши знамена;
Россъ приноситъ славѣ дани —
Смерть въ бою славна!

Тамо съ саблей изощренной,
Въ легкомъ киверѣ съ перомъ,
Пылью, кровью покровенный,
Россъ бросаетъ громъ!

Здѣсь — въ сѣни уединенной
Надъ кристальною Невой,
Бардъ плѣняетъ вдохновенный
Лирой золотой.

Что же душу въ насъ питаетъ?
Что волнуетъ сильно кровь?
Что насъ къ славѣ призываетъ? —
Бахусъ и любовь.

Слава, честь, любови дѣти;
Слава, честь, вину друзья:
Ими лѣни гнусной сѣти
Разрываю я!

Такъ! вожди всегда прямыя
Къ храму славы и наукъ:
Леля стрѣлы золотыя,
Рюмокъ звонъ и стукъ!

N. N.

КЪ КАЛЛІОПѢ

Сойди съ небесъ хвала героевъ,
Сойди Царица Музъ, трубу свою прими,
Безсмертнымъ гласомъ пѣснь высокую греми,
Или при звукѣ лирныхъ строевъ,
Иль съ арфой Феба золотой! —

Не внемлете ль? — Иль я мечтаю? —
О прелесть! о восторгъ, чарующій пѣвцовъ!
Уже блуждаю въ мглѣ божественныхъ лѣсовъ,
Журчаніе ключей внимаю
И сладкой шопотъ вѣтерка.

Отъ дѣвъ Парнасса вся благая.
Могу ли я забыть, какъ въ отческой странѣ,
Усталаго отъ игръ, младенца, въ сладкомъ снѣ,
Чудотворяща горлицъ стая
Въ тѣни осыпала меня

Благоуханными цвѣтами;
И Ахеронція, нагнувшись съ дикихъ скалъ,
Дивилася и боръ Бантинскій трепеталъ,
И углубленный межъ холмами
Фарентъ (*) во ужасѣ: кто сей,

Кто сей, вѣщаетъ, невредимый
Ни звѣремъ, ни зміемъ на дернѣ луговомъ,
Покрытый лаврами и миртами кругомъ? —
Сей сынъ земли непостижимый
Не безъ призрѣнія боговъ! —

(*) Ахеронція, Бантина, Фарентъ — названія городовъ нижней Италіи.

Я вашъ, я вашъ, о Піериды!
Стремлюся ли когда въ Сабински высоты,
Пренестъ ли ждетъ меня, Тибура ль красоты,
Иль влажныхъ Байй милы виды
Мнѣ улыбаются вдали?

Я вашъ!—любитель громкихъ хоровъ,
Любитель счастливый отъ васъ святимыхъ водъ,
Я вами огражденъ средь бранныхъ непогодъ,
Среди стихійныхъ въ безднѣ споровъ,
Подъ древомъ смерти роковымъ.

Готовъ, готовъ стремиться съ вами
Босфора злобнаго въ зыбучія поля,
Пылающихъ песковъ въ безбрежныя моря
Землей, пучиной, небесами
Безбѣдный странникъ и пловецъ!

Увижу льдистой брегъ Британновъ,
Пришельца робкаго погибельной предѣлъ,
И племя Гелоновъ, ужасныхъ силой стрѣлъ,
И пьющихъ кровь коней Конкановъ,
И мрачный Скифскій Танаисъ!—

Вы заперли врата военны;
Отъ васъ пріялъ гражданъ осиротѣвшій градъ;
Лобзаютъ матери давно желанныхъ чадъ!—
И въ вашихъ гротахъ несравненный
Почіетъ Цезарь послѣ бурь.

Отъ васъ спасительны уроки,
Вы учите добро любить и совершать! —
Вселенна видѣла неистовую рать,
Титановъ замыслы высоки,
И торжествующій перунъ.

И тотъ, которой управляетъ
Трясеніемъ земли, волненіемъ въ моряхъ,
Раздоромъ въ тартарѣ и громомъ въ небесахъ,
Кто смертныхъ и боговъ смиряетъ
Единъ единой правотой, —

И тотъ востренеталъ дружины
Земныхъ богатырей, зовущихъ небо въ бой,
Когда отъ братнихъ рукъ, какъ листъ передъ грозой,
Взлетѣлъ на Пиндовы вершины
Многолѣсистый Пеліонъ;

Но что Тифей, что Мимасъ ярый,
Но что Порфиріонъ, мятежныхъ силъ глава,
И Ретъ, и съ корнями кидающій древа
Енцеладъ, коего удары
Трясли молніецвѣтну твердь?

Что всѣ враги боговъ, закона
Предъ опаляющимъ Минервинымъ щитомъ?—
Здѣсь ратуетъ Вулканъ, облитый вкругъ огнемъ,
Тамъ всемогущая Юнона;
Здѣсь звонкій напрягаетъ лукъ,

Изъ неприступныхъ свѣта сѣней,
Кропящій чистою Кастальскою росой
Власы, разлитые по раменамъ волной, —
Пророкъ и Царь родимыхъ тѣней,
Благовѣститель Аполлонъ.

Падетъ совѣта чужда сила,
Своей огромностью стирается въ пыли;
Смиренну мудрость Богъ возноситъ на земли!
Злой умыслъ самъ себѣ могила,
И проклятъ предъ лицемъ Небесъ!—

Не ты ль сей правды возвѣститель,
Стремительный Гигесъ, сторукій изувѣръ!
Ты наглой Оріонъ, наказанныхъ примѣръ,
Діяны чистой искуситель,
Сраженный дѣвственной стрѣлой.

Земля дрожитъ, реветъ, стенаетъ!
Громами сверженныхъ тягча преслушныхъ чадъ;
Ихъ давитъ, жжетъ, томитъ богатый въ му-
каxъ адъ.
Огнь быстрый Этну пожираетъ
И неизсякнетъ никогда!

Титей, не жди отрадъ покоя,
И не насытится, ко чреву пригвожденъ,
Піющій кровь твою пернатый стражъ измѣнъ!—
Трехсотны цѣпи Перитоя
Тѣснятъ безбожникамъ въ урокъ.—
Мерзляковъ.

ПРИЗЫВАНІЕ СИЛЬВІИ.

Ты ль, Сильвія, мой духъ хранитель,
Луны трепещущимъ лучемъ
Проникнувъ въ спящую обитель,
Меня тревожишь въ снѣ моемъ?

Ты ль образъ красоты безплодной?
Мечтанье ли души моей?
Или, возставъ изъ сѣни гробной,
Ты вѣстникъ радостный для ней?

Ты ль съ свѣтлою звѣздой востока
По небу тихому течешь,

И отлученнаго далеко
Къ себѣ сопутника зовешь?

Носись невидимою тѣнью,
Являйся въ темнотѣ ночей,
Не къ страху друга — къ утѣшенью,
Бесѣдуй съ скорбію моей!

Умерь тоски его терзанье,
Томленье сирыя любви;
Пролей надежду на свиданье
И вѣры пламень обнови!

Твой видъ съ его слïянный духомъ
Пусть всюду онъ несетъ съ собой,
Вездѣ пусть ловитъ жаднымъ слухомъ
Ему знакомый голосъ твой.

Носись надъ спящими водами,
Блуждай по синевѣ небесъ,
Вставай съ луною за холмами,
Смотри съ зарей сквозь частый лѣсъ!

Живи въ моей мечтѣ отрядной,
Летай надъ мною въ тихомъ снѣ,
Не дай тоскѣ гнѣздиться гладной
И скорби ропота во мнѣ!

Милоновъ.

ИДИЛЛІЯ.

О Лилла! блаженство дней юныхъ не вѣчно,
Какъ быстрый источникъ оно скоротечно;
Веселья не придетъ потерянный часъ;
Все тать сокровенный похититъ у насъ;

Расцвѣтшая роза чрезъ мигъ исчезаетъ;
Не долѣ у Лиллы зефиръ лобызаетъ,
И лиліи персей и розы ланитъ,
И въ страсти другъ сердца къ нимъ взоры стремитъ!

Мы также какъ роза мгновенны бываемъ,
Не долѣе зрѣемъ — скорѣй отцвѣтаемъ;
Добыча злой Парки ужь многіе дни,
Томленіе сердца, утрата любви.
Съ вѣнкомъ увядаетъ чело имъ увито,
Мы зримъ, что проходитъ; что будетъ — сокрыто!
О Лилла! ужь тѣни не ищетъ въ дубравѣ,
Ни агнецъ, рѣзвяся въ невинной забавѣ,
Ни серна прохлады въ ущелинахъ горъ,
Съ днемъ каждымъ въ долинахъ тѣряетъ нашъ взоръ
Фіалки и розы, полей украшенье;
То смолкнетъ пернатыхъ, что слышится пѣнье;
Въ лѣса опустѣвши вновь придетъ весна:
Но юность другая для насъ не дана!
Ничто не наполнитъ грудь въ скорби отцвѣтшу,
Ничто не воротитъ любовь отлетѣвшу!

О Лилла! доколѣ не все отцвѣло,
Вѣнкомъ ароматнымъ украсивъ чело,
Власы распустивши, какъ розы душисты,
На полныя груди, на перси волнисты,
Прижмися, лилейной рукой оплетясь,
Ты къ другу, устами съ устами слѣпясь —
Пусть духъ воспылаетъ любовью объятой!
Пусть грозное время къ намъ мчится съ закатомъ,

И дни передъ нами какъ стрѣлы летятъ!
Любви наслажденья намъ все замѣнятъ.
Въ ней жизни вся сладость, въ ней счастье природы,
Минута съ ней то же, что цѣлые годы.

Милоновъ.

МОЕ МЕЧТАНІЕ ВЪ НОЧЬ ОСЕННЮЮ.

Зари я вижу просвѣтъ милой;
Я слышу свѣжій вѣтерокъ.
Гдѣ жъ ты, давнишній мой дружокъ,
Съ твоей гармоніей унылой?
Проснись, молчавшая давно,
Проснись прелестница драгая,
Подруга, арфа золотая!
Присѣвъ въ часъ ночи подъ окно,
Хочу игрой твоей волшебной
Въ воспоминанье незабвенной
Свой духъ унылый усладить,
И мракъ окрестный оживить!
Зови ко мнѣ мою супругу
Изъ хладныхъ нѣдръ зимли сырой,
Да прежнюю мою подругу
Узрю въ красѣ ея земной.

О радость! . . . Зефиръ повѣваетъ!
Святой я трепетъ ощутилъ!
Не твой ли духъ съ небесъ слетаетъ,
Сожитель кроткой горнихъ силъ!
Явися мнѣ, душа небесна!
Въ сіяньи Ангела любви,
Шепни : *люблю*, . . . слова прелестны! . .
И другомъ сердца назови! —

Не ты ль . . . и въ звѣздочкѣ сребристой,
Не твой ли слѣдъ, сей слѣдъ огнистой,
Что взоръ мой на небѣ ловилъ?
О! — сколько духъ мой ни унылъ —
Едва увижу взоръ небесный,
Услышу голосъ твой прелестный,
Что ты мой другъ, — и что не вѣкъ
Въ не нещастьяхъ страждетъ человѣкъ,
Что рано ль, поздно ль, но съ тобою
Я буду жить одной душою:
Утѣшенъ я въ единый мигъ,
И нѣтъ ужь слезъ въ глазахъ моихъ!

И въ видѣ бабочки прекрасной
Не тыль къ свѣтильнику летишь?
Лети, спѣши къ душѣ нещастной,
Ты въ ней надежду возродишь:
Надежду, что въ предѣлахъ вѣчныхъ
Безсмертіе она найдетъ
Съ тобой, и въ узахъ безконечныхъ
Союзъ нашъ тлѣнной оживетъ. —
И лучь, что въ густотѣ древесной
Отъ полныя луны скользилъ,
Не твой ли взоръ — твой взоръ прелестной
На лирѣ струны осребрилъ? . . .
Чтожь медлишь, милая супруга!
Явися въ образѣ своемъ,
Мой благодѣтель, другъ, подруга
Въ ничтожномъ, мрачномъ мірѣ семъ!
Мой Ангелъ — тамъ, гдѣ все нетлѣнно,
Все свято, вѣчно, непремѣнно,
Душа твоя и красота. . . .
Гдѣ жизнь есть жизнь — а не мечта.

НАДПИСЬ НАДЪ ГРОБОМЪ МОЛОДОЙ ПАСТУШКИ.

Подруги юныя! въ безпечности игривой
Подъ плясовой напѣвъ вы рѣзвитесь въ лугахъ!
И я, какъ вы жила, въ Аркадіи счастливой,
И я на утрѣ дней въ цвѣтущихъ сихъ поляхъ
Всѣ радости вкусила.
Любовь въ мечтахъ златыхъ мнѣ счастіе сулила.
Но чтожь осталось мнѣ, пастушки, въ сихъ мѣстахъ? . . .
Могила! —

Б.

ПАДЕНІЕ ЛИСТЬЕВЪ.
ЕЛЕГІЯ.

Разсыпанъ Осени рукою
Лежалъ поблекшій листъ кустовъ,
Зимы предтеча, страхъ съ тоскою,
Умолкшихъ прогонялъ пѣвцовъ.
Болѣзнью, скорбью отягченный,
Собралъ остатокъ слабыхъ силъ,
Въ мѣстахъ сихъ юноша сраженный;
Еще въ послѣдній разъ бродилъ,
,,Въ твоемъ, о роща, опустѣньи
Я зрю плачевный жребій мой,
И каждаго листа въ паденьи
Я вижу смерть передъ собой!
О Эпидавра прорицатель!
Ужасный твой мнѣ внятенъ гласъ: —
,,Долинъ отцвѣтшихъ созерцатель,
,,Ты здѣсь уже въ послѣдній разъ!

„Твоя весна скорѣй промчится,
„Чѣмъ пожелтѣетъ листъ въ лугахъ
„И съ стебля сильный цвѣтъ свалится!“..—
И — гробъ отверстъ въ моихъ очахъ!
Осенни вѣтры возшумѣли
И дышутъ хладомъ средь полей,
Какъ легкій призракъ улетѣли
Златые дни весны моей!
Валисъ, валися листъ мгновенный!
И скорбной матери моей
Мой завтра гробъ уединенный
Сокрой отъ слезныхъ ты очей!
Когдажъ къ нему съ тоской, слезами,
И съ распущенными придетъ
Вокругъ лилейныхъ плечь власами
Моихъ подруга юныхъ лѣтъ,
Въ безмолвьи осени угрюмомъ,
Какъ станетъ помрачаться день,
Тогда буди ты легкимъ шумомъ
Мою утѣшенную тѣнь!“...
Сказалъ — и въ путь свой устремился;
Назадъ уже не приходилъ:
Послѣдній съ древа листъ сронился,
Послѣдній часъ его пробилъ.
Подъ дубомъ юноши могила.
Но съ скорбію въ душѣ своей
Подруга къ ней не приходила;
Лишь пастырь, гость нагихъ полей,
Порой вечернія зарницы,
Гоня стада свои съ луговъ,
Глубокой миръ его гробницы
Тревожитъ шорохомъ шаговъ.

Милоновъ.

КЪ ПОЭЗІИ.

Чудесный даръ боговъ!
О пламенныхъ сердецъ веселье и любовь,
О прелесть тихая, души очарованье —
Поэзія! съ тобой
И скорбь, и нищета, и мрачное изгнанье —
Теряютъ ужасъ свой!
Въ тѣни дубравы надъ потокомъ,
Другъ Феба, съ ясною душей,
Въ убогой хижинѣ своей,
Забывшій рокъ, забвенный рокомъ —
Поетъ, мечтаетъ и — блаженъ!
И кто, и кто не оживленъ
Твоимъ божественнымъ вліяньемъ?
Цѣвницы грубыя задумчивымъ бряцаньемъ,
Лапландецъ, дикій сынъ снѣговъ,
Свою шуманную отчизну прославляетъ,
И неискусственной гармоніей стиховъ
Смотря на бурные валы, изображаетъ
И дымный свой шалашъ, и хладъ и шумъ морей,
И быстрый бѣгъ саней,
Летящихъ по снѣгамъ съ оленемъ быстроногимъ.
Щастливый жребіемъ убогимъ,
Оратай, наклонясь на плугъ,
Влекомый медленно усталыми волами —
Поетъ свой лѣсъ, свой мирный лугъ,
Возы, скрыпящи подъ снопами.
И сладость зимнихъ вечеровъ,
Когда, при шумѣ вьюгъ, предъ очагомъ блестящимъ,

Въ кругу своихъ сыновъ,
Съ напиткомъ пѣннымъ и кипящимъ,
Онъ радость въ сердце льетъ,
И мирно въ полночь засыпаетъ,
Забывъ на дикія бразды пролитый потъ. —
Но вы, которыхъ лучь небесный оживляетъ,
Пѣвцы, друзья души моей!
Въ печальномъ странствіи минутной жизни сей
Тернистую стезю цвѣтами усыпайте,
И въ пылкія сердца свой пламень изливайте!
Да звукомъ вашимъ громкихъ лиръ
Герой, ко славѣ пробужденный,
Дивитъ и потрясаетъ міръ!
Да юноша воспламененный
Отъ нихъ въ восторгѣ слезы льетъ,
Олтарь отечества лобзаетъ,
И смерти за него, какъ блага, ожидаетъ!
Да бѣдный труженикъ душею разцвѣтетъ
Отъ вашихъ пѣсней благодатныхъ!
Но да обрушится вашъ громъ
На сихъ жестокихъ и развратныхъ,
Которые въ стыдѣ съ возвышеннымъ челомъ,
Невинность, доблести и честь поправъ ногами,
Дерзаютъ величать себя полубогами! —
Друзья небесныхъ Музъ! пленимся ль суетой?
Презрѣвъ минутныя успѣхи —
Ничтожный гласъ похвалъ, кимвальный звонъ пустой —
Презрѣвши роскоши утѣхи,
Пойдемъ Великихъ по слѣдамъ! —
Стезя къ безсмертію судьбой открыта намъ!
Не остыдимъ себя хвалою
Высокихъ жребіемъ, презрительныхъ душою, —

Дерзнемъ достойныхъ увѣнчать!
Любимцуль Фебову за призракомъ гоняться?
Любимцуль Фебову во прахѣ пресмыкаться,
И униженіемъ Фортуну обольщать?
Потомство раздаетъ вѣнцы и посрамленье:
Дерзнемъ свой мавзолей въ олтарь преобра-
тить!
О слава, сердца восхищенье!
О жребій сладостный въ любви потомства
жить!

Жуковскій.

ПРИ ВСТРѢЧѢ ВЕСНЫ.

Сердце сжатое тоскою,
Слило всѣ въ одинъ предметъ.
Цѣль одна ему къ покою,
Тамо — на краю суетъ.

Тамъ, гдѣ слабому сильнѣйшій
Не считаетъ своихъ правъ;
Тамъ, гдѣ Нерона лютѣйшій,
Ярый укротился нравъ.

Гдѣ за деньги не обидятъ,
Не чертятъ земель въ куски,
Изъ чего ихъ домъ не видятъ,
Изъ металла иль доски.

Не гремятъ гдѣ цѣпи рабски
И не брызжутъ слёзы — кровь.
Гдѣ не носятъ съ видомъ ласки
Въ сердцѣ ядъ — въ глазахъ любовь.

Гдѣ вельможа строгимъ вздлядомъ
Страха въ душу не прольетъ;
Тихо-кротко, съ нищимъ рядомъ
Спитъ какъ братъ. — Гдѣ власть минетъ.

Крестъ на шеѣ — звѣзды, лента,
Гдѣ разсудковъ не темнятъ,
Графа — пастуха — Агента
Времена гдѣ прахъ смѣсятъ.

Гдѣ мечты покой не рушатъ,
Страсти сердца не томятъ:
Не палятъ его — не сушатъ;
Гдѣ все спитъ — и страсти спятъ.

Я завидую покою
Для меня его, ахъ! нѣтъ:
Сердце сжатое тоскою,
Слило всѣ въ одинъ предметъ.

Вѣютъ ли кругомъ Зефиры,
Травки ль ароматы льютъ,
Звуки ли согласной лиры
Нѣжны тоны издаютъ.

Иль любимицы прироры
Вѣрные друзья съ весной,
Дѣти счастія, свободы,
Птички вьются надо мной.

Пестра ль бабочка летаетъ;
Рыбаль плещетъ изъ волны;
Солнце ль надо мной сіяетъ,
Или кроткій лучь луны.

Рѣчка ль тихо протекаетъ,
Иль блеститъ въ кустахъ роса.
Или вѣтеръ завываетъ,
Съ трескомъ въ низъ клоня лѣса.

Черны ль тучи разовьются:
Грянетъ громъ — померкнетъ свѣтъ.
Съ градомъ ли дожди прольются,
Гнѣвъ въ нихъ творческій блеснетъ.

Я смотрю холоднымъ окомъ
Съ равною на все тоской,
И убитый злобнымъ рокомъ,
Духъ вездѣ томится мой.

Вся природа оживилась;
Жизнь весна всему дала;
Я лишь съ жизнію простилась,
Я . . . . . живая умерла.

Время мощною рукою
Изцѣлитъ ли раны? — Нѣтъ!
Сердце сжатое тоскою
Слило все въ одинъ предметъ.

Бунина.

НАДГРОБНАЯ Г. С.

Кто съ миромъ разлучась, лишь прахъ свой въ немъ оставилъ,
Пусть лесть надгробія тому писать велитъ:
Дѣлами жъ кто себя великими прославилъ,
О томъ не мраморы — безсмертье возвѣститъ.

С. Родзянка.

САДЫ.

Въ картинѣ дѣйствіе потребно — безъ того
Задремлетъ праздный умъ: оно душа всего.
На мертвыя поля взираемъ мы безъ чувства;
Опять возмемъ въ примѣръ изящныя искусства,
И станемъ замѣчать, какъ живописца кисть
Одушевляетъ холстъ, вливаетъ въ краски жизнь.
Предметы движутся на полотнѣ недвижномъ:
Тамъ вихрь ломаетъ лѣсъ въ стремленіи порывномъ,
Вотъ вьется дымъ изъ трубъ, тамъ слышенъ бури свистъ,
Тутъ овцы съ яблони ощипываютъ листъ,
Тамъ пляски пастуховъ, свирѣли, хороводы:
Вотъ жизнь, вотъ дѣйствіе! съ согласія природы
Садите и кусты и гордые древа;
Пусть колыхается отъ вѣтра ихъ глава;
Прохладную ихъ тѣнь въ садахъ святыней чтите,
Желѣзу оскорблять природу запретите;
Она творитъ и дубъ и вязъ красой лѣсовъ;
Отъ корня до сучковъ, отъ вѣтьвей до листовъ,
Все гибче, гибче ихъ она образовала,
И рощу, какъ рѣку отъ вѣтра, взволновала.
Я зрю невѣжество съ сѣкирою въ рукахъ. . . .
Бѣгите Нимфы рощь! . . . . нѣтъ помощи. . . . о страхъ!
Неумолимые срубили верхъ красивый. . . .
Не видно, не слыхать какъ вѣтерокъ игривый

Перебирается сквозь вѣтьвей ихъ, жужжитъ,
И нѣгой утопясь, на ихъ листочкахъ спитъ;
Однообразные, бездушные, холодны,
Желѣзу дерева содѣлались подобны.

Видъ сельской есть ландшафтъ: пусть гордый лѣсъ шумитъ,
Пускай струится лугъ, пускай тростникъ звенитъ;
Все, все бездушное въ садахъ одушевите,
И даль предметами живыми населите.
Пусть водопадъ реветъ, пускай журчатъ ключи,
Пусть вьются по травѣ игривые ручьи.
Все живо! синій лугъ, уступы горъ съ кустами,
Пестрѣютъ, движутся, красуются стадами.
Я вижу, тамъ коза на крутизнѣ скалы,
Виситъ на воздухѣ межь неба и земли;
Я слышу ревъ быковъ, овецъ, ягнятъ блеянье,
Зыкъ рога по горамъ и эха хохотанье.
На жирной пажити, гдѣ ключь съ холма бѣжитъ,
Колѣна подогнувъ дебелый быкъ лежитъ;
Межь тѣмъ какъ гордый конь, строптивый, разъяренный,
Трезубцемъ бога водъ для браней порожденный,
Играетъ вкругъ него бодръ, легокъ и красивъ;
Или бѣжитъ къ рѣкѣ — и съ розмаху вскочивъ,
Струи знакомыя съ храпеньемъ возмущаетъ;
Иль гриву длинную по вѣтру распущаетъ,
Къ любовницамъ своимъ на паству онъ летитъ;
Трясется тучный лугъ отъ топота копытъ;
Глаза его горятъ и дымъ съ ноздрей клубится;
Летитъ — исчезъ — но взоръ мой въ слѣдъ за нимъ стрѣмится.

Такъ вы безмолвное пространство населя,
Одушевили все: пустынныя поля,
Дубравы мертвыя въ туманномъ отдаленьѣ,
Все ожило у васъ, и все пришло въ движенье.

Желаешь ли ты взоръ сильнѣй очаровать?
Умѣй движенію свободы видъ придать;
Вотъ мой совѣтъ: границъ не означай ты саду;
Сломай, или хитрѣй закрой его ограду:
Предѣлъ прекраснаго мой глазъ съ печалью зритъ;
Гдѣ зрѣнью нашему надежда ужь не льститъ,
Очарованіе и прелесть исчезаетъ;
Тогда несытая душа моя мечтаетъ,
Что за преградою досадныя стѣны
И виды и мѣста быть лучшіе должны;
Грущу, вообразя, что я цѣпями скованъ;
Тогда мой умъ смущенъ и взоръ разочарованъ.

Въ вѣкъ грозный рыцарства былъ каждой сельской домъ
Прикрытъ бойницами, вокругъ окопанъ рвомъ,
И каждой предокъ нашъ стѣнами огражденный,
Чтобъ безопаснѣй жить, жилъ такъ какъ заключенный.
Какую пользу намъ ограда принесетъ,
Котору создалъ страхъ, а гордость бережетъ?
Стѣнамъ, которыя стѣсняли наши взгляды,
Не лучше ль предпочесть колючія ограды,
Зеленые валы, гдѣ робкою рукой
Рвемъ розу дикую или крыжовникъ злой?
Несносно скученъ садъ стѣсненный городьбою;
Оковы разорвемъ, и смѣлою стопою

Въ свободный садъ вздохнуть свободно мы пойдемъ;
Ерменовиль для насъ послужитъ образцемъ.
Сады казались встарь безплодными полями;
Засѣяны поля здѣсь кажутся садами.
Сидяща на высяхъ, отколь объемлетъ взоръ
Разстланныя поля и рядъ далекихъ горъ,
Природа генію, какъ нѣжна мать, вѣщаетъ,
Черты неконченны докончать поручаетъ:
„Мой трудъ недоверщенъ; кинь быстрый взглядъ окрестъ,
„И будь вторымъ творцомъ сихъ втунѣ спящихъ мѣстъ;
„Ихъ отдаю тебѣ въ щастливое подданство,
„Да оживишь сіе молчащее пространство.“
Скончала — онъ летитъ въ пустынныя мѣста,
Гдѣ въ мрачной дикости дремала красота;
Слегка, обрисовалъ прелестныя картины,
И осмотря луга, лѣса, холмы, долины,
Одно соединилъ, другое раздѣлилъ,
Сіе поставилъ въ видъ, а то искусно скрылъ;
Тамъ онъ раздвинулъ лѣсъ, а сдѣсь навѣсилъ тѣни,
И душу далъ всему; — но сей художникъ — геній,
Какъ нѣкій чародѣй, умѣя льстить глазамъ,
Не новые творитъ въ садахъ предметы намъ;
Онъ только старые съ разборомъ поправляетъ,
Черты природою начатыя кончаетъ.
Велитъ — и мрачное стремнистыхъ горъ чело,
Лишившись ужасовъ, улыбкой разцвѣло;
Покрылися цвѣтнымъ ковромъ пески сыпучи;
Велитъ — суровой видъ теряетъ лѣсъ дремучій,
И на воды склонясь въ ихъ зеркало глядитъ;
Велитъ — падутъ древа — открылся новый видъ;

Ручей не ровно текъ — онъ бѣгъ его исправилъ,
Прочистилъ озеро и бить ключи заставилъ.
Велитъ дорожкамъ онъ и тропкамъ врозь бѣжать,
Сходиться, путаться, искать, соединять
Далеко по саду разбросанныя части,
Которыя досель невѣдомой имъ власти
Всеобладающа искусства покорясь,
Другъ съ другомъ сладкую почувствовали связь,
И прежде чуждыя — составили едину,
Великолѣпную, всецѣлую картину.

Воейковъ.

НА СМЕРТЬ Д.

Гдѣ ты, о юная подруга Терпсихоры?
Вчера ты въ торжествѣ являлась предо мной;
Вчера твои красы срѣтали жадны взоры,
Обвороженные чудесной быстротой;
Зефира легкаго и прелесть и движенье,
Цвѣтъ нѣжныя весны, сокрывшійся на вѣкъ,
Вчера срѣтала ты мой плескъ и удивленье,
Сего дня . . . встрѣтить гробъ я ранній твой притекъ! —

Когда средь сонма Сильфъ и рѣзвыхъ Ореадъ
Дивился твоему искусству несравненну;
Мечталъ ли, что тебя, весельемъ оживленну,
На утро окуетъ внезапной смерти хладъ?
При взглядѣ на тебя, средь сладкаго томленья,
Мечталъ ли, чтобъ красы разцвѣтшія твои,
Утративъ и хвалу и таинства свои,

Столь рано погреблись въ обители истлѣнья?
О дѣва! можетъ быть, въ незнаньи, сей же часъ,
(Сокрытъ кончины мигъ) и я, тебѣ подобно,
У праха твоего изрекши стихъ сей скорбно,
Услышу и меня зовущій смерти гласъ!

Милоновъ.

КЪ МОСКОВСКИМЪ СТИХОТВОРЦАМЪ.

На день 2 Сентября 1812 года.

Гдѣ вы, питомцы Россійскаго Феба,
Кроткія чада смиренныхъ богинь?
Гдѣ вы сокрыты, счастливый даръ неба?
Во мракѣ пустынь.

Тамъ вы склонили на томныя лиры
Взоръ вашъ унылый въ молчаньи, въ тѣни;
Струнъ ихъ безгласныхъ не движутъ зефиры
Въ печальные дни.

Бурные Галлы съ грозой налетѣли,
Какъ пышущій зѣвомъ разверстый Эревъ,
Въ нашу отчизну, на прагъ колыбели,
На гробы отцевъ.

Движутся гробы; мятутся въ нихъ прахи;
Въ облакѣ черномъ дымится земля.
Тѣни кровавы и блѣдные страхи
Одѣли поля.

Хижинъ убогихъ и мраморныхъ храминъ
Сыплются стѣны, и тонутъ въ крови.
Царствуетъ злоба; на грудѣ развалинъ
Нѣтъ мѣста любви.

Мѣста нѣтъ въ мірѣ любви и покою
Въ грозномъ паденьи перуновъ и жертвъ;
Смотримъ на небо съ надеждой святою:
Гласъ промысла мертвъ!

Тщетно сынъ мудрый безтрепетнымъ окомъ
Съ брега на волны сей жизни взиралъ;
Зрите! и мудрыхъ, сражаемыхъ рокомъ
Несетъ тотъ же валъ!

Съ пристани гонитъ драконъ кровожадный
Насъ пѣснопѣвцевъ, и съ мудрыми вдругъ
Все на полетѣ разитъ безпощадный —
До царства наукъ.

Долго ли Музамъ на Пиндъ не являться?
Долго ль въ дубравахъ молчать соловьямъ?
Россимъ піитамъ безъ солнца скитаться
По дикимъ мѣстамъ?

Скоро, о други! сей гидры стоглавой
Зѣвъ сокрушится предъ строемъ гражданъ!
Богъ увѣнчаетъ иль смертью, иль славой
Потомковъ Славянъ!

Измайловъ.

СЕЛАДОНЪ и АМЕЛІЯ.

Ужасенъ грома гласъ пророковъ злыхъ рабамъ.
Но мститель пламенный паря по небесамъ,
Всегда ль приноситъ казнь дрожащему злодѣю?—
Любезный *Селадонъ* съ *Амеліей* своею

Являли образецъ прелестныя четы.
Въ нихъ равна доброта; въ нихъ равны красоты;
Единство милое лишь поломъ раздѣлялось:
Въ ней утро раннее, златое улыбалось;
Въ немъ ясной, яркой день, краса природы всей.
Любовь связала ихъ, любовь блаженныхъ дней,
Подруга простоты, которая сначала
Невинность, искренность и счастье въ насъ питала.
То было дружество, союзъ сердецъ святой;
Надежда сладкая, увѣренность, покой
Свѣтились въ ихъ очахъ и въ души изливались.
Любови преданы, другъ другомъ восхищались,
Другъ другу были тѣмъ, чѣмъ каждой былъ себѣ;
Другъ друга радовать — обѣты ихъ судьбѣ.—
Въ уединеніи, сквозь тѣни древъ прохладны
День сельской освѣщалъ бесѣды ихъ отрадны;
Нѣмой языкъ сердецъ: вотъ весь ихъ разговоръ;
Люби и будь любимъ: слова замѣнятъ взоръ!
И жизнь катилась ихъ, какъ тихій ключь кристальной,
Безъ бурь и безъ заботъ. — Однажды, въ рощѣ дальной,
Постигла ихъ гроза, обманутыхъ тропой.—
Безпечны, заняты единственно собой,
Когда сама Любовь любимцовъ провождая,
Велѣла вкругъ цвѣсти очарованьямъ рая,
Могли ли замѣчать, куда ведетъ ихъ путь?
—Вздыханья томныя тѣснили дѣвы грудь,
И въ сердцѣ вѣщемъ хладъ безвѣстный возраждался;
Печальный взоръ ея то робко поднимался

Къ гремящимъ небесамъ, то въ горестныхъ
слезахъ
На друга упадалъ, чтобъ въ немъ прочесть —
свой страхъ!
Ни Вѣра, ни Любовь ее не подкрѣпляла;
И въ трепетѣ она, казалося, срѣтала
Парящую къ ней Смерть! . . . и замеръ дружбы
гласъ!
И тщетенъ всякъ совѣтъ! Какъ Ангелъ, въ
смертной часъ,
Со взоромъ, тающимъ въ любви и умиленьѣ,
Зритъ праведной души на небо возвращенье:
Такъ Селадонъ взиралъ на блѣдны красоты. —
„Невинность кроткая! чего боишься ты? —
„Что бури для тебя? — Ты чужда преступ-
ленья
„И скрытыхъ въ сердцѣ бурь. — Когда пос-
ланникъ мщенья
„Изъ мрака сыплетъ казнь: — то радость и
покой
„Вокругъ тебя стоятъ; — духъ смерти ро-
ковой
„Въ полунощи, во дни, блуждая невидимо,
„Съ тобою встрѣтится, — и тихо пройдетъ
мимо! —
„Сей громъ — глаголъ суда для извергов зем-
ныхъ —
„Какъ Серафимской хоръ, крѣпитъ сердца
Святыхъ. —
„Блаженъ, кто зритъ тебя, блаженъ руково-
димый
„Тобою въ храмъ добра!“ — — — Судьбы не-
постижимы! —
Едва успѣлъ сказать. . . развился молній клубъ,
И дѣва милая — бездушный, хладный трупъ!

Ж

— Кто, кто изобразитъ любовника несчастна
Во изступленіи, недвижима, безгласна,
Окаменѣлаго надъ перстію драгой! —
Таковъ поставленный надъ гробною доской
Скудельный истуканъ, усопшихъ другъ притворный,
Безмолвью вѣчному и горести покорный.

Мерзляковъ.

ЭЛЕГІЯ.

Ко мнѣ свой нѣжной взоръ склонила,
Велѣла слезы отереть
И клятвы снова подтвердила
Любовью вѣчною горѣть.
Послѣдній поцѣлуй свободно
Былъ данъ мнѣ въ подтвержденье словъ:
Какъ обмануть того удобно,
Кто быть обманутымъ готовъ!

И взоры, робко потупленны,
И нѣжности исполненъ гласъ,
И на устахъ напечатлѣнный
Съ восторгомъ поцѣлуй не разъ:
Всеето не любовь — искусство;
Я имъ до днесь обманутъ былъ;
Ее съ моимъ равнялъ я чувство.
Я слабости боготворилъ:
Обѣтовъ смѣлымъ подозрѣньемъ
Не оскорблялъ я никогда;
Ахъ! самымъ лучшимъ увѣреньемъ
Казались ласки мнѣ всегда.

Мое теряя заблужденье,
Теряю прелесть жизни всей:

И въ сердцѣ къ людямъ отвращенье
Со дня невѣрности твоей.
Другимъ желать я предоставилъ
Любви обманчивыхъ забавъ:
Ахъ! лучше бы я жизнь оставилъ,
Заранѣ, щастья не узнавъ!

П. Л.

ПѢСНИ ИЗЪ ЕСѲИРЫ И ИЗЪ АТАЛІИ РАСИНОВОЙ.

О бѣдственной Сіонъ! гдѣ славы блескъ твоей?
Величью твоему дивились во вселенной
Ты превращенъ во прахъ! Воспоминанье слезно
Осталось намъ одно отъ славы сей.
Сіонъ до неба вознесенный,
Теперь до ада низведенный!
О пусть безгласна я останусь на вѣкъ,
Коль въ пѣсняхъ скорбь твою вѣщать когда престану!
Я буду пѣть тебя, доколь дыхать я стану.
. . . . . .

Рыдайте вы со мной, любезныя подруги!
Да скорби нашей вопль проникнетъ въ звѣздны круги;
Дадимъ свободный токъ слезамъ.
Взведемъ свои мы взоры
Во свѣтлы, лучезарны горы,
Отколь низходитъ помощь намъ.
Въ вселенной мракъ простерся вѣчной ночи. . .
Израиль гибнетъ весь. Ахъ плачьте, плачьте очи,

Смиряйте ярость вы разгнѣванныхъ Небесъ. . .
Громъ ярый вознесенъ надъ нашими главами.
Нѣтъ не было во вѣкъ подъ небесами
Толь праведной причины слезъ.
. . . . . .

О агнцы слабые, вы преданы волкамъ,
Лишь воздыханія одно оружье намъ.
. . . . . .

Звучатъ мечи, народъ Господень избиваютъ,
Младенцевъ, старцевъ умерщвляютъ,
И брата и сестру, и мать и дщерь,
Въ обьятіяхъ отца тамъ сына поражаютъ.
Израилю отверзлась гроба дверь.
Вотъ груды мертвыхъ тѣлъ! вотъ члены отсѣченны,
И погребенія лишенны!
Творецъ! святыхъ твоихъ терзаетъ лютый звѣрь,
Ихъ тигры, леопарды пожираютъ.
. . . . . .

Чужихъ грѣховъ несчастны жертвы!
Что пользы сѣтовать, рыдать?
Отцы творили грѣхъ, отцы во гробѣ мертвы;
За ихъ грѣхи невинныхъ насъ казнятъ.
. . . . . .

О Богъ Израилевъ! прорцы, да будетъ день.
Ужель нашъ стонъ Тебя на милость не преклонитъ?
Расторгни Ты покровъ, разсѣй ужасну тѣнь,
Да блескъ лучей Твоихъ печальну ночь прогонитъ.
. . . . . .

Премудрость вѣчная! какимъ, какимъ путемъ
Ты шествуешь? и кто въ совѣтѣ былъ Твоемъ?

Намѣреній Твоихъ кто могъ изслѣдить бѣздны?
Молчать, благоговѣть должны во прахѣ смертны.

. . . . . .

Живъ, живъ Всевышній Богъ! Онъ правыхъ защищаетъ,
Невинность щастіемъ вѣнчаетъ.
Прославимъ Бога своего!
Восхвалимъ, воспоемъ могущество Его!
Сонмъ нечестивыхъ силъ противъ насъ ополчился,
Свирѣпый, лютый врагъ губить насъ устремился;
Уже вознесъ онъ острый мечь,
И наша кровь была готова вся истечь:
Какъ воду бъ пролили ее на землю.
Гласъ всемогущій внемлю!
Господь воззрѣлъ на токи нашихъ слезъ,
Онъ рекъ отъ высоты небесъ —
И гордый человѣкъ надменный,
Поверженъ въ прахъ лежитъ, стрѣлой своей пронзенный.

. . . . . .

Я нечестиваго здѣсь зрѣлъ превознесена.
Какъ кедръ главу скрывалъ онъ въ облакахъ;
Онъ громомъ управлялъ, онъ сѣялъ смерть и страхъ;
Разилъ, тряслась вселенна;
Тѣснилъ враговъ среди величья своего;
И мимо я прошелъ — ужь не было его!

. . . . . .

Я славѣ грѣшника во вѣкъ не удивлялся,
Пускай другой завидуетъ ему.
Я счастье злаго зрѣлъ, и духомъ не смущался.
Онъ сладостныхъ утѣхъ вкушаетъ тьму;

Во златѣ, въ пурпурѣ одеждой онъ блистаетъ
Богатству, гордости его предѣловъ нѣтъ;
Онъ воздыханьями сердецъ не возмущаетъ,
Не знаетъ горести, не терпитъ нашихъ бѣдъ;
На лонѣ роскоши онъ плаваетъ въ довольствѣ:
Онъ дремлетъ, спитъ при звукѣ сладкихъ лиръ;
Онъ просыпается и изумляетъ міръ.
Надѣется еще ожить въ своемъ потомствѣ.
За трапезой его сонмъ рѣзвыхъ чадъ
Пьетъ радость съ нимъ изъ чаши полной.
Блаженъ народъ сей, говорятъ,
Которой такъ цвѣтетъ, въ обильи, всѣмъ довольной!
Блаженнѣе народъ стократъ,
Которой на Творца надежду возложилъ!

. . . . . .

Минуты грѣшника ужасны, возмущенны.
Онъ хладенъ средь утѣхъ, томится онъ душой.
Лишь добродѣтелью мы можемъ быть блаженны:
Блаженство наше лишь въ невинности одной.

Нѣтъ мира грѣшнику, миръ злаго убѣгаетъ;
Извнѣ губящій мечь ему грозитъ,
Внутрь совѣсть сердце въ немъ грызетъ, хладитъ!
Спокойства ищетъ онъ, нигдѣ не обрѣтаетъ;
Геенскихъ мукъ лютѣй казнитъ онъ самъ себя;
Вся слава грѣшниковъ въ минуту исчезаетъ,
Ужасный гробъ на вѣкъ ихъ поглащаетъ.
Но напротивъ, Творецъ! боится кто Тебя,
Десницы тотъ свѣтлѣй, блистательнѣй возстанетъ.

. . . . . .

Коль благъ Господь! Творца коль благо бремя!
Блаженъ, кто сладости его вкусилъ!
Спѣшите юноши къ Творцу во благо время:
Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ Ему жизнь посвятилъ!
Потоками утѣхъ сердца Онъ упоетъ:
Нѣтъ радостей такихъ на свѣтѣ семъ.
Награды Божія не льзя сравнить ни съ чѣмъ.
Коль благъ Господь! Творца коль благо бремя!
Блаженъ, кто сладости Его вкусилъ!
Онъ укрощается, прощаетъ,
Неблагодарныхъ ожидаетъ,
Чтобъ обратилися къ Нему.
Блаженъ, кто можетъ всемъ пожертвовать Ему!
Онъ извиняетъ нашу слабость,
И даже Самъ Онъ ищетъ насъ;
Обьятія Его отверсты всякой часъ.
Коль обращаемся, Онъ ощущаетъ радость. —
Онъ льетъ въ сердца неизреченну сладость.
И сына такъ любить не можетъ мать!
Кому, кому любовь съ Нимъ нашу раздѣлять?

. . . . . .

Вселенная полна его чудесъ:
Онъ царствовалъ до всѣхъ временъ рожденья.
Да будетъ славимъ въ вѣкъ Господь земли, небесъ!
Восхвалимъ, воспоемъ его благотворенья.
Напрасно намъ ничтожный человѣкъ
Препятствуетъ вѣщать его хваленья;
Господне имя не погибнетъ въ вѣкъ.
Природа вся его поетъ и всѣ творенья:
День возвѣщаетъ дню Творца земли, небесъ;
Вселенная полна Его чудесъ:
Восхвалимъ, возвѣстимъ Его благотворенья!

Онъ въ мірѣ намъ открылъ повсюду красоты;
Онъ краски нѣжныя наводитъ на цвѣты;
Для насъ природу Онъ плодомъ обогощаетъ;
Днемъ теплотой, въ ночи прохладой оживляетъ;
И поле, плодъ пріявъ, сторицей возвращаетъ;
На тверди солнце намъ сіяетъ отъ Него,
И свѣтъ есть даръ руки Его.
Свидѣнія Творца, законъ Его священный;
Намъ самый лучшій даръ Его неоцѣненный.
. . . . . .

О вы, въ которыхъ страхъ мрачитъ Творца доброты,
Неблагодарные, Онъ Богъ утѣхъ, щедроты!
Ужели Богъ любви не можетъ васъ плѣнить?
Ужель вамъ тягостно Его любить?
Къ тирану лютому рабъ ужасъ ощущаетъ:
Но сынъ къ отцу любовію пылаетъ.
Хотите получать вы блага отъ Него;
А вы не любите его!
. . . . . .

Блаженъ тотъ юноша, кого Господь наставитъ,
Кто внемлетъ гласъ Его, кого онъ самъ управитъ!
Отъ міра далеко, съ рожденья своего
Воспитывается у Бога предъ очами;
Украситъ душу Онъ небесными дарами,
И злый не отравитъ невинности его.
Стократъ, стократъ блаженны чада,
Которыхъ учитъ Богъ, которымъ онъ ограда!
Такъ юна лилія красой украшена
Близь тока чистаго, кристальнаго въ долинѣ
Растетъ отъ бурь защищена,
Любимица Небесъ, сокрытая въ пустынѣ.

Отъ міра далеко, съ рожденья своего
Воспитывается у Бога предъ очами;
Украситъ душу Онъ небесными дарами,
И злый не отравитъ невинностей его.
Блаженъ тотъ юноша, стократъ дитя блаженно,
Которое Творцу предастся совершенно!
Какими бѣдствами, Творецъ, окружена
Душа невинная, младая!
Коль ищетъ здѣсь Тебя, несчастлива она:
Вездѣ препятства зритъ, путемъ Твоимъ ступая;
Повсюду ей отъ злыхъ поставленъ ковъ.
Какая тьма у ней враговъ!
Гдѣ избранны Твои себя скрываютъ?
Повсюду грѣшники, всю землю покрываютъ.
. . . . . .
Доколь намъ, Господи, доколь терпѣть отъ злыхъ!
Въ святилищѣ Твоемъ они насъ оскорбляютъ;
Народъ избранный Твой безумнымъ почитаютъ.
Доколѣ видѣть намъ коварство, злобу ихъ?
Доколь намъ, Господи, доколь терпѣть отъ злыхъ?
Въ святилищѣ Твоемъ они насъ оскорбляютъ.
Что въ добродѣтели, какая польза вамъ?
Они вѣщаютъ намъ.
Почто толь сладостныхъ утѣхъ бѣжите?
Приближьтесь, сладости вкусите.
Вашъ Богъ для васъ не сдѣлалъ ничего;
Чего вы ждете отъ Него?
Веселью, радости вы сердце отворите.
Смѣяться станемъ, пѣть, гласитъ сей грѣшный сонмъ;
Намъ безъ утѣхъ несносно жизни бремя.
Безуменъ, кто на будущее время
Надежды полнъ:

Число лѣтъ нашихъ кратко и невѣчно,
А время скоротечно.
Въ часъ утра должно розы рвать!
Сегодня должно жизнью наслаждаться;
Заутра насъ не будетъ, можетъ статься:
Заутра можетъ быть насъ будутъ погребать.
О Боже! трепетать, имъ плакать должно.
Имъ славы зрѣть Твоей не можно;
Сіи нещастные ввѣкъ Бога не узрятъ.
Намъ должно пѣть, намъ, коимъ Ты являешь
Безсмертной Вѣры свѣтъ. Ты съ нами обитаешь.
Намъ должно пѣть Твои безсмертны красоты,
Твое величіе, дары Твои и славу,
Неизмѣримую Твою державу.
Отъ тщетныхъ ихъ утѣхъ, забавъ ихъ, суеты,
Которымъ здѣсь они душею предаются,
Къ которымъ вихрями на срѣтенье несутся,
Отъ всѣхъ веселій ихъ, не терпишь коихъ Ты,
Что имъ останется? Отъ сна что остается
Какъ человѣкъ проснется,
Когда узритъ обманъ крылатыя мечты.
Они пробудятся; о страшно пробужденье!
Межь тѣмъ какъ правые въ небесномъ восхищеньѣ
Возсядутъ миръ вкушать за трапезой Твоей,
Они пить будутъ гнѣва чашу полну,
Котору Ты подашь въ день ярости Своей
Всѣхъ нечестивыхъ сонму.

. . . . . .

Гдѣ древни милости Твои?
О Богъ Израилевъ! насъ ужасъ окружаетъ.
Уже ли вѣкъ стенать намъ за грѣхи свои?
Не Ты ли оный Богъ, Который все прощаетъ?
Въ Тебя устремлены пернаты стрѣлы злыхъ;
Тебя, Тебя въ сей брани

Разить подъяты грѣшныхъ длани.
Какъ терпишь Ты такую дерзость ихъ?
Пусть Божьихъ праздниковъ, гласятъ, во вѣкъ не будетъ,
Мы торжества Его въ вселенной истребимъ;
Мы олтари Его всѣ сокрушимъ.
Убьемъ святыхъ Его, и Бога миръ забудетъ,
И славы Господа, и имени сего
Не будетъ памяти подъ небесами;
Ни Онъ и ни Хрістосъ Его
Не будутъ царствовать надъ нами.

. . . . . .

Сіонъ! ужь близокъ день, въ которой браней Богъ
Десницей кроткою сотретъ коварныхъ рогъ,—
И вопль Израиля во слухъ Его проникнулъ.

. . . . . .

Кто дерзость ярыхъ волнъ, свирѣпство укращаетъ,
Тотъ корни мыслей зритъ, злыхъ ковы сокрушаетъ.

. . . . . .

Что могутъ учинить Ему Владыки міра?
Предъ Нимъ ничто ихъ вся соединенна сила.
Явится только Онъ, смутитъ ихъ души страхъ;
Речетъ Онъ слово лишь, и превратятся въ прахъ.
Онъ словомъ устъ Своихъ долъ, небо потрясаетъ,
Колеблетъ горъ сердца, пучины воздымаетъ.
Вселенна, смертны всѣ какъ пыли горсть предъ нимъ:
Восхощетъ, истребитъ дхновеніемъ однимъ.

Вышеславцевъ.

ЛЮДМИЛЛА,

Руская Баллада.

„Гдѣ ты, милый? Что съ тобою?
Съ чужеземною красою
Знать въ далекой сторонѣ
Измѣнилъ, невѣрный, мнѣ?
Иль безвременно могила
Свѣтлый взоръ твой угасила?“
Такъ Людмилла, приунывъ,
Къ персямъ очи преклонивъ,
На распутіи вздыхала.
„Возвратится ль онъ — мечтала —
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ,
Съ грозной ратію Славянъ?“

Пыль туманитъ отдаленье!
Свѣтитъ ратныхъ ополченье!
Топотъ, ржаніе коней!
Трубный трескъ и стукъ мечей!
Прахомъ панцыри покрыты!
Шлемы лаврами обвиты!
Близокъ, близокъ ратныхъ строй! —
Мчатся шумною толпой
Жены чада обрученны!
„Все забыто: возвращенны!“ —

А Людмилла? Ждетъ-пождетъ:
„Тамъ дружину онъ ведетъ!
„Сладкій часъ — соединенье!“ —
Вотъ проходитъ ополченье!
Миновался ратныхъ строй!
Гдѣжъ, Людмилла, твой герой?
Сладость-щастье, ты увяло!
Жизнь-любовь, тебя не стало!

Радость! гибни, друга нѣтъ! —
Тихо въ теремъ свой идетъ,
Томно голову склонила:
„Разступись, моя могила!
Гробъ откройся! полно жить:
Дважды сердцу не любить!“

„Что съ тобой, моя Людмилла?
Нѣжна матерь возопила
О! спокой тебя Творецъ!“
— Милый другъ, всему конецъ!
Что прошло — невозвратимо!
Небо къ намъ не умолимо,
Царь небесный насъ забылъ!
Мнѣль Онъ щастья не сулилъ?
Гдѣжь обѣтовъ исполненье?
Гдѣ святое Провидѣнье?
Нѣтъ! немилостивъ Творецъ!
Все прости, всему конецъ! —

„О Людмилла! грѣхъ — роптанье!
Скорбь — Создателя посланье:
Зла Создатель не творитъ!
Мертвыхъ стонъ не воскреситъ!“
— Ахъ, родная, миновалось!
Сердце вѣрить отказалось!
Яль, съ надеждой и мольбой,
Предъ Иконою святой,
Не точила слезъ ручьями?
Нѣтъ, безплодными мольбами
Не призвать минувшихъ дней!
Не цвѣсти душѣ моей!

Рано жизнью насладилась,
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежнихъ лѣтъ краса!
Что взирать на небеса?

Что молить неумолимыхЪ?
Возвращуль невозвратимыхЪ?
„Царь небесЪ, то скорби гласЪ!
Дочь, воспомни смертный часЪ!
Кратко жизни сей страданье!
Рай — смиреннымЪ воздаянье,
АдЪ — бунтующимЪ сердцамЪ!
Будь послушна НебесамЪ!"

— Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
СЪ милымЪ вмѣстѣ — всюду рай!
СЪ милымЪ розно — щастья край
ГорькихЪ горестей обитель!
НѣтЪ забылЪ меня Спаситель! —
ТакЪ Людмилла жизнь кляла,
ТакЪ Творца на судЪ звала.....
ВотЪ ужь солнце за горами;
ВотЪ усыпала звѣздами
Ночь спокойный сводЪ небесЪ;
МраченЪ долЪ и мраченЪ лѣсЪ.

ВотЪ и мѣсяцЪ величавой
ВсталЪ надЪ тихою дубравой:
То изЪ облака блеснетЪ,
То за облако зайдетЪ.
СЪ горЪ простерты длинны тѣни,
И лѣсовЪ дремучихЪ сѣни,
И зерцало зыбкихЪ водЪ,
И небесЪ далекій сводЪ
ВЪ свѣтлый сумракЪ облеченны!
СпятЪ пригорки отдаленны,
БорЪ заснулЪ, долина спитЪ.....
Чу! полночный часЪ звучитЪ!

Потряслись дубовъ вершины!
Вотъ, повѣялъ изъ долины
Перелетный вѣтерокъ. . . . .
Скачетъ по полю ѣздокъ:
Борзый конь и ржетъ и пышетъ!
Вдругъ . . . идутъ, Людмилла слышитъ,
На чугунное крыльцо. . . .
Тихо брякнуло кольцо. . . .
Тихимъ шопотомъ сказали:
(Всѣ въ ней жилки задрожали;
То знакомый голосъ былъ:
То ей милый говорилъ)

— Спитъ иль нѣтъ моя Людмилла?
Помнитъ друга, иль забыла?
Весела, иль слезы льетъ?
Встань, женихъ тебя зоветъ! —
Тыль? Откуда въ часъ полночи?
Ахъ! едва прискорбны очи
Не потухнули отъ слезъ!
Знать тронулся Царь небесъ
Бѣдной дѣвицы тоскою?
Точно ль милый предо мною?
Гдѣ блуждалъ? Какой судьбой
Ты опять въ странѣ родной?"

— Близь Наревы домъ мой тѣсный!
Только мѣсяцъ поднебесный
Надъ долиною взойдетъ,
Лишь полночный часъ пробьетъ —
Мы коней своихъ сѣдлаемъ,
Темны кельи покидаемъ!
Поздно я пустился въ путь!
Ты моя, моею будь!
Чу! Совы пустынной крики!
Слышишъ? Пѣнье, брачны лики!

Слышишъ? Борзый конь заржалъ!
Ѣдемъ, ѣдемъ, часъ насталъ! —

„Переждемъ хоть время ночи:
Вѣтеръ всталъ отъ полуночи,
Хладно въ полѣ, боръ шумитъ,
Мѣсяцъ тучами закрытъ.“
— Вѣтеръ буйный перестанетъ,
Стихнетъ боръ, луна проглянетъ!
Ѣдемъ: намъ сто верстъ ѣзды!
Слышишь? Конь грызетъ бразды!
Бьетъ копытомъ съ нетерпѣнья!
Мигъ намъ страшенъ замедленья!
Краткій, краткій данъ мнѣ срокъ!
Ѣдемъ, ѣдемъ; путь далекъ! —

„Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробила;
Слышишь? Колоколъ гудитъ.“
— Вѣтеръ стихнулъ; боръ молчитъ!
Мѣсяцъ въ водный токъ глядится!
Мигомъ борзый гонь домчится! —
„Гдѣжь, скажи, твой тѣсный домъ?“
— Тамъ въ Литвѣ, краю чужомъ:
Хладенъ, тихъ, уединенный,
Свѣжимъ дерномъ покровенный:
Саванъ, крестъ и шесть достокъ!
Ѣдемъ, ѣдемъ; путь далекъ! —

Мчятся всадникъ и Людмилла.
Робко дѣва обхватила
Друга нѣжною рукой,
Приклонясь къ нему главой.
Скокомъ, летомъ по долинамъ,
По горамъ и по равнинамъ!

Пышетъ конь — земля дрожитъ;
Брызжутъ искры отъ копытъ;
Пыль катится въ слѣдъ клубами;
Скачутъ мимо ихъ рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
Съ громомъ зыблются мосты.

— Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится,
Мертвый съ дѣвицею мчится:
Путь ихъ къ кельѣ гробовой!
Страшно ль, дѣвица, со мной! —
„Что до мертвыхъ? Что до гроба?
Мертвыхъ домъ земли утроба!“
— Чу! въ лѣсу потрясся листъ!
Чу! въ глуши раздался свистъ!
Черный воронъ встрепенулся!
Вздрогнулъ конь и отшатнулся!
Вспыхнулъ въ полѣ огонекъ: —
„Блиско ль, милый?“ — Путь далекъ! —

Слышутъ шорохъ тихихъ тѣней!
Въ часъ полунощныхъ видѣній,
Въ дымѣ облака, толпой,
Прахъ оставя гробовой
Съ позднимъ мѣсяца восходомъ,
Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ
Въ цѣпь воздушную свились,
Вотъ за ними понеслись!
Вотъ поютъ воздушны лики....
Будто въ листьяхъ повилики
Вьется легкій вѣтерокъ,
Будто плещетъ ручеекъ!

— Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится,
Мертвый съ дѣвицею мчится:
Путь ихъ къ кельѣ гробовой!
Страшно ль, дѣвица, со мной? —

„Что до мертвыхъ? что до гроба?
Мертвыхъ домъ земли утроба!"
Конь, мой конь! бѣжитъ песокъ! (*)
Чую ранній вѣтерокъ!
Конь, мой конь! быстрѣе мчися:
Звѣзды утренни зажглися!
Мѣсяцъ въ облакѣ потухъ!
Конь, мой конь, кричитъ пѣтухъ! —

„Близко ль, милый?" — Вотъ примчались! —
Слышутъ: сосны зашатались!
Слышутъ: спалъ съ воротъ запоръ!
Борзый конь стрѣлой на дворъ!
Что же, что въ очахъ Людмиллы?
Камней рядъ, кресты, могилы,
И среди ихъ Божій храмъ!
Конь несется по гробамъ!
Стѣны звонкій вторятъ топотъ,
И въ травѣ чуть-слышный шопотъ
Мнится мертвыхъ тихій гласъ! . . .
Вотъ денница занялась!

Что же чудится Людмиллѣ!
Къ свѣжей конь примчась могилѣ,
Бухъ въ нее и съ сѣдокомъ!
Вдругъ—глухой подземный громъ!
Страшно доски затрещали;
Кости въ кости застучали,
Пыль взвилася; обручь хлопъ!
Тихо, тихо вскрылся гробъ! . . .
Что же, что въ очахъ Людмиллы? . . .
Ахъ, невѣста, гдѣ твой милый?
Гдѣ вѣнчальный твой вѣнецъ?
Домъ твой—гробъ; женихъ—мертвецъ!

(*) Въ песочныхъ часахъ.

Видитъ трупъ оцѣпенѣлый!
Прямъ, недвижимъ, посинѣлый!
Длиннымъ саваномъ обвитъ!
Страшенъ милый прежде видъ:
Впалы мертвыя ланиты;
Мутенъ взоръ полуоткрытый;
Руки сложены крестомъ.
Вдругъ . . . привсталъ . . . манитъ перстомъ:
,,Конченъ путь! ко мнѣ, Людмилла!
,,Намъ постель—темна могила!
,,Завѣсъ — саванъ гробовой!
,,Сладко спать въ землѣ сырой!

Что жь Людмилла? . . . каменѣетъ;
Меркнутъ очи; кровь хладѣетъ;
Пала мертвая на прахъ!
Стонъ и вопли въ облакахъ!
Визгъ и скрежетъ подъ землею!
Вдругъ усопшіе, толпою
Потянулись изъ могилъ;
Тихій, страшный хоръ завылъ:
,,Смертныхъ ропотъ безразсуденъ!
,,Царь всевышній правосуденъ!
,,Твой услышалъ стонъ Творецъ!
,,Часъ твой билъ — насталъ конецъ.

Жуковскій.

ОСЕНЬ.

Красное лѣто,
Други, проходитъ!
Въ рощахъ не слышно
Пѣнія птичекъ;
Гуси станицей
Къ югу летятъ.

Волъ по долинѣ
Бродитъ печально;
Бѣдный напрасно
Ищетъ отрады;
Зелень увяла
Въ полѣ давно.

Желтые листья
Землю покрыли;
Вѣтры уныло
Свищутъ въ дубравахъ;
Солнце потусклы
Мещетъ лучи.

Влажны туманы
Стелются долу;
Тщетно печальный
Взоръ простираю:
Холмы и рощи
Скрылись вдали.

Путникъ усталый
Чувствуетъ ужасъ,
Слушая свисты
Бури осенней,
Съ ревомъ клонящей
Воющій боръ.

Все представляетъ
Видъ разрушенья;
Горести чувство
Душу объемлетъ! —
Что же утѣшитъ
Въ горести насъ?

Дружба и Музы
Намъ утѣшенье!

Пусть отдыхаетъ
Матерь - Природа
Въ сладкой бесѣдѣ
Кроткихъ богинь.

Будемъ спокойно
Ждать пробужденья
Матери общей...
Паки весною
Съ нѣжной улыбкой
Взглянетъ на насъ.

Грамматинъ.

ОЗЕРО.

Блестящее среди прекрасныя Природы
Въ объятіяхъ лѣсовъ, полей, луговъ и горъ,
О Озеро! твои спокойства полны воды,
Всѣхъ больше водъ другихъ влекутъ мой умъ
и взоръ!
А страстные твои любители, Зефиры,
Слетѣвшіе съ кристальныхъ струй твоихъ,
Порхая по струнамъ моей пустынной лиры,
И нѣжно потрясая ихъ,
Въ невнятныхъ звукахъ сихъ
Манятъ и приглашаютъ,
Зерцало вѣрное Природы, пѣть тебя!
И мнѣ стихи внушаютъ.

Ахъ! какъ не пѣть, покой, Природу, Музъ
любя!
Твой сонмъ обширныхъ водъ, но взоромъ из-
мѣримыхъ,
Водъ, безъ разлитія, и ввѣкъ неистощимыхъ,

Усѣянныхъ собраньемъ острововъ
И зеленѣющихъ мѣстами тростниковъ,
Въ разнообразіи картинномъ зримыхъ;
Судами поселянъ и челнами ловцовъ,
Стадами лебедей и прочихъ птицъ-гребцовъ,
Прелестно испещренныхъ;
Ихъ криками, игрой, и пѣснями пловцовъ
Повсюду оживленныхъ! . . .
Ахъ! какъ не пѣть твоихъ амфитеатръ бреговъ,
То низкихъ, то крутыхъ, пустынныхъ, населенныхъ,
Подъ солнцемъ, подъ луной различно освѣщенныхъ;
Подъ тѣнью ль видимыхъ тумановъ, облаковъ,
Въ зерцалѣ ль тихихъ водъ изображенныхъ,
Безвредныхъ ли твоихъ въ движеніи валовъ?
Не пѣть ли собственны красы и особливы,
Твои премѣнные и мысы и заливы,
Гдѣ смотрятся въ водахъ друзья ихъ, пышны ивы;
Гдѣ мечетъ уду, сѣть, въ затишьѣ рыболовъ;
Куда ведетъ стрѣлковъ
Пріятной голосъ куликовъ? . . .
Въ истокахъ, въ устьяхъ рѣкъ, ключей и ручейковъ,
Твоихъ ли данниковъ, или тобой рожденныхъ,
Равно тобой обогащенныхъ,
Исполненныхъ твоихъ избытковъ и даровъ,
То быстрыя струи, шумящи и игривы,
Являютъ ихъ пути строптивы,
Исходы ихъ и входы горделивы:
То тихія въ травѣ, межь камней иль песковъ,
Журчатъ и нѣжатся, таясь подъ сводъ кустовъ. . . .

Забуду ль здѣсь еще картины незабвенны,
ОтЪ коихЪ были мы вЪ восторги погруженны:
КакЪ смотрится вЪ водахЪ твоихЪ Луна изЪ тучь;
КакЪ Солнце первой свой или послѣдній лучь,
Простерши изЪ за горЪ, и длинными броздами
Сливаяся сЪ тѣнями,
Лазурь твою златитЪ;
КакЪ вЪ радужны цвѣты туманы наряжаетЪ;
КакЪ перлами вЪ росѣ на тросшникахЪ блеститЪ!
Чему и подражать Искуство не дерзаетЪ.
Безсмертной кистію ВернетЪ, Лорень, ПусинЪ,
Царя свѣтилЪ писать не смѣли ни одинЪ.
ПіитовЪ лишь иныхЪ восторги наградило
'И самое свѣтилЪ свѣтило.
Знать пѣснопѣніе вЪ ПоэзіяхЪ глава;
Сильнѣе струнЪ, кистей и красокЪ вЪ немЪ слова.

ВсѣхЪ зрѣлищЪ сихЪ красы различны,
ОднимЪ твоимЪ водамЪ и берегамЪ приличны,
Достойны, вѣдаю, чтобЪ пѣла ихЪ не я;
Тебя бы сладостной пѣвицѣ пѣть *Ручья*!

Но не картинами и видами твоими,
Ласкающими взорЪ, плѣняюсь я одними:
Картины всѣ для глазЪ
Лишь только трогаютЪ на часЪ;
ХолодныхЪ зрителей и праздныхЪ утѣшаютЪ,
Живописателей Природы восхищаютЪ:
Для услажденія чувствительныхЪ сердецЪ
Другія надобны картины наконецЪ,
Которыя кЪ глазамЪ и душу пріобщаютЪ,
Которыя покой, блаженство возвѣщаютЪ,
И чувствія сего ни чѣмЪ не возмущаютЪ;

И мирныя твои картины лишь однѣ
Ту несмущенную приносятъ сладость мнѣ.
Пусть водъ иныхъ для глазъ картины веселѣе;
Твои для сердца всѣхъ милѣе.

Я слышу — водопадъ шумитъ;
Смотрю, какъ воды онъ стремитъ;
Какъ брызжетъ, пѣнится, кипитъ,
Цвѣты всѣ свѣта отражаетъ:
И бьющихъ водъ гора алмазная горитъ!
На часъ меня онъ удивляетъ;
Игра чудесная Природы въ немъ разитъ;
Кичливость, суетность ласкаетъ,
Иль дерзость оживляетъ. . . .
И чтожь потомъ? .. онъ только оглушаетъ. . .
Султанъ. . . . и за воззрѣнье мститъ!
Рѣка, ручей, и всѣ водъ быстрыхъ токи,
Бываютъ иногда свирѣпы и жестоки
Къ гостепріимнымъ берегамъ,
Въ которыхъ обрѣли они своимъ струямъ
Возлечь покойно ложе:
Терзаютъ тѣ брега и ложе то язвятъ,
И въ своенравіи любезныхъ не щадятъ,
Подобясь лютостью Азійскому Вельможѣ.
Любуясь ихъ красой въ иныя времена,
Клянутъ въ другія ихъ со стономъ имена.

Чтожь безпредѣльныхъ водъ пустыня Море? . .
Не ближе ли всего съ нимъ мысль и слово: горе? . . .
Боюсь я на него и робкой взоръ простерть;
Какъ пѣть, въ семнадцать лѣтъ , мнѣ ужасы и смерть?
Могу ли подражать на сельской тихой лирѣ,
Безсильной подражать и птичьимъ голосамъ;

Или журчащимъ ручейкамъ,
Всѣмъ треволненіямъ и звукамъ въ водномъ мірѣ,
Гремящимъ небесамъ,
Ревущимъ, плещущимъ волнамъ,
Стенящимъ берегамъ,
Обуреваемымъ судамъ
И утопающимъ пловцамъ? . . .
Но естьлибъ духъ и даръ пѣвцовъ его имѣла,
То Моря и тогда я пѣть бы не хотѣла,
Неблагодарнаго всегда къ своимъ друзьямъ.
Ласкаться ли еще за страсть къ нему наградой?
Въ немъ гибнетъ Камоэнсъ съ безсмертной Лузіадой! . . .
Вотъ слабый Моря видъ,
Царя между водами,
Иль справедливѣе, тирана межъ рабами.
Въ немъ все страшитъ,
Оно всему грозитъ;
Оно не брегъ одинъ — страны опустошаетъ,
И даже поглощаетъ;
Подземные огни воспламеняетъ;
Въ немъ все и взоръ, и умъ, и сердце изумляетъ;
Въ немъ все величествомъ и ужасомъ томитъ!
Его покой, дары, добро, какъ зло опасны;
Съ нимъ связи всѣ, на немъ владычество нещастны,
Влекущія бѣды, развраты, роскошь, брань.
Пусть жадность и корысть несутъ тирану дань;
А я тирановъ ненавижу
Ни въ людяхъ ни въ водахъ.
Въ зерцаловидныхъ лишь однѣхъ твоихъ струяхъ,

На скромныхъ, Озеро, твоихъ лишь берегахъ
Я постоянное добро и щастье вижу.
Ты браней не ведешь съ землею никогда;
Ее не потопляешь,
Не сносишь ни жилищь, ни сельскаго труда,
Судовъ не разбиваешь,
И не наводишь ты на чуждые брега
Къ опустошенью ихъ внезапнаго врага;
Къ отважнымъ замысламъ не соблазняешь,
Корыстью, роскошью людей не отравляешь;
Не льются на тебя ни слезы ихъ, ни кровь.
Надъ ясною твоей и тихою водою
Любуясь въ ней собою,
Летаютъ Грацiи, Зефиры и Любовь!
Ты щедрости прямой примѣры лишь являешь,
Безъ благодарности добро всегда творишь:
Струями чистыми ты жителей поишь,
Своими рыбами и птицами питаешь,
На кровы ихъ жилищъ тростникъ произращаешь,
Гуляньемъ на водѣ и видами даришь.
Ты образъ Мудраго въ уединеньѣ!
Ты добродѣтелей его изображенье;
Неколебимаго блаженства образецъ;
Картина скромности и мудрыя свободы,
Невинной красоты и благости Природы,
Для добрыхъ и простыхъ чувствительныхъ сердецъ.
Безъ своенравiя Вельможи и Султана,
Безъ ненавистнаго величества Тирана,
Возлегши въ скрытой долъ отъ бурь,
Одѣянно въ небесную лазурь,
Украшенное островами,
Увѣнчанное тростниками,
Съ сосудомъ неподвижныхъ водъ,
И заключенное подъ свѣтозарный сводъ,

Кругообразными, какъ храмомъ, берегами,
Хотя сей храмъ не блещетъ торжествомъ,
Ты нѣкимъ кажешься мнѣ воднымъ боже-
ствомъ!
Ахъ! какъ не чтитъ тебя хвалами!

Почто же сонмъ пѣвцовъ морей, ручьевъ и
рѣкъ,
Едва ли о тебѣ гдѣ слово вскользь изрекъ?
Не отъ того ли ты забыто,
Что и на Пиндѣ, такъ какъ въ свѣтѣ, зна-
менито
Лишь то, что блещетъ и гремитъ,
Хотя блистаніемъ и громомъ тѣмъ вредитъ;
Или что странностью дивитъ;
Иль что затѣйно, хитро, ново,
То вещь ли, видъ ли, дѣйство ль, слово,
Съ восторгами о томъ кричитъ весь свѣтъ,
И общимъ мнѣніемъ во слѣдъ
Влекутся Философъ, Витія и Поэтъ;
А добродѣтели уединенны, мирны,
Не часто о себѣ внимаютъ звуки лирны?

Да примутъ, Озеро, съ тобою здѣсь они
Дань малую въ мои едва наставши дни;
Да посвятятся имъ и впредь произведенья
Восторга моего отъ нихъ и удивленья!
И естьли жизнь мою угодно длить Судьбѣ,
Да будетъ тишиною,
Донынѣ чувствуемой мною,
Она подобится тебѣ;
Да будетъ какъ теперь, всегда уединенна,
Отъ предразсудковъ, отъ страстей,
И отъ ловцовъ, и отъ сѣтей,
Тебѣ подобно ограждена!

Да буду я всегда имѣть такихъ друзей,
Такихъ наставниковъ, какъ въ юности моей!
Да льются одному на гробѣ слезы вѣчно
От благодарныхъ чувствъ моихъ;
А попеченія и дружество сердечно
Да будетъ дань моя живущему изъ нихъ!
Да старости его подамъ я утѣшенье,
Примѣру моему во нравахъ, въ просвѣщеньѣ,
За все о юности моей его раченье.
Да музы усладятъ его преклонный вѣкъ,
Къ которымъ онъ любовь въ душѣ моей возжегъ;
Да будутъ игры ихъ всегда забавой нашей;
Да пьемъ твой, Озеро, покой мы полной чашей!

СѢТОВАНІЕ.

Лейтесь слезы изъ очей!
Лира вторь тоскѣ моей!
Здѣсь Лилы тихая могила!
Все милое почіетъ здѣсь!
Какъ молнія прелестна Лила
Сверкнула ты — и блескъ изчезъ.
Я зрѣлъ: тѣнь смерти, разстилаясь,
Затмила утро дней твоихъ;
Глаза прелестные, смыкаясь,
Искали друга и родныхъ.

Лейтесь слезы изъ очей!
Лира вторь тоскѣ моей!
Сонмъ юношей — толпа крылата,
Что роемъ вслѣдъ за ней вилась —
Свѣтъ суетный — сія утрата
Не извлекла слезы у васъ. . . .

А вы, что въ мукахъ дни считали,
Чьихъ бѣдъ прервала Лила нить,
Въ груди и вздоха не сыскали
Стенящу тѣнь ея почтить.

Лейтесь слезы изъ очей!
Лира вторь тоскѣ моей!
Увы! и дружба возвратила
Утѣхи, радостны мечты;
Померкшій Лилы зракъ забыла!
Одежды горести сняты!
Другъ нѣжный, Лила несравненна
Въ сихъ будто не цвѣла мѣстахъ,
Лишь урна здѣсь уединенна
Гласитъ увядшей Лилы прахъ!

Лейтесь слезы изъ очей!
Лира вторь тоскѣ моей!
Одна любовь безъ утѣшенья!
Любовь лишь горести вѣрна!
Не ищетъ грусти услажденья,
Тоской своей живетъ она.
Въ тоскѣ денницу я встрѣчаю;
Днемъ мрачно все въ моихъ глазахъ;
Во тмѣ нощной одинъ рыдаю;
Проходитъ ночь — я все въ слезахъ!
Лейтесь слезы изъ очей!
Лира вторь тоскѣ моей!

Ивановъ.

ПѢСНЯ.

Тихая Гитара, другъ души унылой!
Что съ тобою стало? Нѣтъ въ акордахъ строю,
Звуки всѣ печальны! Иль съ моей душою
Разстроившись вмѣстѣ, тоскуешь по милой?

Звукъ твой тихострунный съ пѣніемъ сливайся!
Легкаго зефира голосъ мой коснися!
Голосъ нѣжной страсти къ милой понесися,
Слухъ ея плѣняя, въ сердцѣ отдавайся!

Скажи моей милой, чтобъ не горевала;
Рѣзвою, веселой при людяхъ казалась;
Съ горемъ, со слезами одна укрывалась;
Помня о любезномъ, тихонько вздыхала!

Слово ея свято, чувства ея нѣжны!
Сердце мое чисто, честь хранить умѣю!
Что люблю не ложно, утверждать то смѣю!
Что жь людей бояться? — Судьбы неизбѣжны!

Наше время будетъ, дождемся мы щастья!
Слышалъ я отъ старыхъ, что, по ихъ примѣтамъ,
Даже и понынѣ всегда свѣтитъ лѣтомъ
Солнышко свѣтлѣе послѣ бурь, ненастья.

А. Г.

НИЗОСЪ и ЭВРІАЛЪ.

Трояне, съ высоты, отвсюду укрѣпленной,
Взираютъ съ трепотомъ въ станъ Турковъ
отдаленной;
Объемлютъ стражею окрестныя мѣста;
Крѣпятъ бойницами помосты и врата;
Орудья ратныя ждутъ гибельнаго слова.
Серестусъ и Мнестей — грудь къ ужасамъ
готова —
Вожди искусные, которымъ Царь Эней,
Отсутственный, среди суровыхъ брани прей,
Ввѣрялъ надъ юностью кипящей управленье,
Ведутъ отчаянныхъ въ послѣднее сраженье!
По жребію всякъ сонмъ избралъ себѣ чреду;
Всѣ дружно обреклись на блискую бѣду. —
По долгу *Низосъ* сталъ предъ главными вра-
тами,
Гроза враговъ копьемъ и мѣткими стрѣлами,
Гиртаковъ храбрый сынъ, онъ прибылъ ко
шатрамъ
Отъ матери, звѣрей ловящей по горамъ.
Съ нимъ спутникъ Эвріалъ, цвѣтъ поздній
Иліона,
Прелестный юноша, предметъ прелестныхъ
стона.
Носящій на челѣ любви и Грацій даръ;
Едина въ нихъ душа, единъ ко славѣ жаръ!
Что значитъ, Низосъ рекъ, сей огнь сердца
палящій?
Что слава? Божество, иль гласъ его гремящій?
Иль страсть моя мнѣ Богъ? Я рабъ ея слѣ-
пой!
О другъ возлюбленный! мнѣ тягостенъ покой!

Стремлюсь къ великому, чего не постигаю!
Погибель или честь — на все; на все дерзаю!
Воззри: безпечностью Рутульскій станъ объятъ;
Чуть видимы огни; лѣса и горы спятъ!
Упившись гордый врагъ лежитъ во снѣ позорномъ —
Внемли, что во умѣ боязнямъ непокорномъ: —
Ты вѣдаешь вождей собравшійся совѣтъ.
Эней отсутственный ихъ томныхъ думъ предметъ:
Народъ, старѣйшины и воинство желаетъ
Узнать черезъ посла, гдѣ Царь ихъ пребываетъ.
Мнѣ мнится, возмогу, таясь между холмовъ,
Проникнуть съ вѣстью сей въ надменный градъ враговъ.
Иди, вѣщай сіе, пріемли награжденье,
А мнѣ за друга смерть — и мзда и прославленье! —
Смутился Эвріалъ, вскипѣла славой грудь;
Речетъ избравшему отваги полной путь:
И ты возмогъ мечтать, чтобъ я, стыдомъ покрытой,
Съ тобой не раздѣлилъ твой подвигъ знаменитой?
Чтобы единаго на ужасы пустилъ?
Нѣтъ не тому меня родитель мой училъ;
Офельтомъ воспоенъ среди мечей и боевъ,
Я пламень Трои зрѣлъ, зрѣлъ Греческихъ героевъ!
Сопутствуя тебѣ Энея по слѣдамъ,
Гдѣ жизнью дорожилъ, гдѣ мѣсто далъ врагамъ?
Такъ! есть во мнѣ сей духъ, опасностей презритель,
Готовый смертію безсмертья искупитель!

Пойдемъ! . . . „Постой, мой другъ! къ чему намъ бѣдъ искать?
Къ чему заранѣе нещастья вымышлять?
Я вѣрю, чувствую: Юпитеръ правосудный
И боги, дружества подпоры неоскудны,
Съ побѣдою меня ко другу возвратятъ! . . .
Но естьли грозный рокъ, иль Парки восхотятъ
Пресѣчь геройской путь, покорный вышней волѣ,
Умру. . . ты долженъ жить, ты жить достоинъ болѣ!
Затихнетъ буря битвъ, пріидетъ другъ людей
И трупъ мой искупивъ, сокроетъ подъ землей!
Пріидетъ славныхъ дѣлъ любитель сановитой,
И радуясь о мнѣ, надъ перстію сокрытой
Возвыситъ скромный холмъ и гимны воспоетъ!
Нѣтъ! сира мать твоя слезъ горькихъ не прольетъ!
Примѣръ всѣхъ матерей, которыя за сыномъ,
Всѣ радости свои вмѣщая въ немъ единомъ,
Оставивъ родину, Ацестовъ славный градъ,
Во станѣ дѣлитъ съ нимъ труды, и зной, и хладъ;
Нѣтъ — жизнь ея въ тебѣ, ни радость не увянетъ. . .
Я щастливъ, естьли съ ней мой другъ меня вспомянетъ." —
Все тщетно! рекъ герой, не измѣню себѣ!
Рѣшимся, предадимъ пути свои судьбѣ! —
Вѣщалъ, привратникомъ дружину премѣняетъ,
И съ другомъ на совѣтъ старѣйшинъ поспѣшаетъ.

Погаснулъ бранный день — вкругъ бранна тишина;
Печаль и суеты забылись въ нѣдрахъ сна;

Старѣйшины Троянъ и юноши крылаты,
Покоя чуждые, но мужествомъ богаты,
О царственныхъ дѣлахъ верховный держатъ судъ,
Когда и чрезъ кого Энею вѣсть дадутъ;
На копья опершись, покрытые щитами,
Стоятъ безстрашные въ кругу передъ шатрами,
Се витязей мольба, да внидутъ на совѣтъ:
„Велико таинство и времени не ждетъ!“
Вошли, глаза горятъ, спирается дыханье,
Но ободряетъ ихъ Асканія вниманье.
Онъ Низосу начать рѣчь важную велитъ:
Вожди и воины! Гиртаковъ сынъ гласитъ:
Правдивый, кроткій слухъ къ моимъ словамъ склоните;
Отвагу подвига лѣтами не цѣните.
Теперь враги молчатъ, объяты смертнымъ сномъ;
Мы мѣсто обрѣли, закрытое кругомъ,
По брегу зыбкому, гдѣ двухъ путей стеченье,
И можемъ совершить Царево возвращенье.
Огни потушены, и черный дымъ клубясь,
Восходитъ ко звѣздамъ . . . благословите насъ!
Энея взыщемъ мы Палланта за стѣнами;
Онъ шествуя во станъ противниковъ тѣлами,
Добычей многою и славой окруженъ,
Пріидетъ сокрушить печальный Тевкровъ плѣнъ.
Пути извѣстны намъ, препятства изочтенны;
Мы видѣли вдали, ловитвой увлеченны,
Чело взносящій градъ надъ челами холмовъ,
И свѣтлую рѣку, питаніе враговъ. —
Изрекъ — и се Алетъ, сѣдый питомецъ брани,
Совѣта силы полнъ, трепещущія длани

Подъемлетъ къ небесамъ: — „Нѣтъ Пергамъ не падетъ!
О Боги прадѣдовъ, стопамъ страдальцевъ свѣтъ!
Нѣтъ! Трои погубить еще вы не судили,
Когда столь храбрыхъ чадъ въ оплотъ ей сохранили!
Съ такими ль воями страшиться новыхъ бѣдъ?
Рѣшимость, твердой духъ предзнаменье побѣдъ! —
Вѣщалъ, и витязей ко груди прижимаетъ,
Ланиты, перси ихъ слезами орошаетъ.
О слава нашихъ дней! что можемъ вамъ воздать?
О Троя! чѣмъ тебѣ сыновъ своихъ вѣнчать?
Награду первую отважности толикой
Обрящете въ Богахъ, въ душѣ своей великой!
Споспѣшникъ Неба, Царь долгъ правды совершитъ;
Асканій на душѣ вашъ подвигъ сохранитъ! —
Такъ! я, котораго вся радость, утѣшенье
(Асканій рекъ) отца въ безцѣнномъ возвращеньѣ,
О Низосъ! я клянусь могуществомъ Боговъ,
Благими Ларами, хранительми домовъ,
Великой матери обителью священной:
Все, все мое въ твоей десницѣ заключенно!
Отдайте родшаго: въ немъ жизнь моя и свѣтъ!
Отдайте взоръ Царя... и Тевкрамъ страха нѣтъ!
Двѣ чаши сребряны, украшенны рѣзьбою,
Дань брани, взятую родительской рукою,
И два треножника, и злато и сосудъ,
Искусства древняго великолѣпной трудъ,
Дидоны царственной доселѣ обладанье,
Воспримите себѣ, герои, въ воздаянье!

Когда жь Италія повержетъ предо мной
Мятежный мечь, когда побѣдною рукой
Вѣнчанный, раздѣлять начну добычу боя,
Тогда. . . ты зрѣлъ коня Рутульскаго Героя,
Ты зрѣлъ броню и шлемъ, въ которыхъ Турнъ блеститъ:
Тебѣ сей быстрый конь, тебѣ броню и щитъ,
Тебѣ сей шлемъ, перомъ багрянымъ лучезарный!
Къ тому приложитъ въ даръ родитель благодарный
Дванадесять мужей и столько жь красныхъ женъ,
Избранныхъ изъ полковъ, склонившихъ выи въ плѣнъ,
Оружье ратное, сокровища державны,
Паллантовы сады, поля обильемъ славны:
Все, все твое, о другъ! о храбрыхъ красота! . .
А ты, о юноша! съ которымъ и лѣта,
И радость раннихъ лѣтъ сближаютъ насъ столь нѣжно!
Приди въ объятія, приди мой другъ надежной!
Отселѣ не одинъ пойду моей стезей,
Отселѣ не одинъ пожну цвѣты честей!
Иль брань, иль сладкій миръ мнѣ дастъ громодержитель:
Всѣхъ дѣлъ моихъ глава, ты братъ мой, утѣшитель! . . .

И каждый жизни день, вѣщаетъ Эвріалъ,
Явитъ меня такимъ, какъ ты меня позналъ!
Да боги озарятъ путь темный начинаній!
О Царь! не требую столь многихъ воздаяній,
Молюся объ одномъ: здѣсь мать моя со мной,
Отъ племени Царей послѣдній плодъ благой!

Ни прелесть родины, ни градЪ Ацеста милый,
Ни старость вѣтхая, отъемлющая силы,
Нѣжнѣйшей не могли со мною разлучить:
ВЪ станЪ ратный притекла труды мои дѣлить!
Сію одну, сіе НебесЪ благословевье,
Прими, ЭнеевЪ сынЪ, вЪ покровЪ и попеченье!
Она не вѣдаетЪ о подвигѣ моемЪ.
И какЪ его открыть? . . . Клянусь грядущимЪ днемЪ,
Не вЪ силахЪ я снести слезЪ горькихЪ безотрадной! . . . .
Утѣши бѣдную, помощникЪ будь безчадной! . .
Позволь сЪ надеждой сей вЪ опасной путь летѣть:
СЪ ней легче побѣждать, сЪ ней легче умереть!" . . .
ИзрекЪ — и взорЪ покрылЪ дрожащими руками,
Ланиты витязей омылися слезами!
Рыданіе вокругЪ! Младый прелестный ЮлЪ
Сыновнюю любовь отца воспомянулЪ;
ОтЪ вздоховЪ сладостныхЪ грудь нѣжная тѣснится:
Спокойся, возгласилЪ, завѣтЪ твой совершится!
БлаженЪ, кто чувствЪ такихЪ участникЪ быть возмогЪ!
Я матери лишенЪ. . . . вЪ ней матерь далЪ мнѣ БогЪ! . . .
Какой конецЪ войнѣ рокЪ тайной ни поставитЪ,
Героя родшую отечество прославитЪ.
Клянусь моей главой, которой самЪ Эней
Клялся предЪ сонмами народовЪ и Царей,
Клянусь, назначенно Герою воздаянье
Оставить матери и роду вЪ достоянье! . . .

Такъ рекъ рыдающій, и снявъ съ раменъ младыхъ
Мечь грозный, на цѣпяхъ висящій золотыхъ,
Обложенъ костію слоновою чудесной,
Искусства Критскаго плодъ древностью извѣстной,
Залогомъ Царскихъ словъ онъ витязю вручилъ.
Мнестей сопутника ужаснымъ львомъ покрылъ,
Съ Алетомъ шлемами они перемѣнились,
И такъ вооружась, въ путь славный устремились;
Сонмъ старцевъ, юныхъ ликъ текутъ по ихъ слѣдамъ,
Обѣты и мольбы несутся къ небесамъ.
Асканій, выше лѣтъ премудростью внушенный,
Даетъ къ родителю писанья сокровенны.
Увы! . . . угодно такъ Властителю небесъ,
Внезапно грянулъ громъ и вѣтеръ ихъ разнесъ!

Разстались, рвы прешли, въ станъ входятъ съ ратнымъ жаромъ!
Смерть явная! но смерть не робкая, — не даромъ! . . .
Приближились къ шатрамъ. — Безпечность, нѣга, сонъ,
Казалось, въ сихъ мѣстахъ поставили свой тронъ.
Лежатъ въ травѣ тѣла, виномъ отягощенны,
Кони своихъ ярмовъ стоятъ неотрѣшенны,
Возницы межь колесъ запутаны въ браздахъ,
Тамъ чаша Бахуса, тамъ Марсовъ мечь въ цвѣтахъ.
,,Дерзаемъ, Эвріалъ — далъ Низосъ мановенье —
Насталъ удобный часъ! Ты стань во отдаленьѣ,

Чтобъ стража не могла нашъ тайный путь залечь;
Блюди, будь скроменъ, скрытъ. . . . Пусть мой откроетъ мечь
По трупамъ вражескимъ стези тебѣ широки."
Изрекъ. . . и се Рамнетъ, какъ падшій дубъ высокій,
Простертый на коврѣ по пиршествѣ дневномъ,
Сраженный, воздохнувъ, отшелъ въ Плутоновъ домъ.
Самъ Царь и другъ Царя, участникъ тайнъ судьбины,
Не могъ онъ предузнать теперь своей кончины!
Три Ремовы раба, возница и межь нихъ
Хранитель латъ, мечей, на упряжахъ витыхъ,
Подъ конями его висящіе безпечно,
Добыча острія, уснули въ мракѣ вѣчно.
Потомъ Герой отъялъ и Ремову главу;
Огромный хладный трупъ скатился на траву,
Горячей кровію земля и ложе рдѣютъ;
Ламиросъ, Лашъ, Сарранъ подъ сталью цѣпенѣютъ;
Послѣдній, кончивъ жизнь во цвѣтѣ красныхъ лѣтъ,
Прелестный, рѣзвый другъ всѣхъ юности суетъ,
Онъ вечеръ посвятилъ весельямъ пированій,
И полонъ Вакха спалъ подъ крылами мечтаній;
Блаженъ! когдабъ вся нощь такъ сладко протекла,
И новая заря щастливцу разцвѣла!
Каковъ свирѣпой тигръ, горящій страстью глада,
Является среди неограждена стада:

Рычитъ, терзаетъ, рветъ! пылаетъ кровью зѣвъ!
Творенье робкое стоитъ окаменѣвъ:
Таковъ былъ Эвріалъ средь стаи усыпленной.
Убійствомъ къ новому убійству воспаленной,
Тѣлами окруженъ, онъ взоромъ жертвъ искалъ:
Сраженны Фадъ, Гебесъ, Абарисъ сильный палъ,
И Ретусъ бодрственный, погибель зрѣвшій братій
(Почто не умеръ онъ средь сладкихъ сна объятій!)
Нещастный, пробудясь, во ужасѣ слѣпомъ,
Лежалъ подъ чашею, наполненной виномъ!
Но мечь его обрѣлъ, и весь въ груди сокрытой,
Лишь съ вѣрной смертію изторгнулся несытой!
Багряна жизнь, дымясь, изъ раны потекла.
Страсть крови далѣе свирѣпаго влекла:
Спѣшитъ къ Мессаповой дружинѣ раздраженный,
Гдѣ гаснули огни, и кони отрѣшенны
Питались на лугу росистою травой.
Но Низосъ, обозря всѣ жертвы предъ собой,
Самъ ярости своей чрезмѣрной устрашился:
„Довольно! — другу рекъ — долгъ мести совершился!
Уже свободенъ путь межь трупами враговъ;
Уже враждебный день встаетъ изъ-за холмовъ.„
Такъ рекъ, прижавъ къ груди кипящу грудь собрата,
Герои не берутъ ни серебра, ни злата,
Ни драгоцѣныхъ чашъ, ни тканій, ни броней.
Пріемлетъ Эвріалъ съ Рамнетовыхъ коней
Нарядъ и дивну цѣпь, искусства трудъ усильной,
Которую Цедекъ, богатствами обильной,

Залогомъ дружества въ даръ Ремулу прислалъ,
Сей внуку своему въ наслѣдье отказалъ;
По смерти коего Рутулы бранноносны
Присвоили себѣ — побѣды знакъ поносный!
Герой златую цѣпь на перси возложилъ,
Мессаповъ грозный шлемъ главу его покрылъ,
Различныхъ перьевъ пукъ, какъ пламень развивался!
(Нещастнѣйшій уборъ, не долго ты остался!...)
Таятся юноши во мракѣ вѣрныхъ мѣстъ.

Воставшая луна затмила сонмы звѣздъ.
Въ то время Рутулы, отъ полчищъ отдѣленны,
Къ Царю несли отвѣтъ на бой вооруженны.
Волсцентій, предваря собранье ратныхъ силъ,
Трехсотную сію дружину предводилъ.
Уже вблизи шатровъ, онъ сталъ передъ стѣнами,
Вдругъ видитъ юношей, вдали между древами,
Въ смущеньи, кравшихся особеннымъ путемъ;
Нещастная корысть, Мессаповъ дивной шлемъ,
Отсвѣтясь, Тевкрскому Герою измѣняетъ.
Не призракъ вижу я! Волсцентій восклицаетъ:
Стой! кто вы, и куда съ оружіемъ въ рукахъ?
Отвѣтствуйте!... Увы! гласъ замеръ на устахъ.
Бѣгутъ, ввѣряются защитѣ ночи тщетной.
Но быстры всадники объемлютъ путь примѣтной,
И стражей богатятъ исходы всѣ кругомъ.
Лѣсъ мраченъ былъ, заросъ и терномъ и волчцомъ;

Обитель дикая, исполненна вепрями;
Тропы излучисты, покрытыя тѣнями,
То изчезаютъ вдругъ, то кажутъ близкой плѣнъ.
Нещастный Эвріалъ, корыстью отягченъ,
Не зналъ, куда спѣшить. . . древа его держали;
Безвѣстность и боязнь вокругъ его обстали.
Другой избѣгъ бѣды—гонимый страхомъ, зрѣлъ
Ужь топкій вкругъ озеръ Албановыхъ предѣлъ,
Гдѣ Турновымъ конямъ простерлися забралы.
Остановился здѣсь. . озрѣлся вкругъ, усталый:
„Гдѣ другъ мой? Гдѣ мой братъ? что сдѣлалъ я злодѣй?
Тебя забыть! ахъ нѣтъ! умремъ, умремъ скорѣй!
Изрекъ — стремится вспять погибельной стезею,
По собственнымъ слѣдамъ блуждающій съ тоскою;
Въ безмолвной густотѣ, весь терномъ изможденъ,
Обманчивымъ лѣсамъ себя ввѣряетъ въ плѣнъ.
Всѣ страхи, всѣ пути измѣрялъ, безотрадный;
Вдругъ внемлетъ бѣгъ коней, звукъ трубный, крики ратны.
Смутился. . . . взоръ простеръ. . . и ахъ! кого узналъ?
Се ты являешься, нещастный Эвріалъ!
Бывъ преданъ нощію, дубравой незнакомой,
Въ рукахъ своихъ враговъ, безжалостно влекомой,
Истерзанъ, посрамленъ неистовой толпой,
Ждешь смерти, радуясь, что другъ безвреденъ твой!
Напрасно!. . . . онъ притекъ! . . . Но какъ? на что рѣшиться? —
Какъ друга искупить? Иль прямо устремиться,

И смерть предускорить отчаяннымЪ мечемЪ?
СталЪ вЪ тѣнь, подЪялЪ копье, и обратясь
лицемЪ
КЪ благой владычицѣ полунощныхЪ мечтаній:
Ты будь помощница послѣднихЪ начинаній,
ЛѣсовЪ ИдійскихЪ стражЪ, краса и честь
свѣтилЪ!
Когда на твой олтарь родитель приносилЪ
За сына бѣднаго дары благоугодны;
Когда, отЪ прелестей опасныхЪ лѣтЪ сво-
бодный,
Я храмЪ твой украшалЪ ловитвЪ своихЪ пло-
домЪ:
Направь мое копье, и гряни надЪ врагомЪ!
ИзрекЪ, напрягнулся — и злой булатЪ кидаетЪ,
Звѣняща смерть жужжа, мракЪ ночи разсѣ-
каетЪ!
Сульмона храбраго ударила вЪ хребетЪ:
Древко сломилося. . . . желѣзо сердце рвётЪ!
УпалЪ, трепещется, пускаетЪ вздохЪ тяжелый,
И вЪ рдѣющей крови погрязЪ окаменѣлый.
Смутились — смотрятЪ вкругЪ — не колебался
листЪ;
Но се еще стрѣлы безвѣстной слышенЪ свистЪ;
ВЪ чело Тагоново ударясь задрожала,
И черепЪ сквозь пробивЪ, вЪ мозгу горячемЪ
стала.
Волсцентій разЪяренЪ, вкругЪ мечется, какЪ
змѣй,
ЧтобЪ видѣть, разразить виновника смертей.
Напрасно! . . „ТакЪ и быть! — вЪ тебѣ упьет-
ся мщенье!
Казнись за обоихЪ" — изрекЪ вЪ остервененьѣ;
На Эвріала мечь свирѣпый обратилЪ.
ДругЪ скрытый, обомлѣвЪ, безчувственЪ, во-
зопилЪ,

Не въ силахъ болѣе во тьмѣ лѣсовъ таиться,
Не въ силахъ видѣть смерть, къ Волсценту онъ стремится,
Меня, меня сражай — я здѣсь, всему виной!
Рутулы, казни всѣ обрушьте надо мной!
Онъ братъ мой, онъ не могъ, невиненъ онъ предъ вами!
Клянусь Всемощными, Діаной и звѣздами!"
Столь нѣжной страстію къ нещастному пылалъ!
О тщетная мольба! Мечь ярый растерзалъ
Широку, бѣлу грудь; кровь алая дымится,
Бездушный блѣдный трупъ на мягкой дернъ катится,
Поникшая глава виситъ на раменахъ.
Такъ юный цвѣтъ весны на отческихъ поляхъ,
Подъ плугомъ срѣзанный, блѣднѣетъ, упадаетъ,
Но умирающій — красою восхищаетъ:
Таковъ багряный макъ, усталою главой
Прибитый ко травѣ въ часъ бури роковой!
Вдругъ Низосъ яростный вторгается въ средину,
Сквозь копья, сквозь мечи, имѣя мысль едину:
Волсцента ищетъ онъ, Волсцента только зритъ;
Смущенный кругъ враговъ безстрашнаго тѣснитъ,
Идетъ, себя забывъ, мечь молніей вращаетъ,
И весь въ уста врага отверстыя вонзаетъ!
„Ступай и уготовь героямъ нашимъ сѣнь!"
Израненъ, полумертвъ, шатаяся, какъ тѣнь,
На хладный брата трупъ безкровный устремился,
И сладкой смертью съ нимъ на вѣкъ соединился.

Щастливая чета! когда не льщусь мечтой,
Коль нѣжной пѣсни гласъ не кончится со мной:
Вашъ подвигъ позднее потомство не забудетъ.
Доколь Энеевъ домъ властителемъ пребудетъ
Надъ Капитольскою недвижною скалой,
Доколѣ будетъ Римъ вселенныя главой!

Мерзляковъ.

МЕЧТАНІЕ НА БЕРЕГАХЪ ВОЛГИ.

Довольно я въ мой краткой вѣкъ
Глубокихъ, свѣтлыхъ видѣлъ рѣкъ;
Въ странахъ, отъ родины любезной отдаленныхъ,
Или отечества въ предѣлахъ заключенныхъ;
Но *Волгу*, всякой разъ съ весельемъ новымъ зрю! . . .
Служа Отечеству, Царю,
Я зрѣлъ Дуная бурны волны,
Я зрѣлъ его брега убійствъ и крови полны;
На нихъ пылала грозна брань,
Звучали громы раскаленны;
Града и вѣси въ пеплъ позженны
Войнѣ и смерти дань! . . .
И дней моихъ едва разсвѣтъ
Въ сихъ буряхъ брани не затмился!
Едва я съ жизнью не простился
На утрѣ юношескихъ лѣтъ! —

Я зрѣлъ, какъ мчится *Вагъ* свирѣпый (*)
По рвамъ, чрезъ дебри и вертепы;

(*) Вагъ большая сердитая рѣка въ Карпатскихъ горахъ.

Какъ пробивая путь межь горъ,
Кипитъ, бугрится, рветъ преграды;
Къ громадамъ громоздя громады,
Навислой роетъ брегъ и съ трескомъ ломитъ боръ,
Дивя и устрашая взоръ.

Я зрѣлъ среди степей пустынныхъ *Бугъ*!
На крайнемъ рубежѣ Россіи,
Въ предѣлахъ древнія Скифіи,
Гдѣ стонетъ и поднесь Піита славна духъ (*).
На дикихъ сихъ брегахъ, среди степей унылыхъ,
Имѣлъ друзей, я сердцу милыхъ (**):
Въ пустыняхъ и лѣсахъ другъ вѣрной — даръ небесъ. . . .
Среди полей сухихъ, поблекшихъ, обнаженныхъ,
Лучами солнца раскаленныхъ,
Въ гостепріимну тѣнь не манитъ свѣжій лѣсъ. . .
Тамъ нѣтъ, тамъ нѣтъ нигдѣ убѣжищь для прохлады;
Но благостью Творца всѣмъ равной жребій данъ!
И смуглы жители тѣхъ странъ
Умѣютъ находить отрады.
Священно дружество, всѣхъ нѣжныхъ душъ душа!
Подъ кровлей низкаго Воложска шалаша,

(*) *Овидій*, знаменитый *Піитъ Латинскій*, сосланъ Августомъ въ *Кумыкъ*, гдѣ нынѣ полагаютъ *Овидіополь*.

(**) Тамъ утѣшался я преимущественно дружбою незабвеннаго Н. М. К.

Ты нашей жизни дни собою позлащала,
И розами скалы угрюмыя вѣнчала.

Границу древню двухъ Державъ
Я видѣлъ быстрый Днестръ, въ брегахъ злато-песчаныхъ,
Обильный во плодахъ и гроздіяхъ румяныхъ;
Тамъ тысячи овецъ и сладко-млечныхъ кравъ
Пестрѣютъ по степямъ сребрящимся въ *бурьянахъ*.—
Издревлѣ тамъ лѣса чернѣлися дремучи,
Недремлющая въ нихъ мечи острила брань;
Подвиглись Россіе богатыри могучи,
Громъ грянулъ, сбилъ лѣса — лавръ въ полѣ Россамъ дань (*)!
Не рѣдко я видалъ и *Днѣпръ голубоводый*,
На лонѣ матери — Природы
Еще младенцомъ — ручейкомъ;
Но зрѣлъ я, зрѣлъ его въ величьи, рѣкъ царемъ!
Какъ области собой поя Россійски многи,
Пробивъ межь горъ себѣ дороги,
И пѣной оснѣжа пороги,
Съ гремящимъ грохотомъ и съ шумомъ вдоль летитъ!
Высоко-башенный *Смоленскъ* надъ нимъ стоитъ!
И холмы Кіевски, цвѣтущи, возвышенны,
И храмы Божіи, богато позлащенны,

(*) До первой Турецкой войны окресности Буга, особливо за рѣчкою *Кодимомъ*, покрыты были дремучими лѣсами. Татары, чинившіе набѣги, укрывались съ добычью въ сихъ лѣсахъ. Во время военныхъ дѣйствій Росіянъ противу Турокъ, огонь истребилъ лѣса, и теперь видны тамъ однѣ обширныя степи, заросшія крупною травую *бурьяномъ*.

Исполненна чудесъ, глядится въ немъ страна!—
Днѣпромъ поглощена прекрасная *Десна*;
Чрезъ *Малоросію* льетъ свѣтлой токъ она:
Благословенный край! роскошный садъ Природы!
Тамъ дружны съ простотой безпечные народы.
Забуду ли тебя, гостепріимной край,
Тебя, цвѣтущій красотою! —
Гдѣ я, плѣнясь людей любезныхъ добротою,
Въ палатахъ и въ поляхъ встрѣчалъ для сердца рай (*)!
Я Польски рѣки зрѣлъ; зрѣлъ токъ прозрачной Вислы;
Извивистой зрѣлъ *Бугъ*;
Зрѣлъ Замки древніе на бездны скалъ навислы:
Героевъ давнихъ лѣтъ паритъ надъ ними духъ.
Страны прелестныя не разъ облиты кровью,
Земля усѣянна костьми,
Изъ давнихъ лѣтъ уже присвоена любовью,
Наполненна ея приманками, сѣтьми. . .
Ни шумъ оружія, ни грозны бранны звуки
Не могутъ защитить сердецъ отъ страстной муки.
И хитрой богъ любви, какъ Царь всевластной тамъ,
Съ улыбкой шествуя по лаврамъ и щитамъ,
Стрѣляетъ въ брони позлащенны,
Въ сердца, въ пожарахъ битвъ громовыхъ закаленны. . .
Какъ сладко тамъ провелъ *зарю я дней моихъ!*
Средь пышности утѣхъ, подъ блескомъ Руской славы,

(*) Благодарность навсегда запечатлѣна въ памяти и сердцѣ моемъ, Ласковое гостепріимство Г. П. М. и Н. М. С.

Въ чертогахъ у вельможъ; богатъ пріязнью
ихъ. —
Край Польской нареченъ столицею забавы;
Богъ вкуса Граціямъ въ немъ храмъ соорудилъ.
Въ разсѣяньи, въ шуму, въ пріятномъ чувствъ
волненьи,
Средь нѣги и любви, въ сердечномъ упоеньи,
Я сердцемъ жилъ!

Сулрута скромная, о рѣчка безъизвѣстна (*)! —
Гдѣ въ мирѣ и любви живетъ чета прелестна,
Гдѣ дружбы сладостью грусть сердца отвожу
И радость отъ судьбы украдкой нахожу: —
Тамъ одиночество мое позабываю,
И счастливъ счастіемъ друзей моихъ бываю.
Какъ странникъ, многія еще я видѣлъ рѣки,
Которыя поятъ собой края далеки,
О коихъ идетъ въ мірѣ молва. . .
Тебя, *дочь Ладоги*, о свѣтлая *Нева*!
Я зрѣлъ въ младенческія лѣта,
Не опытнымъ еще бывъ гостемъ бѣла свѣта;
Не зналъ я и именъ суетъ, заботъ и бурь:
Въ душѣ моей сіялъ веселія лазурь,
Равно какъ сводъ небесъ въ тебѣ изображался.
Ахъ! въ тотъ златой мой вѣкъ съ страстями
я не знался,
*Не плакалъ отъ тоски, не думалъ крѣпкихъ
думъ. . .*
И града пышный блескъ, смятенье, звукъ и
шумъ,
Богатство, слава, честь: — все смертныхъ
обольщенья
Мелькали предо мной какъ тѣни сновидѣнья:

(*) Не большая рѣчка въ дачѣ В. Г. Л.

Мнѣ жизнь была нова! не зналъ я въ ней путей;
Не зналъ, что міръ сей полнъ прельщеній и сѣтей.
Безбурны дѣтства дни, о дни мои златые!
Забуду ль васъ когда? — о радости святыя!
Которы по цвѣтамъ *безпечнаго* вели;
И сами, какъ цвѣты, вокругъ него пестрѣлись,
Уже ли для меня на вѣкъ вы отцвѣли? —
Забавы юныхъ лѣтъ какъ птички разлетѣлись. —
Придете ль вы опять, о дни моихъ утѣхъ,
О дни безпечности, отрадъ, очарованій!
Я щастливѣе былъ въ пылу надеждъ, мечтаній,
Любимцовъ роскоши и нѣгъ! . . .
Но строгой смертныхъ просвѣтитель,
Воздушныхъ зданій разрушитель,
Угрюмой опытъ мнѣ свой грозный видъ явилъ,
Смолистымъ факеломъ на міръ сей посвѣтилъ,
И міръ подернулъ черной тканью. . . .
„Гробъ мрачной, рекъ онъ мнѣ, одинъ конецъ страданью;
„Обѣты щастья ложъ! дни жизни, дни суетъ!
„Волшебны зеркала — прелестныя мечтанья,
„Когда и гдѣ ихъ нѣтъ.
„Существенность совсѣмъ инымъ являетъ свѣтъ:
„Являетъ міръ въ слезахъ, людей въ тоскѣ страданья. . .
Надежды и мечты
„Насъ тѣшатъ какъ дѣтей, и вянутъ какъ цвѣты!
„Подъ бурями страстей мертвѣетъ добродѣтель!“
Такъ *опытъ* намъ гласитъ, суровой благодѣтель! —

Ахъ! къ прежнимъ радостямъ искать ли вновь
путей?
Гдѣ, гдѣ укроюсь я отъ мятежа страстей?
Не при тебѣ ль, о, *рѣкъ Россійскихъ мать и
слава*
О, *пышна Волга, величава*!
Мнѣ рокомъ суждено блаженство возвратить
И сердца грустнаго всѣ раны излечить? . . .
О Волжскія струи! о холмы возвышенны!
Воскреснутъ ли при васъ дни щастьемъ обно-
вленны?
Прольется ль въ томну грудь веселія струя,
И буду ль, буду ль щастливъ я? . .
Брега прелестные, плѣняющи собою!
Не здѣсь ли заключить могу я миръ съ судь-
бою?
Ахъ! будете ли вы, нагорны высоты!
Притономъ странника, пріютомъ сироты?—
Въ укромной хижинѣ, къ утесу прислоненной,
Дубами древними отъ бурей осѣненной,
Найду ли наконецъ желанной я покой? —
Я восхищался бы прелестною рѣкой,
И вторя соловьямъ, бряцалъ на скромной лирѣ
Пѣснь тихую рѣкѣ, столь шумной , громкой
въ мірѣ!
Ябъ видѣлъ ладій бѣгъ, крылатые струга,
Какъ къ морю синему высокіе брега,
И полны пажитьми зеленые луга
Въ свой быстрой Волга слѣдъ проводитъ. . .
Мечта! опять мечта къ мечтамъ меня заво-
дитъ! —
Мнѣ ль щастья ожидать? — Судьбы гремящей
гласъ
Велитъ оставить вновь , брега прекрасны,
васъ! . . .

Я странникъ! не ищу чертоговъ пышныхъ строить;
Ищу лишь *уголка*, гдѣбъ сердце успокоить.—

С. Глинка.

РУЧЕЙ.

Прелестный Ручеёкъ, какъ сходенъ я съ тобою:
Стремяся по лугамъ излучистой струёй,
Всегда ты слѣдуешь назначенной стезёю;
И я, и я умру съ наклонностью одной.

По мѣлкимъ камышкамъ дробяся, протекая
Безъ треска, грохота, ты можешь лишь журчать;
И я свою любовь въ груди моей скрывая,
Я смѣю лишь о ней тихонько воспѣвать.

Ты катишься въ лугахъ, кристаллами кипящій,
Что возмутитъ тебя? — всегда ты серебристъ:
Огнь истинной любви, въ душѣ моей горящій,
Какъ твой прозрачный токъ — онъ также свѣтелъ, чистъ!

Пусть море бурный вѣтръ волненьемъ возмущаетъ,
Твою поверхность онъ не можетъ возмутить;
Пусть щастіе мое рокъ злобный премѣняетъ,
Но чувствъ моихъ ничто не можетъ премѣнить!

Какъ Хлои, ко твоимъ потокамъ привлеченной,
Прелестной, милой видъ въ тебѣ изображенъ:
Такъ точно взоръ ея, любовью вспламененной,
Навѣкъ въ груди моей, навѣкъ напечатлѣнъ!

Ты не грозишь ни чѣмъ, ни камнемъ, ни волнами;
И я не сокрывалъ обманчивыхъ сѣтей!
Всякъ видитъ дно твое подъ свѣтлыми струями —
Всякъ можетъ прочитать внутри души моей!

Саларевъ.

САДЫ.

Дороги суть вожди къ предметамъ, — и они,
Показывая ихъ, ихъ украшать должны;
Въ раждающихся вновь садахъ я запрещаю
Дороги проводить; я глазомъ назначаю
Мѣста, приличнѣй имъ въ оконченныхъ садахъ;
Пусть вьются тамъ онѣ въ прекраснѣйшихъ мѣстахъ;
Открой намъ лучшія картины въ отдаленьѣ.
Замѣть, когда свой садъ и мѣстоположенье
Ты посѣтителю желаешь показать,
Съ какою тонкостью ты тщишься выставлять
Все, все хорошее, и скрыть, что безобразно.
Ты мимоходомъ видъ покажешь намъ прекрасной,
И гостя знаешь, чѣмъ забавить и увлечь,
Часть прелестей къ пути возвратному беречь;

Вновь виды поразить нечаянно готовы;
Изъ сценъ ужь видѣнныхъ родятся сцены новы!
Есть живописныя въ природѣ кривизны;
Ихъ образцомъ своимъ поставить мы должны.
Дороги для тѣлегъ, тропинки стадъ ревущихъ,
Подъ кровъ соломенный разсѣянно идущихъ,
Пастушка медленно бредущая въ поляхъ,
И погруженная въ пріятнѣйшихъ мечтахъ,—
Покажутъ нѣжность намъ волнистыхъ оборотовъ,
И угловатыхъ какъ избѣгнуть изворотовъ.
Здѣсь навсегда замѣть: коль къ цѣли насъ обходъ,
И затруднительный, и дальній поведётъ,
Успокоеніе должно быть тамъ отрадой,
И удовольствіе за всѣ труды наградой.

Поэтамъ славнымъ ты дерзни во слѣдъ идти
Коль Муза ихъ, идя и уклонясь съ пути,
Позволитъ тѣмъ себѣ нарушить планъ свой строгій:
Сей отступъ для меня игривѣй всей дороги;
Онъ насъ подъ тѣнь съ собой умѣетъ заманить.
Здѣсь Низосъ жизнію жизнь друга искупить,
На копья, на мечи кидается безъ страха;
На гробѣ Гектора стенаетъ Андромаха.
Такъ поступай и ты! ведя насъ по цвѣтамъ,
И тягостный обходъ пріятнымъ сдѣлай намъ;
Пусть насъ веселые предметы развлекаютъ,
И при концѣ труда за трудъ вознаграждаютъ;
Да тамъ искусство вдругъ нечаянно явитъ
Творенія искусствъ, Природы пышный видъ,

Живой поэмы сей прелестны эпизоды.
Тамъ зрю зеленый гротъ, вертеповъ мрачныхъ воды,
Жилище тишины, и тѣни, и прохладъ.
Воображеніе предупреждаетъ взглядъ.
Прудъ чистый, какъ кристалъ, сводъ неба отражаетъ;
Тамъ перспективу взоръ далеко открываетъ,
Величественную, сліянную для глазъ,
И убѣгающу все далѣе отъ насъ.
То иногда лѣсокъ, плѣнительно скругленный,
Природой и твоей рукою украшенный
Роскошенъ, но не хитръ, и весь въ тѣни, въ цвѣтахъ,
Какъ будто говоритъ: „постой! въ какихъ мѣстахъ
Ты можешь лучше быть?„ И вдругъ иная сцена:
На мѣсто радости — Задумчивость священна,
Безмолвіе, покой, жилище тишины,
Гдѣ мы не любимъ быть ничемъ развлечены,
Гдѣ любимъ размышлять, творить, играть мечтою,
Гдѣ любитъ человѣкъ бесѣдовать съ собою,
Отъ настоящаго къ грядущему паритъ;
О благахъ, о бѣдахъ, которыми покрытъ
Путь жизни нашея, живѣй воспоминая,
И на прошедшее взоръ томный обращая,
Онъ любитъ замѣчать не много сихъ минутъ,
Столь краткихъ, столь драгихъ, которыя цвѣтутъ
Какъ розы на степи. — Ахъ, сладко вспоминанье
О прошлыхъ радостяхъ, и даже о страданьѣ!

Не ставь въ примѣръ себѣ людей холодныхъ сихъ,
У коихъ нѣтъ премѣнъ въ садахъ холодныхъ ихъ;
Имъ благородная совсѣмъ безвѣстна смѣлость;
Вездѣ увидимъ мы иль легкость, иль веселость,
Прелестны рощицы, плѣнительны лѣски;
Вездѣ цвѣтутъ цвѣты, вездѣ висятъ вѣнки;
Все улыбается; вездѣ блестятъ уборы,
Здѣсь видѣнъ храмъ Любви, а далѣе храмъ Флоры.
Однообразная веселость ихъ скучна;
Обыкновенная дорога не должна
Остановить тебя; путь новый пролагая,
Контрасты смѣлые творя и помѣщая,
Противны дѣйствія старайся согласить,
И къ цѣли ихъ тобой желаемой склонить.

Пуссень тебѣ урокъ прекрасный представляетъ,
Когда на праздникахъ весны изображаетъ,
Какъ рѣзвый хороводъ пастушекъ, пастуховъ,
Сплетясь рука съ рукой на зелени луговъ,
Играетъ и поетъ подъ тѣнью вязовъ темной;
Недалеко отъ нихъ могила, камень гробной,
Ужь въ землю вдавшійся, обросшій сѣрымъ мхомъ,
Съ простою надписью, начертанной на нёмъ:
,,И я былъ пастухомъ въ Аркадіи щастливой.''
Такое зрѣлище въ противности съ игривой,
Безпечной юностью, бѣгущей по цвѣтамъ,
Столь выразительно изображая намъ
Забавы, радости, ничтожность жизни нашей,
Вѣщаетъ: смертные! спѣшите полной чашей

Пить наслажденіе! — ахъ, пѣсней сладкій гласъ,
И пляски, и пиры, и сами вы — на часъ! . . .
Тутъ постепенно въ слѣдъ за радостью живою,
Овладѣваетъ грусть растроганной душою.

Вотъ образецъ! въ него старайся ты вникать,
Гробницы мирныя и урны воздвигать
Среди смѣющихся, плѣнительныхъ явленій.
И кто не испыталъ въ сей жизни огорченій!
Кто слезъ непроливалъ надъ прахомъ дорогимъ!
Передавай печаль лѣсамъ, цвѣтамъ своимъ.
Чувствительный во всемъ себѣ друзей находитъ;
Онъ горесть раздѣлить съ деревьями приходитъ.
Уже надъ мирною гробницей обнялись
Задумчивая ель, унылый, нѣжный тисъ, —
И ты, почившихъ другъ, о кипарисъ печальный!
Ты охраняющій въ могилѣ пепелъ хладный,
Ты ближній мнѣ, родной! — Любовникъ мирты рветъ,
Для побѣдителей зеленый лавръ растетъ;
Имъ славу и любовь охотно уступаешь;
Но ты въ печаляхъ намъ и въ горѣ сострадаешь.

Воейковъ.

ПОСЛАНІЕ КАТОНА КЪ ЮЛІЮ КЕСАРЮ.

Пусть Рокъ благоволитъ измѣнѣ дерзновенной;
Есть *право* для души невинно угнѣтенной! —

Не льзя его, не льзя со доски свободы стерть;
Непобѣдимое, святое право — смерть!
Надежда праведныхъ! — въ днемъ бѣдъ моихъ
отрада! —
Мнѣ чуждо все твое: и мщенье, и пощада; —
Я жизнію своей могу располагать; —
Катона ль Кесарю прощеньемъ унижать! . . . .
Нѣтъ! — духъ незыблемъ мой, спокойствомъ
огражденный; —
Въ рукахъ моихъ Платонъ — и мечь непритупленный:
Одинъ безсмертіе души моей гласитъ,
Другой свободу мнѣ до смерти сохранитъ.
Увы! ужь Рима нѣтъ; почто же жить Катону?
Онъ зрѣлъ во мнѣ противъ тиранства оборону;
Я Римлянамъ казалъ тобой изрытый ровъ,
Я тягость предвѣщалъ позорныхъ сихъ оковъ;
Противъ тебя я шелъ съ Помпеемъ въ полѣ
брани;
Въ крови рабовъ твоихъ мои дымятся длани. —
Такъ, Кесарь, чьи сердца тирану преданы —
Тѣ Кесарю рабы — но Риму не сыны! —
Знай, если предъ тобой все пало съ униженьемъ,
Катонъ одинъ не палъ фарсальскимъ пораженьемъ!
На брегѣ Африки, собравъ остатки силъ,
Противъ злодѣйства я Свободу ополчилъ;
Мнѣ измѣнилъ тамъ рокъ, но духъ мой твердъ
остался.
Хотя бы звукъ оковъ по всей землѣ раздался,
Хоть Небо, возведя на тронъ тебя, злодѣй,
Предастъ тебѣ во власть и Римъ, и всѣхъ
Царей;
Хотя бы цѣлый міръ дрожалъ передъ тобою. . . .
Передъ измѣнникомъ я не склонюсь главою.—

Та сила, кою мечь и лесть тебѣ даетъ,
Вселенную обнявъ — меня не досягнетъ!

Ступай и посрамляй Римъ гордой колесницей,
Свободу скованну влеки твоей десницей! —
Не мни, чтобъ стонъ ея для Римлянъ новымъ былъ:
Ты токмо то свершишь, чѣмъ Силла имъ грозилъ. —
Яви имъ торжество счастливаго злодѣя —
Вели передъ собой нести главу Помпея —
И въ Капитоліи, повергнувъ предъ алтарь,
Воскликни: „Римъ въ цѣпяхъ! и Юлій — міра Царь!"
Тамъ лики Праотцевъ въ примѣръ сынамъ блистаютъ.
Смотри: и въ храморѣ, тиранъ, они рыдаютъ!
Ихъ слышу, мнится, стонъ! . . . и стѣны потряслись. . . .
Изъ камня хладнаго слезъ токи полились! —
О мужи славные! скорбь вашу измѣряю,
Колико гнусенъ взоръ измѣнника, я знаю;
Когда и вы уже страдаете въ сей часъ,
Возможно ль превзойти мнѣ твердостію васъ?
Блаженъ, когда сравнюсь! . . . Катонъ изнемогаетъ,
И твердъ въ своихъ бѣдахъ, о Римѣ онъ рыдаетъ.
Судьба таинственна! — се царствіямъ урокъ:
Здѣсь въ узахъ Римъ, а тамъ Катонъ льетъ слезной токъ! . . .

Воззри тиранъ, воззри, успѣхами хвалися! —
Азійскіе брега отъ крови упилися. —

Тамъ пали троны вкругъ, тамъ пали тьмы людей,
Тамъ все тебѣ гласитъ: ,,о Кесарь, ты злодѣй!
Воззри ты на народъ, красу и честь вселенны,
Владыку зрѣли въ комъ Цари парабощенны;
Тобой онъ посрамленъ, повержен, и въ цѣпяхъ;
Зри, падая какъ Римъ, влечетъ вселенну въ прахъ!
И въ будущемъ познай отечество злощастно,
Тиранамъ, извергамъ покорное, безгласно,
Гордыни произволъ пріемлюще въ законъ! . . .
Вотъ всѣ дѣла твои — вотъ страждетъ чѣмъ Катонъ!
Стыдись, тиранъ, стыдись, въ кровавой сей коронѣ,
Не Римлянинъ ужь ты вселенныя на тронѣ,
Сколь выше я тебя! — за Римъ мой вѣкъ угасъ;
Катонъ въ лучахъ; а ты — въ безчестьѣ ты погрязъ!
И можно ль чью судьбу съ твоей сравнить судьбою? . . .
Раскаянье, какъ тѣнь, отнынѣ за тобою,
За слезы Римскія оно тебѣ отмститъ,
Фарсальски ужасы вездѣ тебѣ явитъ. —
Чьи тѣни воютъ тамъ? . . . о страшный видъ измѣны!
Се трупы согражданъ! растерзаны ихъ члены!
Се падшій здѣсь Помпей къ отчизнѣ за любовь!
И Римска вкругъ тебя дымится моремъ кровь! —

Но мнишь ли, что твой вѣкъ спокойно закотится?
Злодѣй! мечь мщенія въ безмолвіи острится;

Повѣрь, готова мзда злодѣйствіямъ твоимъ! . .
И издыхающій — еще ужасенъ Римъ!

Но ахъ! вотще герой, ко мести устремленный,
Возстанетъ, кровію тиранской обагренный!
Симъ подвигомъ бѣды умножатся стократъ.
Увы! злодѣями сталъ нынѣ Римъ богатъ! —

И такъ свершилось все! отечество погибнетъ!
Но не узритъ Катонъ, какъ Римлянъ стыдъ постигнетъ,
Какъ славу и боговъ граждане предадутъ,
И милостей искать къ тирану потекутъ!
Такъ, Кесарь! — Римъ ужь рабъ; міръ выю преклоняетъ;
Катонъ — не рабъ; — тебя и міръ твой презираетъ!

О вы, умѣвшіе въ себѣ соединять
Доброты мирныя съ искусствомъ побѣждать,
Герои славные, чьи подвиги высоки
Къ величью Римлянамъ открыли путь широкій!
Безтрепетный Камиллъ, кѣмъ въ прахъ низринутъ Галлъ,
Торкватъ, и ты, кѣмъ палъ ужасный Ганнибалъ,
Презрѣвшіе враговъ, гоненья Рока люты!
Примите днесь въ вашъ ликъ, герои пресловуты,
Примите, отвратя отъ міра взоръ и слухъ,
Остатки Римскіе, — Катона скорбный духъ! —

Ивановъ.

ЕРМИНІЯ.

Въ то время быстрой конь Эрминіи прелестной
Занесъ ее во мракъ дубравы неизвѣстной;
Покинула бразды дрожащая рука. —
Ни мертва, ни жива, — вся — трепетъ и тоска,
Надежному коню Царевна предается;
Онъ, путая стези излучисты, несется,
Вдругъ близокъ, вдругъ далекъ, гонителей томитъ;
Сокрылся наконецъ, — и имъ оставилъ стыдъ!
Какъ псы, скончавшіе ловитвы подвигъ дальной,
Идутъ дрожащи вспять, потупивъ взоръ печальной,
Тоскуютъ, потерявъ горячій звѣря слѣдъ,
Ушедшаго въ лѣса отъ поля и отъ бѣдъ:
Такъ воспаленные досадой, Христіане,
Усталые, въ своемъ явились паки станѣ. —
Эрминія течетъ одна въ лѣсу густомъ: —
Все робкую страшитъ, все кажется врагомъ! . . .
Проходитъ темна ночь, настало царство свѣта,
Блуждаетъ сирая безъ друга, безъ совѣта,
Не видитъ въ быстротѣ, не слышитъ ни чего,
Боится шороха и стона своего. —
Уже отъялъ коней отъ ига Царь — возница,
И тонутъ въ златѣ волнѣ и богъ, и колесница;
Царевна притекла на Іорданской брегъ,
И здѣсь рѣшилась взять спокойство и ночлегъ.
Не принимаетъ брашнъ: ей брашнами мученье,
И слезы горькія — ей жажды утоленье;

Единый токмо сонъ, нещастныхъ доброй другъ,
Забвенія росой врачующій недугъ,
Единый токмо сонъ отъ сирой не чуждался;
Крылами тихими надъ ней поколебался,
И муки усыпилъ. . . но лютая любовь
Послала ей мечты, и вновь волнуетъ кровь.
Уже пѣвцовъ лѣсныхъ восторгъ и ликованье,
Привѣтствуютъ зари румяныя возстанье;
Шумъ бродитъ въ мракѣ рощь, и шепчутъ ручейки;
Съ цвѣтами и съ волной играютъ вѣтерки:
Открывъ Царевна взоръ, тоской обремененный,
Зритъ кровы пастуховъ вдали уединенны,
И слышится ей гласъ сквозь волны и сквозь лѣсъ,
Да утреннюетъ Скорбь стенаньемъ, токомъ слезъ! —
Куда, куда пойдетъ боязни жертва хладной! . . .
Но се, внимаетъ звукъ и громкой, и отрадной,
Простое пѣніе блаженныхъ пастуховъ,
Сліянно съ дикою свирѣлью сихъ луговъ.
Возстала, и грядетъ къ нимъ медленной стопою.
Зритъ старца въ сѣдинахъ подъ тѣнью древъ густою
У стада возсѣдя, кошницы онъ вязалъ,
И пѣснямъ отроковъ, сидящихъ съ нимъ, внималъ.
Узрѣли пастухи блестящіе доспѣхи,
И устрашилися! — и смолкла пѣснь и смѣхи!
Она привѣтствуетъ, спокоитъ ихъ сердца,
Открывъ имъ злато власъ и прелести лица.
Не прерывай, рекла, о родъ стократъ блаженной,
Работы, отъ самихъ боговъ благословенной!

Сему оружію негрозной данъ уставъ,
Преогорчать вашъ трудъ и сладости забавъ!
Но, мой отецъ, вѣщай, какъ ты единый нынѣ,
Когда пожаръ по всей пылаетъ Палестинѣ,
Какъ можешь ты вкушать отраду тишины,
Не опасаяся свирѣпости войны!
Такъ, сынъ мой! старецъ рекъ: не испыталъ я нужды;
Моя семья, стада, обидъ и горя чужды;
Мы здѣсь блаженствуемъ; и грозной гласъ громовъ
Не оглушалъ еще безвѣстныхъ сихъ лѣсовъ.
Благословенъ будь Богъ! — Онъ правду ограждаетъ,
Смиренну пастуховъ невинность возвышаетъ! —
Громъ Неба падаетъ на горды высоты,
Но онъ щадитъ всегда обитель простоты.
Такъ! чуждаго меча свирѣпство разъяренно
Караетъ лишь владыкъ величье напыщенно;
Безвѣстность, нищета, покоя другъ и мать,
Не привлечетъ сюда корыстей жадну рать;
Безвѣстность, нищета — хотя она безславна, —
Милѣе мнѣ богатствъ и скипетра державна;
Ни алчна злата страсть, ни буйна страсть честей
Не смѣютъ возмущать миръ совѣсти моей;
Струи сего ключа — питье мое, прохлада;
Я не страшуся въ немъ примѣшеннаго яда.
Сіи стада, сей садъ и сей цвѣтущій долъ
Снабжаютъ брашнами умѣренный мой столъ;
Желаній многихъ нѣтъ, и нуждъ у насъ немного;
Не пышно житіе — однако неубого;

Ты зришь моихъ дѣтей; подпора старыхъ лѣтъ,
Они берегутъ стада; рабовъ у насъ здѣсь нѣтъ.
Такъ дни мои текутъ въ щасливой сей пустынѣ;
Есть дѣло, я тружусь; а нѣтъ, — брожу въ долинѣ,
Смотрю, какъ серны вкругъ и лани разбредясь,
Сбираютъ тучну снѣдь, или, съ береговъ склонясь,
Дивлюсь на рѣзвость рыбъ; смотрю — подъ небесами
На птицъ, мелькающихъ различными цвѣтами.
Но былъ и для меня вѣкъ призраковъ, суетъ;
Другаго я желалъ во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ;
Не милы были мнѣ стада мои драгія.
Тогда слѣпецъ бѣжалъ отъ родины благія;
Жилъ долго въ Мемфисѣ, при пышномъ жилъ дворѣ;
И я вельможей слылъ, и я былъ при Царѣ;
Хотя однихъ садовъ верховный управитель,
Не менѣе коварствъ, и жертва былъ и зритель!
Надеждой льстивою обманутый стократъ,
Все зло я испыталъ, чѣмъ только дворъ богатъ.
Но красны дни прошли, какъ вешніе потоки;
За ними — блескъ надеждъ и помыслы высоки! —
Я сердцемъ сталъ болѣть о мирной тишинѣ,
О бѣдной жизни сей, столь прежде милой мнѣ.
Прости, сказалъ двору — въ родную тѣнь склоняюсь.
Здѣсь радость — вѣрной другъ; безъ страха наслаждаюсь! —

К

Такъ старецъ говорилъ. Царевна во слезахъ;
Казалось, вся душа у старца на устахъ;
Премудрый сей отвѣтъ, взглядъ тихой и смиренье,
Смятенныхъ чувствъ ея спокоили волненье;
Задумалась она, колеблется душей.
Рѣшилась наконецъ, въ пустынѣ скромной сей,
Отъ свѣта, отъ враговъ сокрыть себя доколѣ,
Пока святыхъ судебъ угодно будетъ волѣ.

Ты щастливъ, что познать нещастія возмогъ,
О старецъ, о мудрецъ! — когда тебѣ твой Богъ
Съ благими жизни сей не далъ любостяжанья,
Ты не откажешь мнѣ въ отрадѣ состраданья!
Прими меня, прими подъ свой блаженный кровъ;
Какъ сладко жить съ тобой, и чтить однихъ боговъ!
Быть можетъ, въ сей тѣни, хотя на мало время,
Хоть частью облегчу я мукъ сердечныхъ бремя.
Чего желаешь ты во мзду заслугъ своихъ?
Алмазовъ, золота, сихъ идоловъ земныхъ, —
Чего тебѣ, вѣщай: — еще симъ зломъ обиленъ;
Всѣ, всѣ я утолить твои желанья силенъ!
Съ словами плачетъ вновь. . . какъ бисеръ, токъ скорбей
Ліется изъ ея прекраснѣйшихъ очей.
Потомъ повѣдала часть нѣку приключенья,
И старецъ стонетъ съ ней, исполненъ умиленья;

И утѣшеніемъ сладчайшимъ для сердецъ
Пріемлетъ сирую, пріемлетъ, какъ отецъ.
И въ тотъ же самой мигъ, съ улыбкою веселой,
Ведетъ ее къ своей супругѣ престарѣлой,
Которая, какъ онъ, дышала добротой. — —
Дщерь Царска облеклась одеждою простой;
Сложилась прелесть власъ подъ грубо покрывало;
Но гордый станъ, но взоръ, но поступь, все являло,
Что ей не родина — пустыня и лѣса; —
Блистаетъ въ простотѣ и важность и краса,
И гордость, знаменье сердецъ благорожденныхъ!—
Величье царственно въ работахъ униженныхъ!—
Одна съ свирѣлію и гибкою лозой
Сбираетъ въ лугъ телицъ, и гонитъ ихъ домой,
Тукъ млечный изъ сосцовъ обильныхъ извлекаетъ,
Сама готовитъ сыръ, и масло составляетъ.
Не рѣдко въ знойные златаго лѣта дни,
Какъ овцы утомясь, лежатъ уже въ тѣни,
На молодой корѣ дубовъ и кедровъ важныхъ,
Любезно имя ей выводитъ въ видахъ разныхъ;
Ввѣряетъ маленькимъ кусточкамъ и цвѣтамъ,
Исторію любви, противной небесамъ;
То пишетъ, то, свои сама читая строки,
Вздыхаетъ и ліетъ нѣжнѣйшихъ слезъ потоки;
Гласитъ стенящая: о милыя древа,
Храните ввѣренны любовью вамъ слова! —
Храните горестей моихъ повѣствованье;
И естьли нѣкогда, иль радость, иль страданье,
Въ тѣнь вашу вѣрнаго любовника введетъ: —
Пусть въ сердцѣ обо мнѣ онъ сладко воздохнетъ;

Пусть скажетъ, изочтя души моей печали:
„Возможно ль, чтобъ Любовь толико боги гнали!
Возможно ль, чтобъ Любовь мученьемъ, игомъ бѣдъ,
Платила вѣрности, которою живетъ!"
Быть можетъ, ежели до горняго селенья, —
Доходятъ теплыя нещастливыхъ моленья, —
Быть можетъ, и придетъ со временемъ сюда
Тотъ, коему теперь тоска моя чужда!
И взоръ склонивъ на холмъ, подъ коимъ сокровенны
Страдалицы младой уснутъ останки бренны, —
Въ награду страсти злой, возстонетъ, такъ, какъ другъ,
Какъ братъ, какъ милыя лишившійся супругъ!
Такъ! естли въ жизни сей любовь моя страдаетъ,
Пускай она, хотя по смерти, миръ познаетъ, —
Пускай мой бренный прахъ, таясь въ землѣ сырой,
Хоть состраданія согрѣется слезой! . . .

Такъ дѣва рѣчь ведетъ съ безмолвными древами;
Древа, цвѣты, стада здѣсь были ей друзьями!
Танкредъ межъ тѣмъ, стремясь безвѣстною стезей,
Чѣмъ ближе быть хотѣлъ, тѣмъ далѣ былъ отъ ней

Мерзляковъ.

МОЛИТВА ЛИНДАНЫ.

Въ одной прелестнѣйшей изъ милыхъ Фебу странъ,
Между яворами — гдѣ лавръ, гдѣ миртъ, каштанъ
Мѣшаютъ запахъ свой съ лимоннымъ, ананаснымъ;
Гдѣ самородные вверхъ водометы бьютъ;
Гдѣ воды свѣтлыя по янтарямъ текутъ;
Гдѣ эхо блѣдное унылымъ гласомъ, страстнымъ,
Лишь арфъ невидимыхъ и лиръ звукъ вторитъ.... тамъ
Съ начала міра былъ, какимъ-то зодчимъ чуднымъ,
Перуну грозному построенъ пышный храмъ,
Средь мраморныхъ столповъ, со трономъ изумруднымъ.
Туда печальная Линдана путь нашла:
Одна съ нещастіемъ пришла.

Спустилась ночь, рукой на землю сыпля сны;
И свѣтъ катящейся по яхонтамъ луны
Проникъ сквозь мрачные, высокіе яворы;
На мрачное лице стоящей дѣвы палъ,
На поднятые вверхъ отчаянные взоры;
И въ каплѣ какъ росы, въ слезѣ ея игралъ;
Склоняясь на помостъ, потомъ скользнулъ вдоль брега
Чрезъ чистый ручеекъ, гдѣ ванны Нимфъ стоятъ,
Рубина алаго, подъ тѣнію гранадъ,
Чрезъ куполъ золотой и тамъ бѣлѣйши снѣга

Онъ мраморны столпы лучемъ своимъ бѣлилъ:
Въ себѣ самомъ и въ нихъ свѣтилъ.

Отъ храма въ двухъ шагахъ, туманами покрытый,
Какъ черной мантіей, мужъ лѣтами маститый,
Приставя перстъ къ устамъ, задумчиво сидѣлъ.
Нескромность, буйство, шумъ у ногъ его въ печали,
Цѣпями скованы, томились и молчали:
Отъ перста грознаго языкъ ихъ онѣмѣлъ.
Близъ свѣтлаго ручья у корней пальмъ вѣтьвистыхъ,
На грудѣ книгъ дремалъ голубоокій богъ;
И девять сестръ вія вѣнки изъ лавръ душистыхъ,
Хранили спящаго. Три Граціи у ногъ,
На лиру опершись, блюли ее въ молчаньи:
Надъ мѣстомъ тѣмъ носилися сіяньи.

Вдали мелькала тѣнь, какъ будто изъ паровъ,
Чуть легкою стопой касаяся луговъ;
Безъ шороху, тайкомъ весь островъ обтекала,
Прикрытая едва хламидою одной,
Съ мечемъ при поясѣ, съ мерцаньемъ надъ главой:
Въ одной рукѣ вѣсы, въ другой огонь держала.
По ту страну рѣки, на высотѣ холмовъ,
Фортуна облегшись челомъ на рогъ алмазный,
Страшася близкаго присутствія боговъ,
Какъ строгій судія, правдивый, безпристрастный,

Готовила дары по качествамъ людей:
Повязки не было на ней.

Безсмертными полны тѣ были всѣ предѣлы;
Вездѣ раскиданы колчаны, шлемы, стрѣлы.
На лиліяхъ, а гдѣ на розовыхъ кустахъ,
Съ улыбкой кроткою Амуры почивали.
Зефиры рѣзвые прохладу къ нимъ свѣвали,
Лѣтая утомясь, на алыхъ ихъ устахъ,
И въ свѣтлыхъ локонахъ безпечно отдыхали;
Спускалися на грудь, еще смѣлѣе ставъ,
Въ ихъ пламенныхъ сердцахъ біеніе считали.
Но сей, всеобщаго молчанія уставъ
Вдругъ стономъ прерванъ былъ молящейся у трона;
Всѣ боги отъ того вздрогнули стона.

„О ты, котораго едино мановенье,
Линдана начала, мірамъ даетъ движенье;
Который бросивъ взглядъ, имъ солнцы засвѣтилъ;
Драконамъ, кроликамъ, зміямъ и мнѣ влилъ душу;
Связалъ невидимымъ узломъ моря и сушу,
И въ мрачномъ хаосѣ стихіи раздѣлилъ;
Облекъ несчетныя планеты атмосферой,
Провелъ рукой черту, велѣлъ имъ течь по ней,
И держишь тяжесть ихъ тебѣ извѣстной мѣрой;
Желаньемъ лишь однимъ и волею своей
Творишь міры — потомъ въ ничто ихъ обращаешь:
Громами смертныхъ поражаешь.

,,Который грозенъ, благъ — и строгъ, и милосердъ;
Бросаешь молніи, и избавляешь бѣдъ!
Внемли! . . . . . "Тутъ грудь ея три раза сотряслася,
И, тяжкій вздохъ, какъ громъ, во сводахъ загремѣлъ.
фортуна сильная вдругъ съ мѣста поднялася;
Дохнулъ Борей — истокъ взмутился, закипѣлъ;
Плеснули изъ воды Наяды и Тритоны;
Поднялъ главу Дельфинъ, Сатиръ отъ сна встрянулъ;
Разнесся гулъ въ горахъ — молчанья богъ вздохнулъ;
А лира издала сама собою звоны.
Ѳемида на вѣсы взглянула съ быстротой:
Свѣточь ко храму устремила свой.

,,Внемли мольбѣ моей, Линдана продолжала,
Простерла къ небу взоръ, и на колѣна пала:
Не вѣчной юности, не долгихъ жизни лѣтъ
Просить я притекла у твоего здѣсь трона,
Молю. . . . пролей любовь ты въ душу Аріона;
Смягчи суроваго — и сердце дай. . . . . Ахъ! нѣтъ! . . . .
Пусть будетъ онъ, какъ былъ — ему ль перемѣняться?
Пускай и грубость чувствъ останется при немъ;
Ни съ гордостью его я не хочу разстаться;
Хочу его принять за образецъ во всемъ;
Хочу, чтобъ самые пороки Аріона
Служили вмѣсто мнѣ закона.

„Едва Пигмаліонъ умъ страстью омрачилъ,
Ты для безумнаго статую оживилъ;
Чрезъ Леду рекъ: *я жизнь даю не для мученья.*
За что же я, о Дій! не жизнь вкушаю, адъ?
Ахъ! сжалься, премѣни судебъ опредѣленья,
Иль смерть ко мнѣ пришла, возьми свой даръ назадъ.
Жизнь пагуба въ бѣдахъ. — Тронись моей тоскою,
И благости своей примѣръ на мнѣ яви; —
Скажи: *я внялъ тебѣ, для щастія живи*;
Не льзя того.... пусть гробъ насъ примиритъ съ судьбою.
Когда томится духъ, тогда постылъ весь свѣтъ:
Нещастному и рай жилище бѣдъ.

„Ты въ тайные сердецъ изгибы проникаешь,
И смертныхъ слабости въ душахъ у нихъ читаешь;
А кто ихъ чуждъ?... и тотъ, кѣмъ вяну и томлюсь,
Чей взоръ одинъ судьбу мою опредѣляетъ:
Природу для меня мертвитъ и оживляетъ,
Кому какъ мощному я божеству, молюсь,
И тотъ, какъ ни великъ.... а все имѣетъ страсти.
Прошу тебя, Перунъ! устрой меня по нимъ.
Тебѣ ль, который все въ своей имѣешь власти,
Тебѣ ли дивно то? — Коснись жезломъ своимъ —
И ядъ въ груди моей престанетъ разливаться:
Въ блаженство скорби превратятся.

„Когда химерами прельстяся Аріонъ,
Свѣтящей пыли блескъ, призракъ, металла звонъ

Въ припадкахъ разума всему предпочитаетъ;
Съ богатствомъ лишь однимъ находитъ щастье, миръ;
Когда душа его лишь злату цѣну знаетъ:
Сей призракъ и моей тогда души кумиръ.
Едема не хочу въ селеніяхъ небесныхъ;
Сто царствъ земныхъ хочу во власть я получить,
Чтобъ скипетры отъ нихъ рукѣ его вручить.
Прошу — дай силу мнѣ тогда волшебствъ чудесныхъ,
Презрѣнну грязь — прахъ ногъ преобращать въ металлъ;
Кремни въ жемчугъ, въ алмазъ, въ опалъ.

,,Коль любитъ Аріонъ лишь прелести наружны:
Прошу одной красы: — богатства мнѣ не нужны.
Зажги во взорахъ огнь, устамъ улыбку дай,
Въ лицѣ, по коему теперь ліются слезы,
Въ лицѣ лилеи брось, вмѣшай въ нихъ свѣжи розы,
И пепельны власы кудрями раскидай;
Станъ, ростъ, походку, гласъ: красы всѣ знамениты
Прелестныхъ трехъ богинь во мнѣ соедини;
Да яблоко Парисъ отнявъ у Афродиты,
Съ почтеньемъ мнѣ вручитъ. — Какъ Фобовъ лучь во дни
Мрачитъ блескъ звѣздъ, луны, такъ я красой своею
Затмила бъ смертныхъ и Психею.

,,Когда онъ холоденъ къ заразамъ красоты;
Когда за славою парятъ его мечты:

Хочу ума. . . хочу быть чудомъ совершенства,
Вселенну изумить, царямъ давать законъ,
Быть тѣмъ, что есть теперь — и взглядомъ рушить тронъ,
Быть тѣмъ, что есть теперь — и избѣжать равенства;
Хочу вдругъ все имѣть: Премудрость, слова даръ;
Хочу вдругъ всѣхъ привлечь къ себѣ на поклоненье,
Не таинствомъ волшебствъ — не средствомъ темныхъ чаръ,
Но силой разума. — Услышь мое моленье!
Клянусь, не обращу во зло щедротъ твоихъ;
Губить не стану даже злыхъ.

„Тогда, какъ дальнія страны, иноплеменны
Воздвигнутъ мнѣ въ похвалу пирамиды нетлѣнны;
Какъ Музы для меня вѣнки изъ лавръ сплетутъ;
Созиждутъ съ надписью : *Линданѣ мудрой*, храмы;
Какъ Граціи мой бюстъ цвѣтами обовьютъ;
Какъ гордый воскуритъ мнѣ должны ѳиміамы;
Сложа величіе съ себя, ему скажу:
Смотри гордецъ! . . . и я свою имѣю славу. . .
Трофеи, почести присвоила по праву;
Но знай! . . . не въ нихъ, въ тебѣ все щастье нахожу,
Чтобъ сдѣлать твой тріумфъ, ищу съ высотъ паденья;
Мѣняю славы дань на униженья.

„Но естьли Аріонъ познавъ химеръ тщету,
Не ловитъ, какъ дитя, съ игрушками мечту,
И радости свои беретъ не отъ искусства;
Когда любовь предъ нимъ не звукъ рѣчей пустой;

Когда душа его не умерла для чувства:
То сердце вѣрное ему мое открой. . "
Съ симъ словомъ страстная Линдана замолчала,
И руки на груди съ смиреніемъ сложа,
Какъ бы преступница — блѣднѣя и дрожа,
Рѣшенія небесъ безмолвно ожидала:
Но твердь небесная вдругъ тучей обложилась,
Ударилъ громъ, — и Цинтія сокрылась.

Бунина.

КЪ МОЕЙ ОТЧИЗНѢ

Рощи тихія, безмолвныя!
Пріимите утомленнаго
Жизни бременемъ мучительнымъ
Въ самомъ цвѣтѣ нѣжной юности;
Пріимите, — и въ тѣни своей
Защитите отъ гоненія
Рока гнѣвнаго, жестокаго!
Къ вамъ стремится, рощи мирныя,
Къ вамъ Пѣвецъ никѣмъ незнаемый;
Дайте, дайте мнѣ убѣжище,
Гдѣбъ спокойно кончилъ дни свои!
Ужь ничто не веселитъ меня;
Нѣтъ на свѣтѣ чистыхъ радостей,
Нѣтъ прямаго удовольствія,
Скорбь и горесть — ихъ сопутники.
Мигъ одинъ — и призракъ щастія
Изчезаетъ предъ страдальцами,
И ужасная существенность
Взорамъ нашимъ представляется:
Такъ! утѣхи, наслажденія,
Нѣжной плодъ Эдема горняго,
Не растутъ въ юдоли бѣдствія!

Здѣсь подъ кровомъ неизвѣстности,
Въ нѣдрахъ тихаго спокойствія, —
Здѣсь пускай увянутъ дни мои.
Никогда любимцы щастія,
Люди славные, великіе,
Не заглянутъ въ бѣдну хижину,
Гордый взоръ ихъ отвратится прочь
Отъ обители пустынника;
Но гонимый рокомъ, злобою,
Въ ней найдетъ себѣ убѣжище!

Грамматинъ.

ЖЕЛАНІЕ.

Озарися, долъ туманный!
Разступися, мракъ густой!
Гдѣ найду исходъ желанный?
Гдѣ воскресну я душой?
Испещренные цвѣтами
Красны холмы вижу тамъ;
Ахъ! за чѣмъ я не съ крилами!
Полетѣлъ бы я къ холмамъ!

Тамъ поютъ согласны лиры!
Сладкій голосъ тишины!
Мчатъ ко мнѣ оттоль зефиры
Благовонія весны!
Тамъ блестятъ плоды златые
На сѣнистыхъ деревахъ!
Тамъ не слышны вихри злые
Въ сладкодышущихъ цвѣтахъ!

О предѣлъ очарованья!
Какъ прелестна тамъ весна!

Какъ отъ юныхъ розъ дыханья
    Тамъ душа оживлена!
Полечу туда! . . . . напрасно!
    Нѣтъ путей къ симъ берегамъ.
Предо мной потокъ ужасный
    Грозно мчится по скаламъ!

Лодку вижу. . . . гдѣжъ вожатый?
    Ѣдемъ! будь что суждено!
Паруса ея крилаты
    И весло оживлено!
Вѣрь тому, что сердце скажетъ!
    Нѣтъ залоговъ отъ небесъ!
Намъ лишь чудо путь покажетъ
    Въ сей прелестный край чудесъ!

Жуковскій.

МИРЪ

Проснись Пиѳійскаго Поэта древня лира,
Вѣщательница дѣлъ геройскихъ, брани, мира!
Проснись — и новый звукъ отъ струнъ своихъ издай,
И сладкою своей игрою насъ плѣняй —
    Исполни духъ святымъ восторгомъ!

Какъ лира дивная небеснаго Орѳея,
Гремишь ли битвы ты — наперсники Арея
Берутся за мечи и взорами грозятъ,
Ихъ бурные кони ярятся и кипятъ,
    Крутя свои волнисты гривы.

Поешь ли тишину — громъ Зевса потухаетъ;
Орелъ, у ногъ его сидящій, засыпаетъ,

Вздымая медленно пернатый свой хребетъ;—
Ужасный Марсъ свой мечь убійственный кладетъ,
И кротость въ сердцѣ ощущаетъ.

Проснись! и Миръ воспой блаженный, благодатный;
Пусть онъ слетитъ съ небесъ, какъ нѣкій богъ крылатый.
Вѣчнозеленою оливою махнетъ,
И грозну брань съ лица вселенной изженетъ,
И примиритъ земные роды!

Гдѣ онъ — тамъ вѣчное веселье обитаетъ,
Тамъ человѣчество свободно процвѣтаетъ,
Питаясь щедростью природы и боговъ;
Тамъ звукъ не слышится невольничьихъ оковъ
И слезы горести не льются.

Тамъ нивы жатвою покрыты золотою;
Тамъ въ селахъ царствуютъ довольство съ тишиною;
Спокойно грады тамъ въ поля бросаютъ тѣнь;
Тамъ щастье навсегда свою воздвигло сѣнь:
Оно лишь съ Миромъ сопряженно.

Тамъ мирно старецъ дней закатомъ веселится,
Могилы на краю, — неволи не страшится;
Ступя ногою въ гробъ — онъ смотритъ со слезой
Унылой, горестной на путь скончанный свой,
И жить еще — еще желаетъ!

Тамъ воинъ, лишь въ поляхъ сражаться пріученный,
Смягчается — и мечь, къ убійству изощренный,

Въ отеческомъ дому подъ миртами кладетъ;
Блаженство тишины и дружбы познаетъ,
Союзъ съ природой обновляетъ.

Тамъ Музы чистыя, увѣнчанны оливой,
Веселымъ пѣніемъ возносятъ дни щасливы;
Ихъ лиры стройныя согласнѣе звучатъ;
Онѣ спокойствіе, не страшну брань гласятъ,
Святую добродѣтель славятъ!

Слѣти, блаженный Миръ! — вселенная взываетъ —
Туда, гдѣ бранныя знамена развѣваютъ;
Гдѣ мертвъ Природы гласъ, и гдѣ ея сыны
На персяхъ матери сражаются, какъ львы;
Гдѣ братья братьевъ поражаютъ.

О страхъ! . . . какъ яростно другъ на друга стремятся!
Кони въ пыли, въ поту свирѣпствуютъ, ярятся,
И топчутъ всадниковъ, поверженныхъ во прахъ;
Оружія гремятъ, кровь льется на мечахъ,
И стоны къ небесамъ восходятъ.

Тотъ сердца не имѣлъ, отъ камня тотъ родился,
Кто первый съ бѣшенствомъ на брата устремился. . . .
Скажите, кто перунъ безумцу въ руки далъ,
И жизни моея владыкою назвалъ,
Надъ коей я и самъ не властенъ?

А слава? — нѣтъ! — ея злодѣй лишь въ брани ищетъ;
Лишь онъ въ стенаніяхъ побѣдны гимны слышитъ;

Въ кровавыхъ грудахъ тѣлъ трофеи чести зритъ;
Потомство извергу проклятіе гласитъ;
И лавръ его, поблекши, тлѣетъ.

А твой всегда цвѣтетъ, о Россъ великосердый,
Въ примѣръ земнымъ родамъ Судьбой превознесенный!
Но время удержать орлиный твой полетъ;
Колоссъ незыблемъ твой, онъ вѣчно не падетъ:
Чего жь еще желать осталось?

Ты славы путь протекъ Алкидовой стопою;
Полсвѣта покорилъ могущею рукою,
Тебѣ возможно все, ни въ чемъ препоны нѣтъ:
Но стой, Россъ! опочій — *се новый вѣкъ* грядетъ (*)!
Онъ миртъ, не лавръ, тебѣ приноситъ.

Возьми сей миртъ; возьми; и снова будь Героемъ, —
Героемъ въ тишинѣ, не въ кроволитномъ боѣ:
Будь міра гражданинъ, вѣнецъ лавровый свой
Омой сердечною, чувствительной слезой,
Тобою падшимъ посвященной!

Брось палицу свою и щитъ необоримый;
Преобрази во плугъ свой мечь несокрушимый;
Пусть роетъ онъ поля отчизны твоея:
Прямая слава въ ней, лишь въ ней ищи ея;
Лишь въ ней ее обрѣсть ты можешь.

(*) Сочинено въ Декабрѣ 1800 года.

На персяхъ тишины, въ спокойствіи блаженномъ,
Цвѣти, съ народами земными примиренный!
Цвѣти, великій Россъ! — лишь злобу поражай,
Лишь страсти буйныя, строптивы побѣждай,
И будь во брани — только съ ними.

КЪ МОЕМУ СОЛОВЬЮ.

Не терзай ты сердца болѣ,
Томной пѣснью, соловей!
Грустно жить тебѣ въ неволѣ,
Грустно жить мнѣ безъ друзей!

Сердце ноетъ и вздыхаетъ,
Стонетъ, съ грусти замираетъ;
Естьли бъ крылья я имѣлъ,
То взвился бъ и полетѣлъ
Въ тѣ мѣста — мѣста любезны,
Гдѣ живетъ другъ милой мой;
Тамъ престалъ бы лить токъ слезный,
Тамъ бы — веселъ былъ душой.

Не терзай ты сердца болѣ
Томной пѣснью, соловей!
Въ горькой и злощастной долѣ
Ты не милъ душѣ моей!

Было время, какъ плѣнялся,
Какъ тобой я восхищался,
Какъ — въ весельѣ утопалъ,
Дни — минутами считалъ!
Но теперь все улетѣло,
Радость для меня ничто;

Сердце ужь осиротѣло,
Сердце бѣдное — одно.

Не терзай меня ты болѣ
Томной пѣснію своей!
Грустно жить тебѣ въ неволѣ,
Грустно жить мнѣ безъ друзей!!!

А. В...ъ

ГРОБНИЦА.

Идиллія.

Гробница грозная, къ которой приближенье
Смиряетъ пышну спѣсь, великихъ обольщенье; —
Къ которой каждый шагъ, лишая силы насъ,
Не можетъ уменьшить желаній!
Съ душой унылою, рожденной для страданій,
Въ печальный вечера задумчиваго часъ,
Иду бѣседовать съ тобою,
Подъ тѣнью древнихъ липъ густою!...
Но, ахъ! и самые древа подлѣ тебя,
Боятся, кажется, самихъ себя! —
Здѣсь изчезаетъ заблужденье;
Здѣсь гибнутъ радостей обманчивы мечты;
Здѣсь я передъ судомъ!... Ужасно пробужденье!...
Изчезла слава, міръ: здѣсь только я и ты! —
О смерть свирѣпая! — кто станетъ предъ тобою? —
Всѣ, всѣ тебѣ равны! — объемлешь вѣчной тмою,

И славныхъ Марсовыхъ дѣтей,
И Аполоновыхъ друзей,
И тѣхъ, которые предъ щастьемъ не склонялись, —
И тѣхъ, которые за нимъ одним гонялись. —
Давноль, тамъ, въ кедровой глуши,
Подъ хладнымъ мраморомъ, сокрыла ты отъ свѣта
Остатки милые для нѣжныя души,
Безцѣнный прахъ любимаго предмета! —
Ни молодость, ни красота,
Ни слезы, ни любовь не укращаютъ рока!
Отъ смерти нѣтъ щита:
Вездѣ, вездѣ найдетъ посланница жестока!
Герой, Властитель и мудрецъ,
И ты, любезной полъ, прекрасной!
Всѣмъ должно, должно стать на брегъ крутой, ужасной!
Для всѣхъ одинъ конецъ! —
Всѣпоглощающая бездна,
Мы видѣли печаль, терзались для того,
Чтобъ жертвой быть свирѣпства твоего! . . .
О жизнь, о мука безполезна!
О міръ, безумцовъ жалкихъ домъ!
Вѣкъ цѣлой мучиться, чтобъ титла лишь блистали
На камнѣ гробовомъ!
Вѣкъ мучиться, чтобъ насъ подобные намъ знали,
Для чести рабствовать, для выгодъ быть льстецомъ,
Хвалить пороки, страсти злыя,
И передъ Княжескимъ ломать себя шутомъ! . . .
Вы дороги для насъ, о почести земныя!

Минута щастія какъ яркій лучь небесъ,
Блеснетъ, — и нѣтъ! — она не стоитъ нашихъ слезъ,
Не стоитъ вѣковыхъ трудовъ и изысканій:
Мы платимъ за ничто безмѣрностью страданій! —
Воззрите съ жалостью на алчнаго скупца,
На томной, мертвой взоръ, на блѣдный видъ лица!
Безумство дивное! — страдалецъ произвольный;
Онъ терпитъ мразъ и гладъ, спокойствомъ недовольный;
Онъ муки сотворилъ такія для себя,
Въ какихъ и адъ ему откажетъ, —
Тиранъ, опомнися! — сокровище не ляжетъ
Въ могилѣ, близъ тебя, —
И тѣла твоего во гробѣ не согрѣетъ! —
Мирись съ самимъ съ собой, покуда жизнь свѣтлѣетъ! —
А вы, живущія для нѣжностей, отрадъ,
О юныя сердца! — страшитесь. . . это ядъ!
Любовь есть ядъ, хоть сладкой, но опасной. . .
. . . . . .
Ахъ, какъ покинуть то, что любимъ нѣжно, страстно!
Холодность лучшій даръ для насъ:
Она не знаетъ горькой муки; —
Для сердца нѣжнаго не страшенъ смертный часъ,
Но страшенъ часъ разлуки!

Мерзляковъ.

ЩАСТЛИВЕЦЪ.

Блаженъ стократно, кто умѣетъ
Цѣнить, умѣренность, тебя! —

Кто бѣдной хижиной владѣетъ,
И Крезомъ чтитъ вторымъ себя;
Кто хвалитъ пышныя палаты,
И въ нихъ не хочетъ обитать;
Кумиры гордости богаты
Всегда умѣетъ презирать.

Онъ знаетъ, что богатство, слава,
Есть тяжко бремя для людей; —
Утѣхи роскоши — отрава,
И пища суетныхъ страстей;
Онъ знаетъ, — и судьбой доволенъ;
Свободу выше чтитъ всего. —
Чего желать ему? — онъ воленъ; —
Свобода — Божество его.

Блаженъ, кто въ самыхъ наслажденьяхъ
Всегда умѣренность хранитъ,
Разборчивъ, скупъ въ увеселеньяхъ,
Здоровье дорого цѣнитъ! —
Здоровье, другъ людей безцѣнный,
Душа и жизнь всѣхъ благъ земныхъ!
Что значатъ всѣ дары Вселенны
Безъ сладостныхъ даровъ твоихъ? —

Блаженъ, кто призракомъ блестящимъ,
Что славою народъ зоветъ,
Не ослѣпленъ, — и сердцу льстящимъ
Желаньямъ воли не даетъ!
Онъ знаетъ: щастія прямаго
Подъ солнцемъ не было, и нѣтъ,
И жизни времени златаго
Не тратитъ для пустыхъ суетъ.

Блаженъ стократъ, блаженъ, кто знаетъ,
Сколь дорогъ для души покой!

Безъ зависти на все взираетъ,
Не хочетъ удивлять собой;
Благодаритъ Творца Вселенной,
Что, промышля обо всемъ,
По благости неизреченной
Печется также и объ немъ.

Блаженъ, кто друга здѣсь имѣетъ;
Кто въ мірѣ семъ не одинокъ.
Кто симъ сокровищемъ владѣетъ,
Тому не страшенъ злобный рокъ.
Напасть ли, горе ли случится:
Его другъ милый защититъ;
Не льзя отъ бѣдствій защититься:
Онъ состраданьемъ облегчитъ.

Блаженъ и тотъ, кто даръ чудесный
Владѣть сердцами получилъ;
Кого чистѣйшій лучь небесный
Стихотворенья озарилъ;
Въ кругу родныхъ, въ уединеньи,
Онъ славитъ радость мирныхъ дней,
И въ тихомъ сердца восхищеньи
Поетъ умѣренность, друзей!

Грамматинъ.

СТИХИ.

КЪ МОЕЙ ЛИРѢ И КЪ ДРУЗЬЯМЪ МОИМЪ.

О лира, другъ мой неизмѣнной,
Повѣренный души моей!
Въ часы тоски уединенной
Утѣшь меня игрой своей!

Съ тобой всегда я не разлученъ,
О лира милая моя!
Для одинокихъ міръ сей скученъ,
А въ немъ *одинъ* скитаюсь я!

Мое младенчество сокрылось;
Ужь вянетъ юности цвѣтокъ;
Безъ горя сердце истощилось,
Впередъ присудитъ что-то рокъ!
Но я предъ нимъ не поблѣднѣю:
Пусть будетъ то, что должно быть!
Судьба ужасна лишь злодѣю,
Судьба меня не устрашитъ.

Не нужны мнѣ вѣнцы вселенной;
Мнѣ дорогъ вашъ, друзья, вѣнокъ!
На что чертогъ мнѣ позлащенной?
Простый, укромный уголокъ,
Въ тѣни лѣсовъ уединенной,
Гдѣ бы свободно я дышалъ,
Всѣмъ милымъ сердцу окруженный,
И лирой духъ свой услаждалъ. —

Вотъ все — я больше не желаю,
Въ душѣ моей цвѣтетъ *мой* рай.
Я бурный міръ сей презираю. —
О лира, другъ мой! утѣшай
Меня въ моемъ уединеньи;
А вы, друзья мои, скорѣй,
Оставя свѣтъ сей треволненный,
Сберитесь къ хижинѣ моей. —

Тамъ, въ мирѣ сердца благодатномъ,
Нашъ вѣкъ, какъ ясный день, пройдетъ;
Съ друзьями и тоска пріятна,
Но и тоска насъ не найдетъ. —

Когдажь придетъ намъ разставаться,
Не будемъ слезъ мы проливать;
Не долго на землѣ скитаться:
Друзья! увидимся опять.

Жуковскій.

СЛАВА.

Душа дѣяній знаменитыхъ,
Вѣнецъ Героевъ, Мудрецовъ,
О слава, всюду обожена!
Надъ смертью торжествуешь ты.
Вотще она въ гробницы мрачны
Дѣла великія ввергаетъ; —
Ты ихъ исторгнувши оттоль,
Въ ихъ полномъ блескѣ, лучезарномъ,
Являешь всѣмъ вѣкамъ, народамъ —
Душамъ высокимъ въ образецъ.

Презрѣнна лесть, Сирены гласовъ,
Злодѣйству похвалы поетъ,
И гнусное чело порока
Вѣнчаетъ дерзостной рукой.
Одна лишь чернь непросвѣщенна,
Одни, одни сердца лишь низки
Боготворятъ сей истуканъ; —
Но передъ взоромъ мудрыхъ, добрыхъ
Завѣса лести раздираясь,
Являетъ мракъ, гдѣ свѣтъ сіялъ.

Ты, Слава! гласу правды внемлешь,
Гнушаешься коварствомъ злымъ;
Ты лишь едину добродѣтель
Во всѣ концы земли гласишь.

Пускай не мнятъ рабы пороковъ,
Злодѣйства громомъ міръ трясущи,
Достойны быть твоихъ похвалъ.
Хоть лесть имъ олтари возноситъ;
Проклятія въ потомствѣ грянутъ,
И прахъ ихъ въ гробѣ потрясутъ.

Царь мудрый, подданныхъ любящій,
Пекущійся о благѣ ихъ;
Чей тронъ, порфира, скиптръ, корона,
Лучами милости блестятъ;
Чья жизнь — есть цѣпь благихъ дѣяній,
Народа къ щастью устремленныхъ;
Кто правосуденъ такъ, какъ Богъ:
Сей Царь, о Слава! въ храмъ твой внидетъ,
И ты своей трубой гремящей
Его потомству возгласитъ.

Кто, слыша гласъ своей отчизны:
Спаси меня! летитъ на брань,
И всѣ опасности презрѣвши,
Въ ничто свою вмѣняя жизнь,
На огнь, на громъ, на смерть стремится;
Кто, низложивъ противны силы,
На грудахъ падшихъ слезы льетъ;
Кто не былъ людямъ бичь ужасный,
Но былъ ихъ твердый щитъ, надежный,
Кто былъ Герой — и человѣкъ:

Сей воинъ, духомъ возвышеный,
Въ груди носящій огнь добра,
Во храмѣ Славы лучезарномъ
Вѣнецъ безсмертія приметъ. —
Мудрецъ, что строгу добродѣтель
Во всѣхъ дѣяньяхъ сохраняетъ,

И братьями чтитъ всѣхъ людей; —
Ораторъ, что витійства громомъ
Блѣднѣть коварство заставляетъ,
Лишь славитъ красоту добротъ; —

Поэтъ, что лирою волшебной
Плѣняетъ не однихъ людей,
Но даже въ камни жизнь вливаетъ,
И тиграмъ чувствіе даетъ — —
Всѣ мужи таковы безсмертны. . . .
Гдѣ Титъ, Аврелій, Петръ Великій,
Гдѣ Кодръ, гдѣ Демосѳенъ, Гомеръ?
Ихъ нѣтъ! но Слава во вселенной
Гремитъ объ нихъ, и воскрешаетъ
Передъ потомствомъ ихъ дѣла! —

Друзья любезные! въ Россіи
Въ странѣ вы Славы рождены!
Кто, кто изъ васъ не поревнуетъ
Ея достойнымъ сыномъ быть? —
Ученья чистыми струями
Умъ юный, жаждущій питайте,
Добро питайте вы въ сердцахъ:
Вамъ Слава путь въ свой храмъ укажетъ.
Она сыновъ своихъ Россіянъ
Во всѣ любила времена!

С. Родзянка.

СВѢТЛАНА.

(Посвященіе — ой.)

Разъ въ Крещенской вечерокъ
Дѣвушки гадали;
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги бросали;

Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серги изумрудны;
Разстилали бѣлой платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана;
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
,,Что, подруженька, съ тобой?
,,Вымолви словечко!
,,Слушай пѣсни круговой,
,,Вынь себѣ колечко!
,,Пой, красавица: кузнецъ,
,,Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
,,Скуй кольцо златое!
,,Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ!
,,Обручаться тѣмъ кольцомъ
,,При святомъ налоѣ.,,

— Какъ могу, подружки, пѣть!
Милый другъ далёко!
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой!
Годъ промчался — вѣсти нѣтъ!
Онъ ко мнѣ не пишетъ!
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ!
Имъ лишь сердце дышетъ!
Иль не вспомнитъ обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?

Гдѣ твой обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангелъ утѣшитель. —

Вотъ въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою,
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою;
Два прибора на столѣ.
„Загадай, Свѣтлана!
„Въ чистомъ зеркала стеклѣ
„Въ полночь безъ обмана
„Ты узнаешь жребій свой!
„Стукнетъ въ двери милый твой
„Легкою рукою;
„Упадетъ съ дверей запоръ;
„Сядетъ онъ за свой приборъ
„Ужинать съ тобою.„

Вотъ красавица одна —
Къ зеркалу садится;
Съ тайнымъ трепетомъ она
Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ; кругомъ
Мертвое молчанье;
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть ліетъ сіянье;
Робость въ ней волнуетъ грудь;
Страшно ей назадъ взглянуть;
Страхъ туманитъ очи; — —
Съ трескомъ вспыхнулъ огонекъ;
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи!

Подпершися локоткомъ,
Чуть-Свѣтлана дышетъ —

Вотъ — легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами
Кто-то, чудилось, блеститъ
Яркими очами.
Занялся отъ страха духъ;
Вдругъ въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, робкій шопотъ:
„Я съ тобой, моя краса!
„Укротились небеса!
„Твой услышанъ ропотъ!„

Оглянулась — милый къ ней
Простираетъ руки.
„Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки!
„Ѣдемъ! попъ ужь въ церквѣ ждетъ
„Съ дьякономъ, дьячьками;
„Ликъ вѣнчальну пѣснь поетъ;
„Храмъ блеститъ свѣчами!„ —
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ,
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.

Сѣли — кони съ мѣста въ разъ!
Пышутъ дымъ ноздрями!
Отъ копытъ ихъ поднялась,
Вьюга надъ санями.
Скачутъ — пусто все вокругъ!
Степь въ очахъ Свѣтланы!
На лунѣ туманный кругъ;
Чуть блестятъ поляны.

Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
,,Что ты смолкнулъ, милый! — ,,
Ни полъ-слова ей въ отвѣтъ;
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ
Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ.
Топчутъ снѣгъ глубокой;
Вотъ въ сторонкѣ Божій храмъ
Видѣнъ одинокой;
Двери вихорь отворилъ:
Тьма людей во храмѣ;
Яркой свѣтъ паникадилъ
Тускнетъ въ ѳиміамѣ;
На рединѣ черный гробъ;
И гласитъ протяжно попъ:
,,Буди взятъ могилой!,,
Пуще дѣвица дрожитъ;
Кони мимо; другъ молчитъ
Блѣденъ и унылой.

Вдругъ мятелица кругомъ
Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями:
Вѣщій стонъ гласитъ печаль;
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
Воздымая гривы;
Брежжетъ въ полѣ огонёкъ;
Видѣнъ мирный уголокъ —
Хижинка подъ снѣгомъ;
Кони борзые быстрѣй,
Снѣгъ взрываютъ прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчалися — и въ мигъ
Изъ очей пропали;
Кони, сани и женихъ
Будто не бывали!
Одинокая въ потьмахъ,
Брошена отъ друга
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;
Вкругъ мятель и вьюга.
Возвратиться? — слѣду нѣтъ!
Видѣнъ ей въ избушкѣ свѣтъ!
Вотъ — перекрестилась,
Въ дверь съ молитвою стучитъ;
Дверь шатнулася, скрыпитъ,
Тихо растворилась.

Чтожъ? Въ избушкѣ гробъ, накрытъ
Бѣлою запоной;
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;
Свѣчка предъ иконой.
Ахъ, Свѣтлана! что съ тобой?
Въ чью пришла обитель?
Страшенъ хижины пустой
Безотвѣтный житель!
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась;
Со крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ святыми въ уголкѣ
Робко притаилась.

Все утихло! — вьюги нѣтъ!
Слабо свѣчка тлится;
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится;
Все въ глубокомъ, мертвомъ снѣ;
Страшное молчанье! . . . .

Чу! Свѣтлана! въ тишинѣ
Легкое журчанье!
Вотъ глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ,
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ;
Къ ней на перси тихо сѣлъ;
Обнялъ ихъ крилами.

Смолкло все опять кругомъ. —
Вотъ Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится;
Сорвался покровъ; мертвецъ —
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Видѣнъ весь; на лбу вѣнецъ,
Затворены очи.
Вдругъ въ устахъ сомкнутыхъ стонъ;
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы.
Что же дѣвица? дрожитъ,
Гибель близко. . . . но не спитъ
Голубочикъ бѣлый.

Встрепенулся — развѣрнулъ
Легкія онъ крилы;
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ. . . .
Всей лишенный силы,
Возстенавъ, заскрежеталъ
Страшно онъ зубами,
И на дѣву засвѣркалъ
Грозными очами . . . .
Снова блѣдность на устахъ,
Въ закатившихся глазахъ
Смерть изобразилась —
Глядь Свѣтлана — о Творецъ!

Милый другъ ея — мертвецъ!
Ахъ! — и пробудилась!

Гдѣжъ? У зеркала, одна
Посреди свѣтлицы;
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучь денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ. . . . Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣньемъ.
,,Ахъ! ужасный, грозный сонъ!
,,Не добро вѣщаетъ онъ —
,,Горькую судьбину!
,,Тайный мракъ грядущихъ дней!
,,Что сулишь душѣ моей,
,,Радость иль кручину?,,

Сѣла — тяжко ноетъ грудь —
Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
Видѣнъ сквозь тумана,
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкой. . . .
Чу! въ дали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкой;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ будто на крылахъ,
Санки кони рьяны;
Ближе, вотъ ужъ у воротъ;
Статный гость на дворъ идетъ;
Кто? Женихъ Свѣтланы!

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель муки?

Другъ съ тобой! не вреденъ онъ
Въ опытѣ разлуки;
Тажъ любовь въ его очахъ;
Тѣжъ пріятны взоры;
Тѣжъ на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.
Отворяйся жъ Божій храмъ!
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты!
Соберитесь старъ и младъ!
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
Пойте: многи лѣты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу!
Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу;
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы!
Слава — насъ учили — дымъ!
Свѣтъ — судья лукавый!
Вотъ баллады толкъ моей:
Лучшій другъ намъ въ жизни сей —
Вѣра въ Провидѣнье!
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье — лживый сонъ!
Счастье — пробужденье!

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана!....
Будь Создатель ей покровъ!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
Къ ней да не коснется!
Въ ней душа, какъ ясный день!
Ахъ! да пронесется

Мимо бѣдствія рука!
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла!
Будь веселость, какъ была,
Дней ея подруга!

Жуковскій.

ДЕРЕВНЯ.

Въ деревнѣ все прелестно,
Въ деревнѣ все цвѣтетъ;
Все просто и любезно:
Въ ней щастіе живетъ!

Тамъ ручейки сребристы
Среди цвѣтовъ журчатъ,
И рощицы тѣнисты
Подъ тѣнь свою манятъ.

Овечки тамъ пестрѣютъ
На бархатныхъ лугахъ,
И розы тамъ алѣютъ
На нѣжныхъ стебелькахъ.

Тамъ птички прославляютъ
Пріятность красныхъ дней;
Тамъ горести не знаютъ—
Не знаютъ злыхъ страстей.

Туда придти не смѣютъ
Градскія суеты;
Сердца безпечно зрѣютъ,
Какъ на полѣ цвѣты.

И слава и богатство
ТамЪ чужды пастухамЪ;
За то — бѣды, коварство
Безвѣстны ихЪ сердцамЪ.

Тщеславцы городскіе!
Хотите ли вы знать,
КакЪ радости земные
ВамЪ можно сохранять?

ВЪ деревню удалитесь
ОтЪ бурь и отЪ суетЪ,
И тамо научитесь,
КакЪ счастіемЪ владѣть.

А ты, страдалецЪ бѣдный,
Забытый отЪ людей!
Престань сердца ихЪ мѣдны
Смягчать слезой своей!

КЪ Природѣ обратися:
Она не измѣнитЪ;
КЪ ней вЪ лоно преклонися....
И слезы осушитЪ.

С. СоковнинЪ.

МЕЛИБЕЙ.

Эклога.

По случаю вЪ тѣни, подЪ говоромЪ листовЪ,
НашЪ ДафнисЪ взялЪ покой. — УзрѣвЪ его сЪ холмовЪ,
ТирсисЪ и КоридонЪ стада соединили;
(Сей козЪ, а тотЪ овецЪ сЪ ягнятами водили)

Аркадцы родиной, цвѣтущихъ оба лѣтъ,
Пѣвцы, соперники, которымъ равныхъ нѣтъ.
Въ то время, какъ въ саду, исполненный заботы,
Я строилъ для деревъ противъ зимы оплоты,
И мирты нѣжные пѣнькою обвивалъ, —
Самъ стада вождь козелъ нечаянно отсталъ,—
Что дѣлать! — бросилъ трудъ, — въ смущеньи поспѣшаю
Искать его — и вдругъ я Дафниса встрѣчаю;
Увидѣлись. . . . . . „скорѣй, скорѣй, кричитъ, сюда!
Спокойся, твой козелъ и живъ и безъ вреда;
Вотъ онъ! . . . . . коль время есть, склонись подъ тѣнью съ нами;
Тельцы твои придутъ къ струямъ прохладнымъ сами:
Здѣсь Минцій берега травою богатитъ,
И съ дуба древняго рой сладостно шумитъ!—"
Представьте, какъ на зло, со мной нѣтъ провожатыхъ;
Кому отдать ягнятъ, отъ матери отъятыхъ —
Но, Тирсисъ, Коридонъ! . . . . . но, слышать пѣснямъ судъ! . . . .
О чтобы ни было, а я останусь тутъ. —
Аркадцы начали, поютъ попеременно.
Такое правило отъ Музъ постановленно.
Сначала Коридонъ, Тирсисъ давалъ отвѣтъ.

Коридонъ.

О Нимфы, о любовь моихъ блаженныхъ лѣтъ!
Внушите пѣсни мнѣ, какими отличался

Мой КодрЪ; — (мой милой КодрЪ чуть сЪ Фебом
ЪнеравнялсЯ.)
Но ежели. . . . свирѣль, подруга тишины,
Покойся на вѣтвяхЪ священныя сосны! . . . .

Тирсисъ.

Вѣнчайте пастухи Поэта молодаго,
Вѣнчайте лаврами кЪ досадѣ Кодра злаго,
Да чувства зависти грудь гордую тѣснятЪ!
Но естьли онЪ польститЪ. . . . хвала завистныхЪ
ядЪ! . . .
Вѣнчайте пастуха волшебною гвоздикой. —

Коридонъ.

О Делія! МиконЪ, ловецЪ пустыни дикой,
Главу козла повергЪ брадату предЪ тобой,
И лани старой рогЪ, извившійся дугой! —
Сверши мою мольбу , и образЪ твой священный
Возблещетъ вЪ мраморѣ, вЪ котурны обувенный! —

Тирсисъ.

ПріапЪ! — досель тебѣ давалЪ я каждой годЪ
Лишь хлѣбЪ и молоко: — мой пустЪ былЪ огородЪ.
Теперь онЪ лучше сталЪ: ты вЪ мраморЪ облачился;
АхЪ! естьлибЪ я скотомЪ еще обогатился! . . .
Сверши мою мольбу: ты будешь золотой. —

Коридонъ.

Аминта! — долго ли мнѣ мучиться тоской? —
Ты слаще мнѣ сотовЪ; ты лебедей бѣлѣе;
Ты розы молодой румянѣе, нѣжнѣе;
Когда моихЪ быковЪ кЪ загону приведу;
Когда я милой милЪ: я тамЪ тебя найду! . . .

Тирсисъ.

А я тебѣ кажусь полыни горькой злѣе,
Страшнѣй терновника, и поростовъ бѣднѣе,
Которые волной выносятся изъ водъ! —
Для любящихъ и день, какъ будто цѣлой годъ! —
Ну, овцы ко двору! еще ли вы несыты! —

Коридонъ.

Ключи прозрачные, кустарникомъ прикрыты,
И мягка мурава, душисто ложе сновъ,
И лозы гибкія, тѣнистый птицъ покровъ,
Храните отдыхъ стадъ! разлился воздухъ знойной.
Уже наполнились побѣги пальмы стройной!

Тирсисъ.

Здѣсь есть очагъ, огонь и ноша пылкихъ дровъ;
Чернѣетъ хижина отъ дымныхъ облаковъ.
Не страшенъ намъ борей, сѣдой предвѣстникъ хлада,
Какъ волку жадному не страшны крики стада,
Какъ буйственной рѣкѣ не страшны берега!

Коридонъ.

Здѣсь скачутъ весело тельцы, поднявъ рога;
Древа кудрявыми главами помаваютъ;
Въ тѣни лежатъ плоды и взоры привлекаютъ;
Все въ радости, цвѣтетъ; — но естьли Нисы нѣтъ,
Все мертво: — самой ключь какъ будто не течетъ.

Тирсисъ.

Зной дышетъ на поляхъ, и травка поги-
баетъ,
Цвѣтокъ поблекъ, унылъ, головку преклоняетъ;
Семелинъ сынъ съ холмовъ похишилъ вино-
градъ:
Филлида возвратись, — и горы возблестятъ,—
И снидетъ Юпитеръ въ росѣ полямъ отрад-
ной! —

Коридонъ.

Тополъ Алкиду милъ, гроздъ Вакху вино-
градной,
Венерѣ нѣжный миртъ, а Фебу лавръ прямой;
Аминта любитъ тѣнь орѣшины густой;
Когда тѣнь зыбляся любезную покоитъ:
Ни миртъ, ни лавръ моей орѣшины нестоитъ!—

Тирсисъ.

Красива ель въ лѣсу, высокой дубъ въ са-
дахъ,
Тополи при рѣкѣ, а липы на горахъ;
О Лицидъ, естьли ты обѣта не забудешь,
О другъ мой, естьли ты всегда мнѣ вѣрнымъ
будешь:
Тебѣ уступитъ дубъ и ель среди лѣсовъ.

Мелибей.

Вотъ пѣсни спорныя двухъ юныхъ пасту-
ховъ.
Но Тирсисъ побѣжденъ питомцомъ Аполлона;
Съ тѣхъ поръ, съ тѣхъ поръ люблю младаго
Коридона.

Мерзляковъ.

ГИМНЪ ДРУЖБѢ.

Даръ небесный, благодѣтельный,
Дружба! — кто изчислитъ радости,
Кои льешь ты въ души нѣжныя?—
При твоей улыбкѣ Ангельской
При улыбкѣ сострадания
Изчезаютъ слезы горести.
Пусть *Ореста* гонитъ злобный рокъ,
Пусть по всей землѣ скитается
Сей преступникъ добродѣтельный:—
Съ нимъ *Пиладъ* — онъ можетъ чувствовать
Въ сердцѣ томномъ радость тихую.
Пусть забытый и оставленный
Цѣлымъ міромъ въ неизвѣстности;—
Осужденный дни цвѣтущіе
Проводить подъ небомъ пасмурнымъ,
Посреди снѣговъ *Гренландіи*,
Буду жить съ звѣрями дикими,
Буду слышать только вѣтровъ свистъ;
Но и тамъ, среди всѣхъ ужасовъ,
Естьли міракъ уединенія
Озарится кроткой Дружбою;—
Естьли вѣчное безмолвіе
Скромной, тихой неизвѣстности
Друга голосомъ пробудится:
Я и тамъ, — въ убогой хижинѣ,
Никому не позавидую,
И судьбу благословлю свою!

Но однѣ ли только горести,
Ангелъ мира, услаждаешь ты? —
Безъ тебя, что можетъ сердцу льстить?—
Ни побѣды *Александровы*,

Ни хвалы *Пѣвца Ѳивянскаго,*
Ни сокровища Царей земныхъ
Не утѣшатъ, не займутъ вовѣкъ
Сердца въ мірѣ одинокаго.
Ахъ! — безъ милаго товарища
Нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ радостей!
Онъ намъ кажется пустынею.
Все безъ друга съ нами сѣтуетъ,
Все пріемлетъ образъ горести!
Солнце льетъ лучи потусклые,
Рѣки тихо въ берегахъ текутъ,
Не шумятъ лѣса тѣнистые,
И не слышно птичекъ пѣнія;
Вся Природа мнѣ, какъ чуждая,
Будто я уже не сынъ ея! . . .
А съ товарищемъ совсѣмъ не то:
Все и весело и счастливо,
И прекрасно все твореніе,
И доволенъ я самимъ собой,
И возвышенъ предъ Творцемъ моимъ! . . .
Ахъ, сколь благо Провидѣніе
Для того, кому даетъ Оно
На стези скорбей, нещастія,
Путеводцемъ Дружбу нѣжную! —
Жизнь есть бремя, бремя тяжкое;
Мы не въ силахъ бы сносить его,
Естьлибъ, Дружество небесное,
Естьлибъ ты не помогало намъ! —
Но возможно ли всѣ радости,
Всѣ изчислить удовольствія,
Кои ты даешь намъ чувствовать!

Грамматикъ,

КРЕСТЬЯНИНЪ и СМЕРТЬ.

Басня.

Набравъ валежнику, порой холодной, зимной,
Старикъ, изсохшій весь отъ нужды и трудовъ,
Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
Кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.
Несъ — несъ онъ ихъ и утомился,
Остановился,
Спустилъ дрова съ себя долой,
Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ и думалъ самъ съ собой:
,,Куда я бѣденъ, Боже мой!
Во всемъ нуждаюся, къ томужъ жена и дѣти —
А тамъ подушное, боярщина, оброкъ —
И выдался ль когда на свѣтѣ
Хотя одинъ мнѣ радостный денёкъ?"
Въ такомъ уныніи на свой пеняя рокъ,
Зоветъ онъ смерть — она у насъ не за горами,
А за плечами,
Явилась въ мигъ
И говоритъ: за чѣмъ ты звалъ меня, старикъ? —
Увидѣвши ея свирѣпую осанку,
Едва промолвить могъ бѣднякъ оторопѣвъ:
,,Я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,
Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку."

Изъ басни сей
Намъ видѣть можно,
Что какъ бываетъ жить ни тошно,
А умирать еще тошнѣй.

Крыловъ.

РОМАНСЪ.

Дубрава шумитЪ,
Сбираются тучи
На берегЪ зыбучій
Склонившись, сидитЪ
ВЪ слезахЪ, пригорюнясь дѣвица-краса!
И полночь и буря мрачатЪ небеса,
И черныя волны вздымаясь бушуютЪ,
И тяжкіе вздохи грудь бѣлу волнуютЪ!
,,Душа отцвѣла,
Природа уныла!
Любовь измѣнила,
Любовь унесла
Надежду, надежду, мой сладкій удѣлЪ!
Куда ты, мой АнгелЪ, куда улетѣлЪ?
АхЪ, полно! я счастьемЪ мірскимЪ насладилась;
Жила и любила — и друга лишилась!
,,Теките струи̃
Вы, слезы горючи!
Дубравы дремучи
Тоскуйте со мной!
Уже не видать мнѣ веселія дней!
Простилась, простилась я сЪ жизнью моей!
Мой другЪ не воскреснетЪ! что было не будетЪ! . . . .
Чтожь сердце минувшихЪ утѣхЪ не забудетЪ?
АхЪ! скоро ль пройдутЪ
Унылые годы?
СЪ весною — Природы
Красы разцвѣтутЪ;
Но сладкое счастье не дважды цвѣтетЪ!
Пускай же драгое вЪ слезахЪ оживетЪ!
Любовь, ты погибла! ты, радость, умчалась!
Одна о минувшемЪ тоска мнѣ осталась!

Жуковскій.

КЪ АМУРУ,

который прицѣливается стрѣлою.

Стрѣляй, нашъ милый врагъ, въ два сердца не въ одно!
А иначе . . . . на вѣкъ несчастливо оно!

* * * ъ

КЪ НЕИЗВѢСТНОЙ ПѢВИЦѢ,

которой пріятный голосъ часто слышу, но которой никогда не видалъ въ лице.

О ты, которая скрываешься отъ взоровъ,
Любезно божество, иль милая мечта!
Единая изъ Фей, Царица горнихъ хоровъ!
Иль дѣва смертная, Славянокъ красота—

Непостижимая! . . . тебя я понимаю! . .
Нѣтъ болѣе препонъ, дѣлящихъ насъ съ тобой. . . .
Когда — восторженный — твой сладкій гласъ внимаю,
Я зрю тебя, не зрѣвъ! . . . такъ! —ты передо мной! . . .

Кто чувства выражать способенъ столь прелестно,
Тому ли въ сердцѣ чувствъ нѣжнѣйшихъ не питать?
Ахъ! пѣснь твоя — органъ души твоей небесной:
Однимъ чувствительнымъ гармоніей плѣнять! —

Природа, чудеса которой ты гласила,
Природа ли себѣ захочетъ измѣнить? —
Нѣтъ! мать гармоніи, — она опредѣлила,
Прекраснѣйшей душѣ въ прекрасномъ тѣлѣ жить! —

Склонясь надъ арфою, въ священномъ умиленьѣ,
И взоры устремя къ мерцающимъ звѣздамъ,
Зари вечернія ты славишь появленье,
И тихій сердца миръ безвѣстный злымъ сердцамъ!

И се, — думъ горнихъ полнъ, — за звукомъ струнъ гремящихъ
Твой умъ теряется Всевышняго въ дѣлахъ,
Я вижу новый свѣтъ и Ангеловъ парящихъ,
И Бога и . . . тебя въ блистающихъ лучахъ! —

Но вдругъ униженъ тонъ . . . въ душѣ моей унылость; —
Я чувствую, какъ малъ предъ Вышнимъ человѣкъ, —
Но гласомъ сладостнымъ Твоимъ вѣщаетъ Милость:
Сынъ праха, ободрись! печали кратокъ вѣкъ! —

Такъ! есть безсмертіе! . . . оттоль сей звукъ изходитъ! —
Онъ камнямъ жизнь даетъ, онъ движетъ древеса; —
Онъ злобнаго на гробъ неволею приводитъ, —
Онъ мирно праведныхъ зоветъ на небеса! . . .

Смятеніе вокругъ. . . . гулъ битвы пролетаетъ!
Стукъ копій, звонъ щитовъ, свирѣпыхъ клики, стонъ!

Гремитъ еще, еще.... вдругъ тише, — замираетъ —
И гласъ побѣды слитъ со гласомъ похоронъ! —

Кто шествуетъ во тмѣ на дикомъ полѣ боя ?
Власы взвѣваетъ вѣтръ , смерть блѣдная въ очахъ!
Невѣста юная!... ахъ! нѣтъ уже героя!...
Нѣтъ милаго.... онъ палъ.... и въ прахѣ смерти... страхъ!

Съ любовью рукъ своихъ къ тебѣ не простираетъ;
Уста закрытыя тебя не назовутъ! —
Не ждите мать , отецъ! — онъ *тамъ* васъ ожидаетъ,
Тамъ , тамъ , куда ни смерть, ни горесть не придутъ.

Но слезы осушимъ! другое пѣснопѣнье!
И радость и печаль, все слито подъ луной!
Разлука горестна, — но сладко съединенье!...
И щастье мило намъ лишь прошлою бѣдой.

Въ вечернемъ сумракѣ нѣжнѣйшей полны страсти,
Любовники одни.... нѣтъ словъ... рука съ рукой!
Не вѣрятъ щастію и новой ждутъ напасти —
Нѣтъ , насъ не разлучатъ! *моя! — ты вѣчно мой!*

Онъ арфу взялъ... свои печали воспѣваетъ,
Какъ онъ каралъ враговъ, какъ видѣлъ смерть въ поляхъ!

Красавица дрожитъ, блѣднѣетъ, оживаетъ,
И вся душа ея драгова на устахъ. —

Сколь силенъ твой языкъ, о смертныхъ утѣшенье —
Могущая Любовь! сомнѣніе съ тоской,
Надежды, жалобы, восторги, упоенье,
Блаженство двухъ сердецъ. . . . Волшебница! — постой!

Я въ страхѣ, трепещу! . . . кто пѣсни сей внимаетъ?
Кто, слишкомъ щастливый, у ногъ твоихъ лежитъ,
Томится, слезы льетъ, любовью нѣжной таетъ,
И на глазахъ твоихъ ея сіянье зритъ? —

Ты плачешь и сама. . . . звукъ молкнетъ. . . нѣтъ! мечтанье!
Нѣтъ, Ангелъ! ты одна съ вечернею зарёй!
И пѣснь твоя есть чувствъ безвѣстныхъ изліянье!
Твой геній въ тишинѣ бесѣдуетъ съ тобой!

Все мертво — все молчитъ, какъ ночь въ могилѣ хладной!
Гдѣ ты, Прекрасная? — что сдѣлалось со мной? . . .
Что, сердце, ты грустишь? . . . не вѣрь мечтѣ отрадной! —
Ахъ, поздно! . . . ахъ! прости свобода и покой!

Мерзляковъ.

Н

СТИХИ,

сочиненные для Альбома М. В. П.

Давно унизился Поезіи кредитъ!
И свѣтъ безсмысленный правдивыхъ Музъ ругатель,
Нескладной прозою давно намъ говоритъ:
Поетъ и хитрый лжецъ и ложный предсказатель!
Филлида, свѣтъ — Софистъ! слова его — обманъ!
Дерзаю оправдать Поета важный санъ!

Когда, нельстивыми, свободными стихами,
Скажу: что милой быть имѣешь рѣдкой даръ;
Что Грацій нѣжными украшена цвѣтами;
Что блескъ твоихъ очей есть чувства тайный жаръ;
Что взглядъ твой — милыя души изображенье;
Что ты не хитростью плѣняешь — простотой;
Что непритворное *немногихъ* удивленье
Пріятнѣй для тебя блистанья предъ *толпой*;
Что искренней любви ты знаешь постоянство;
Что прелести твои, опасныя сердцамъ,
Лишь непорочности наружное убранство;
Что хитрою рукой ты жизнь даешь струнамъ;
Что въ танцахъ ты — зефиръ весельемъ окропленный;
Что въ пѣньи побѣжденъ тобой весны пѣвецъ —

Тогда гармоніей стиховъ моихъ плѣненный,
Свѣтъ скажетъ: *онъ Поэтъ*! И такъ — Поэтъ не лжецъ!

Когда же, предузнавъ сокрытое судьбою,
И снявъ съ ея лица магическій покровъ,
Я прорицателемъ предстану предъ тобою,
И смѣло предскажу, по праву всѣхъ пѣвцовъ:
,,Достойной щастья быть — твое опредѣленье,
,,И розы для тебя безъ терна разцвѣтутъ!
,,Филлида, не страшись Сатурнова стремленья:
,,Пріятностей души лѣта не унесутъ!
,,Краса своей семьи, любимая друзьями,
,,Въ нихъ щастье ты найдешь, ихъ щастьемъ наградишь!
,,Ты сострацанія всесильными слезами
,,Съ противною судьбой страдальца примиришь!
,,Безкровный отъ тебя въ тоскѣ не удалится;
,,И тамъ, гдѣ нищета въ терзаньяхъ жизнь клянетъ,
,,Приходъ твой съ имянемъ Творца благословится!
,,Какъ сладкій, легкій сонъ, твой мирный вѣкъ пройдетъ!
,,И въ часъ послѣдняго съ друзьями разставанья,
,,Когда душа полна лишь скорбію одной,
,,Лишь упованіемъ на близкое свиданье,
,,Ты ясный кинешь взоръ на путь минувшій свой,

,,И жизнь благословишь какъ милость Провидѣнья,
,,Гдѣ все вело къ добру — и радость и тоска;
,,Гдѣ все Творцемъ любви дано для наслажденья . . .
,,И взоръ тебѣ смежитъ возлюбленныхъ рука,
,,И меланхоліей задумчивой хранимый,
,,(Какъ розы ароматъ, когда ужь розы нѣтъ,
,,Какъ нѣжный блескъ зари, на тихомъ небѣ зримый) —
,,Для нихъ не оцвѣтетъ твой милый, милый слѣдъ!" . . .
Тогда лишь истины пристрастный порицатель
Дерзнетъ сказать: *Поэтъ ты ложный предсказатель*!

Жуковскій.

ОЛИНТЪ и СОФРОНІЯ.

(Похищеніе иконы, отъ которой зависѣла безопасность града, приписано Христіянамъ. Разгнѣванный Султанъ повелѣваетъ казнить ихъ всѣхъ смертію)

Изрекъ — и страшный слухъ, какъ вихрь передъ грозою,
Священный градъ покрылъ отчаянія тьмою;
Унынье блѣдное въ селеньяхъ вѣрныхъ чадъ;
Несытый мщенья духъ, одѣянный въ булатъ,
Изъ ада излетѣвъ, считалъ въ восторгѣ жертвы
Нещастные, безъ силъ, уже до смерти мертвы.

Не смѣли правый гласъ съ мольбою вознести. . .
Но Богъ подвигнулся, людей своихъ спасти!

Въ семъ племени цвѣла красавица младая.
Величество души, невинность, чадо рая,
Казалось, въ прелести облекшися, пришли
Подъ именемъ ея явиться на земли.
Въ блаженной тишинѣ отеческаго крова,
Гдѣ чтилась простота прапрадѣдовъ сурова,
Таился нѣжный цвѣтъ, въ веснѣ прекрасныхъ дней,
Отъ свѣта, отъ любви, отъ суетныхъ честей.

Но гдѣ, въ какихъ лѣсахъ, въ какомъ уединеньѣ
Красы не обрѣтутъ хвала и удивленье?
Всесильный духъ любви свой пламенникъ подъялъ,
И юноша узрѣлъ, и страстію пылалъ.
Любовь, слѣпа! . . . ахъ, нѣтъ, ты Аргусъ многокій!
Съ покровомъ на очахъ, сквозь стѣны, рвы глубоки,
Сквозь тысяча препонъ, ты видишь, и тобой
Олинтъ сталъ плѣнникомъ Софроніи младой.

Любезную чету единый градъ вмѣщаетъ;
И вѣра и законъ, все ихъ соединяетъ.
Какъ дѣва красотой, онъ скромностью плѣнялъ;
Онъ пламенно любилъ, не смѣлъ мечтать — молчалъ.
И какъ открыться ей? — Она его не знала,
Или не видѣла, или не отличала;

Въ семъ мірѣ и любовь — превратностей раба:
Ахъ! съ нею брань ведутъ, адъ, смертные,
судьба!

Насталъ ужасный день, гремитъ Царя ве-
лѣнье:
Единоплеменныхъ и братій убіенье.
Великодушная, какъ горній смертныхъ другъ,
Она задумалась. . . „не можно ли?“ . . . И вдругъ
Блеснула дерзка мысль. . . . и вдругъ въ сом-
нѣнье впала:
„Я дѣва! Какъ могу?“ — въ ней скромность
отвѣчала. . . .
„Но доблести вѣнецъ!“. . . . Слились въ душѣ
одной
Стыдливость дѣвственна съ геройской бы-
стротой!

Идетъ красавица, предметъ всѣхъ разгово-
ровъ,
Не кроется она, не ловитъ льстивыхъ взоровъ,
Съ смиренной поступью, себѣ одной вѣрна;
Не видитъ никого, всего отчуждена!
Никто не могъ рѣшить: искуство иль не-
брежность
Составили ея пріятностей любезность;
Невинность, доброта, благія небеса
Въ небрежности ея суть хитрость и краса!

Чему дивятся въ ней, одна того не знаетъ;
Дѣвица гордая къ престолу приступаетъ;
Свирѣпой взоръ царя въ ней сердца не стра-
шитъ,
Предъ трономъ трепета безтрепетна стоитъ.
„О Царь! рекла, вели, да мечь убійства ярый
„Престанетъ устремлять губительны удары.

„Спѣшу открыть тебѣ, спѣшу отдать въ
твой плѣнъ
„Злодѣя, коимъ ты столь много оскорбленъ.“

Блистанье красоты, святой и возвышенной,
Нечаянность, и гласъ отъ Бога вдохновенной,
Сразили варвара. — Онъ гнѣвъ свой укротилъ,
Взиралъ, безмолвствовалъ, и самъ себя за-
былъ....
Кинь милой взглядъ она, будь сердцемъ онъ
не камень,
Сей часъ бы возродилъ въ немъ вѣчной стра-
сти пламень;
Но гордость не возжетъ свирѣпый хладъ
крови;
Лишь нѣжны хитрости приманка для любви.

Чтожъ чувствовалъ тиранъ? — Глубоко
изумленье,
И любопытства страсть, и нѣкое почтенье.
Вѣщай мнѣ все! онъ рекъ; мой вѣстникъ воз-
гласитъ,
Да мечь убійственный жестокость прекра-
титъ!
Она отвѣтствуетъ: „Виновный предъ тобою!
„Царь! я похитила сей дѣвственной рукою
„Таинственный залогъ. Меня твой ищетъ
судъ.
„Пусть казни на меня единую падутъ!“

Такъ горесть общихъ золъ въ груди скры-
вая нѣжной,
Одна за всѣхъ грядетъ ко смерти неизбѣж-
ной!
Великодушна ложь! какая правда есть,
Которую тебѣ возможно предпочесть?

Но злобная душа тирана не смягчилась;
Гнѣвъ лютый ожилъ вновь, и ярость возвратилась:
Скажи, вѣщаетъ онъ, кто былъ еще съ тобой?
Кто научилъ тебя нарушить нашъ покой?

„Никто! отвѣтствуетъ; мнѣ слава драгоцѣнна;
Но славѣ нѣтъ цѣны, коль будетъ раздѣленна.
Одна виновница, одна сама съ собой,
Рѣшилась, кончила великій подвигъ свой.“—
И на тебя одну, рекъ извергъ торопливо,
Падетъ мой гнѣвъ! — „Такъ, Царь! ты судишь справедливо!
„Единой только мнѣ достойно умереть;
„Одна пріяла честь, одна хочу терпѣть!“

Свирѣпый Аладинъ трясется въ изступленьѣ,
Потомъ гласитъ: скажи, гдѣ скрыла похищенье? —
„Я скрыла? . . . Нѣтъ! огню на жертву предала!
увы! почто свертить я болѣ не могла! . . .
Теперь уже рука злодѣевъ нечестивыхъ
Не оскверпитъ тебя, о честь Христолюбивыхъ (*)! . . .
Царь! нужны для тебя, хищенье, или тать?
Одинъ передъ тобой, другаго не видать.“

„Но я не хищница! что ставятъ мнѣ виною?
Я возвратила то, что отнято тобою.“ —

(*) То есть, икона Богородицы.

Неистовый тиранъ зубами скрежеталъ;
Весь адъ въ груди его, казалось, бунтовалъ!
Изчезла для тебя пощада и прощенье,
Великая душа, душъ нѣжныхъ украшенье!
И самая любовь, сей щитъ твоихъ красотъ,
Отъ мстительной руки тебѣ ужь не оплотъ!

Уже влекутъ ее — неправедное мщенье
Нещастну предаетъ на лютое сожженье!
Лишенная одеждъ, стоитъ на мѣстѣ мукъ;
Свирѣпо вервіе связуетъ нѣжность рукъ.
Безмолвствуетъ, но духъ геройства неизвѣстенъ;
На дѣвственной груди чуть легкой вздохъ примѣтенъ;
Угасли прелести, глаза помрачены;
Не блѣдность на лицѣ, но томность бѣлизны.

Уже печальна вѣсть о казни пролетаетъ!
Стекаются.... Олинтъ съ толпами поспѣшаетъ;
Онъ зналъ вину! Но кто на грозну смерть идетъ?
Любовь предчувствуетъ, любовь его влечетъ!
Притекъ и чтожь узрѣлъ? На мѣстѣ лютой казни
Прекрасна узница готова безъ боязни
Божественной любви вкусить ужасный плодъ!
Узрѣлъ — и ринулся стремительно въ народъ.

Уже передъ Царемъ — „Неправда, невозможно!
„Ей хищницею? Нѣтъ! безуміе ничтожно!...
„Какъ! дѣвѣ? и одной, съ неопытнымъ умомъ?
„И мыслить страшно ей о подвигѣ такомъ!

„Пусть скажетъ, какъ прошла стражей ряды свирѣпы,
„Отверзла храма дверь, разрушила заклепы?
„Пускай похвалится. . . . Царь! я тотъ хищникъ! я!
„Что сильныхъ сонмъ не могъ, взяла рука моя!

„Такъ! мнѣ единому былъ путь извѣстенъ скрытной;
„Въ ночную темноту, стезею неиспытной,
„Въ подзоръ, отколѣ храмъ пріемлетъ солнца свѣтъ,
„Вошелъ, и совершилъ великій свой обѣтъ.
„Мнѣ честь, мнѣ смерть сія прилично воздаянье;
„Кто смѣетъ похищать такое достоянье?
„Отдайте цѣпи мнѣ, меня сей пламень ждетъ,
„Пылаетъ для меня со мной однимъ умретъ!“

И се Софронія, склоняя взоръ смиренной,
Вѣщаетъ юношѣ, какъ духъ небесъ блаженной:
„Нещастный! что творишь? куда влечетъ тебя
„Неистовая страсть? Бѣги, спасай себя!
„Или ты думаешь, что дѣвѣ невозможно
„Одной пренебрегать тирана гнѣвъ ничтожной?
„И я имѣю духъ! и мнѣ не страшна смерть!
„Я также не хочу участника терпѣть!“

Рекла — но тщетно все — не видитъ и не слышитъ —
Рѣшительный герой единой смертью дышитъ!
Прелестно зрѣлище, гдѣ держутъ споръ святой
Нѣжнѣйшая любовь и доблесть межъ собой!

Побѣды торжество — позорное мученье!
Утрата торжества — есть жизни наслажде-
нье! . . . .
Увы! — тиранъ ни чувствъ, ни Бога не имѣлъ!
Свирѣпый гнѣвъ его сильнѣе воскипѣлъ!
Взоръ свѣтлый праваго — неправыхъ обличе-
нье!
Безтрепетна душа — тирановъ оскорбленье!
,,Пусть такъ! мы вѣримъ имъ! пусть оба по-
бѣдятъ!
,,И столь завидный лавръ другъ съ другомъ
раздѣлятъ!"
Изрекъ — и въ тотъ же мигъ желѣза зазву-
чали,
Къ единому столпу нещастныхъ приковали.
Стоятъ, обнажены, недвижимы, въ цѣпяхъ!
Другъ друга не видать! едина смерть въ очахъ!

Уже предвѣстникъ злой, вкругъ жертвы
дымъ клубится,
Уже свирѣпый огнь подъ вѣтьвями таится;
Олинтъ не въ силахъ былъ рыданій удержать,
Вѣщаетъ узницѣ, готовой съ нимъ страдать:
Такими ль узами, плѣнившійся тобою,
Мечталъ мою судьбу связать съ твоей судь-
бою?
И сей ли огнь — удѣлъ нещастливыхъ сердецъ,
Въ которыя влiялъ даръ чувствiя Творецъ?

,,Другимъ огнемъ, другимъ союзомъ мнѣ по-
льстила
Нѣжнѣйшая любовь. Судьба не такъ судила!
Я долго, долго былъ съ тобою разлученъ;
Но смерть сильнѣй любви! союзъ нашъ заклю-
ченъ!

Отрада сладкая — дѣлится мукой злою,
Съ кѣмъ радостью не могъ! Погибнуть вмѣ-
стѣ съ тою,
Съ которой жить не могъ! Я славлю жребій
свой;
Теперь стократъ блаженъ! теперь умру съ
тобой!

„Такъ! призываю васъ, пріятныя мученья,
Мои послѣднія и первы наслажденья!
Ко сердцу милой здѣсь я сердце преклоню,
Я душу всю свою въ уста ея вдохну!
И въ тотъ же самый мигъ, въ безсмертно
сочетанье,
Ея послѣднее изчерпаю дыханье!“
Въ рыданьяхъ замеръ гласъ, не могъ онъ про-
должать;
Софронія спѣшитъ страдальца утѣшать:

„Мой другъ! въ сей важный часъ забудемъ
міръ недужный:
Другой потребенъ плачь, другія слезы нужны!
Пекися о себѣ! Представь, какая тамъ
Награда праведнымъ обѣщана душамъ!
Во имя Божества всѣ муки — наслажденье!
Не бойся! мы найдемъ отрадное селенье!
Воззри на небеса, на свѣтлый солнца видъ: . . .
При нихъ нѣмѣетъ смерть и ужасъ не разитъ!“

Плачевно зрѣлище! невѣрные стенаютъ!
Льютъ слезы вѣрные — но въ страхѣ ихъ
скрываютъ!
Самъ Царь узналъ въ себѣ, чего досель не
зналъ;
Въ жестокой сей груди огнь чувства ожи-
валъ.

Ахъ, нѣтъ! онъ борется съ природой, съ небесами!
Воззрѣлъ въ послѣдній разъ, закрылъ лице руками;
Бѣжитъ! все сѣтуетъ! — Всѣхъ горестей вина
Не плачетъ, не вздохнетъ Софронія одна.

Уже данъ знакъ. . . . но вдругъ вся стража всколебалась;
Возстала черна мгла, и клубомъ приближалась;
Разторглась: всадникъ зримъ! Доспѣхи, щитъ, колчанъ
Являютъ ратника далекихъ, чуждыхъ странъ.
На шлемѣ Рыцаря блистаетъ тигръ чудесный;
Несется топотъ вкругъ. . . . Сей признакъ, всѣмъ извѣстный,
Клоринду въ бурѣ битвъ доселѣ отличалъ!
Народъ подвигнулся, какъ въ морѣ грозный валъ.

Се дѣва Марсова — ея геройски длани
Издѣльямъ нѣжныхъ женъ не приносили дани;
Забавы юныхъ дѣвъ, ихъ милы суеты
Казались низкими для гордой красоты!
Врагъ роскоши, забавъ приманчивой отравы,
Невинность избрала обителью дубравы!
Рожденная плѣнять, всѣмъ кажется грозой;
Но силой грозная, опасна красотой.

Она съ младенчества неробкими руками
Смиряла злость коней блестящими браздами;
Ломала копій лѣсъ, любила звукъ мечей,
И въ бѣгѣ и борьбѣ являла духъ мужей.
Но скоро раздались доспѣхи героини
Въ жилищѣ тигровъ, львовъ, средь дикія пустыни;

Оттолѣ потекла на кроволитной бой,
И честь побѣдъ вездѣ водила за собой!

Оставя злачныя Персидскія равнины,
Здѣсь ищетъ рыцарей Танкредовой дружины,
Да имъ покажетъ вновь, что грозная рука,
Погибель Христіанъ, теперь еще крѣпка!
Приближилась, и зритъ народное стеченье:
Вдали готову казнь и зрителей смущенье,
Повсюду страхъ нѣмой, отчаянье въ очахъ;
И богатырскій конь помчался на крылахъ.

Раздвиглися толпы почтеньемъ уклоненныхъ;
Клоринда видитъ двухъ ко смерти осужденныхъ:
Одна спокойная, другаго скорбь томитъ;
Духъ мужества въ очахъ дѣвическихъ блеститъ;
Но юноша сраженъ не собственной судьбою,
Не казнь ему страшна, но жизнь тоски виною!
Другая, въ небеса простерши взоръ святой,
До смерти, кажется, разсталася съ землёй!

Клоринда быстрое вниманье устремляетъ,
И жребій юныхъ жертвъ въ ней душу потрясаетъ;
Но дѣва, сильная отвергнуть смерти страхъ,
Милѣе для нее, чѣмъ юноша въ слезахъ!
„Спасемъ нещастную! погасимъ смерть грозящу!“
Рекла, и преклонясь ко старцу предстоящу,
„Вѣщай мнѣ, кто вашъ Царь? и чей надъ ними судъ?
Какая ихъ вина? какія казни ждутъ?...“

Открыто таинство. Отвѣтъ простой и ясный
Царевнѣ показалъ, что узники нещастны
Суть жертвы доблести и нѣжныя любви.
„Нѣтъ! не умрете вы. . . . . Нѣтъ, дѣва! ты живи!
Ты, юноша, прими въ ней вѣрности награду:
Вамъ Небо шлетъ во мнѣ спасенье и ограду!“—
Остановляетъ казнь и быстрою стопой
Спѣшитъ передъ Царя съ угрозой и мольбой.

Кто смѣетъ не почтить Востока Героиню?
Царь зрѣлъ въ рукѣ ея грядущихъ битвъ судьбину,
И царства своего подпору въ ней любилъ;
Преодолѣлъ себя, и гнѣвъ свой погасилъ.
„Я много жертвую, но жертва изчезаетъ,
„Онъ рекъ, когда ее Клоринда принимаетъ!
„Честь рыцарей! вели, я долженъ исполнять!
„Послушный другъ тебѣ не стану разбирать,
Свершаю ль правоту, творю ли снисхожденье!
„Пусть грозный нашъ Пророкъ разсудитъ преступленье;
„Ты хощешь — рѣшено! виновны прощены!“
Вѣщалъ — и узники уже свобождены!

Какъ щастливъ ты, Олинтъ! И смерть неумолима,
И доблесть дивная, средь мукъ неустрашима,
Передъ Софроніей возстали за тебя!
Любовь въ твоей любви прославила себя!
И се позорный срубъ въ олтарь преобразился:
Преступникъ сталъ супругъ, любовникъ наградился;

Народъ отчаянный склонился въ сѣнь отрадъ;
И снова тишина вступила въ смутный градъ. . .
Мерзляковъ.

ЛЮБОВЬ КЪ РОДИНѢ.

И птица по гнѣздѣ родимомъ воздыхаетъ!
Съ тоскою отъ него невольно отлетаетъ,
Когда охотника жестокая рука
Тревожитъ мирное лѣсовъ уединенье.
По сторонѣ родной *сердечная тоска,*
Есть благодѣтельной Природы вдохновенье.

Вотъ дикія мѣста, жилище тутъ снѣговъ;
Тутъ вѣтровъ грозныхъ шумъ; тутъ съ ледяныхъ верховъ
Туманная зима, хладъ, бури посылаетъ,
И лютостію вьюгъ кровь въ жилахъ застужаетъ!
Бѣгутъ ли жители изъ дикой сей страны?
Желаютъ ли тамъ жить, гдѣ лучше бы имъ было?
Гдѣ солнце бы въ лугахъ пестрѣющихъ свѣтило?
Гдѣ наслажденья всѣ искуственны даны? . .
Желанье перемѣнъ, плодъ любопытства, скуки:
Не хочетъ сердце знать съ родной страной разлуки.

За *Юрты* дымныя ни *Чукча* ни *Корякъ*,
Великолѣпнѣйшихъ палатъ не пожелаютъ;
А насъ о ихъ землѣ и вѣсти ужасаютъ!
Какъ можно полюбить снѣга, мятели, мракъ?

Какъ можно тамъ дышать, гдѣ въ *непогоду снѣжну*,
Въ опасномъ странствіи смерть видятъ неизбѣжну?
Взгляни! здѣсь *Камчадалъ*, глубокой снѣгъ изрывъ,
И яму вѣтвями древесными укрывъ,
Лежитъ, и слышитъ шумъ бунтующей мятели!
Ужь члены всѣ его почти оледенѣли,
Ужь жизни гаснущей со смертью въ немъ борьба...
Скажи, завидна ли столь жалостна судьба?
И тамъ, гдѣ жизнь людей такимъ бѣдамъ причастна,
Природа тамъ была ль съ любовію согласна?
Не мачихою ль тамъ для нихъ была она?...
Во всемъ, во всѣхъ странахъ, отрада намъ дана.
Лежащій *Камчадалъ* подъ снѣжными буграми
Надѣется еще опасный кончить путь,
Надѣется еще утѣшиться съ друзьями,
На чадъ и на жену надѣется взглянуть!
Умолкъ шумъ бурныхъ вьюгъ: онъ сани оправляетъ,
Отрясъ съ одежды снѣгъ и къ дому поспѣшаетъ.

Желая все судить по прихотямъ своимъ,
О дикости земель напрасно говоримъ;
Ихъ обитатели по сердцу увѣряютъ,
Внимая грозный шумъ ревущихъ непогодъ,
Что лучше странъ своихъ ни гдѣ они не знаютъ.
Незнаніе сіе невѣжества ли плодъ?
Природа хочетъ ли, чтобъ сердцемъ тамъ томились,

О

Гдѣ жизнь свою вести, гдѣ умереть родились?
Нѣтъ! милосердія и благости Творецъ
Не можетъ сотворять страданія сердецъ:
Онъ самъ намъ повелѣлъ любить страну родную.

Отвѣдайте въ страну переселить иную
Щастливыхъ жителей земель туманныхъ тѣхъ,
Гдѣ пища скудная; питье гдѣ талой снѣгъ:
Все предложите имъ, чѣмъ роскошь, чѣмъ искусство
Умѣютъ услаждать изнѣженное чувство;
Различны знанія вперите въ разумъ ихъ;
Старайтесь отыскать все въ мысляхъ то своихъ,
Что можетъ каждый мигъ питать воображенье,
Что можетъ возраждать утѣхъ, забавъ соборъ:
Куда же жителей тѣхъ обратится взоръ?
Туда, гдѣ милое, родимое селенье,
Гдѣ первый видѣли отечественный дымъ;
Гдѣ слышали шумъ бурь, гдѣ вьюги, гдѣ ненастье!
Чѣмъ веселимся мы, въ томъ будетъ ихъ нещастье.
Невольно разлучась съ отеческой страной,
Быть можетъ отъ того и въ гробъ сойдутъ съ тоской.

Въ тотъ вѣкъ, въ которой все перемудрить старались,
Когда, забывъ *своихъ*, стремилися къ *чужимъ*;
И мыслей праздною по всѣмъ странамъ скитались —
Природа и тогда все шла путемъ своимъ.

Напрасно мудрецовъ гордыня вопіяла:
„Друзья! вселенная жилищемъ вашимъ стала!“
Вѣщало чувствіе: жилище наше тамъ,
Гдѣ мать объятія простерла нѣжны къ намъ,
Гдѣ къ сладостямъ любви любовью пріучала,
Гдѣ голосъ нѣжнаго услышали отца,
Гдѣ насъ онъ наставлялъ любить того Творца,
Которой каждый день то солнце возжигаетъ,
Которо, кажется, для насъ однихъ сіяетъ!
На нашей родинѣ мы зримъ его восходъ;
Нашъ лѣсъ родной его считаемъ мы предѣломъ,
Пока невинности младенческой удѣломъ
Забавы служатъ тѣ, о коихъ дней въ исходъ
Еще съ веселіемъ сердечнымъ вспоминаемъ!
Блестящей роскоши утѣхи забываемъ;
Но не забудемъ дней младенческихъ своихъ:
Сердечны чувствія заключены всѣ въ нихъ.

Увы отъ мѣстъ родныхъ страдальца здѣсь изгнали;
Супруга, дѣти съ нимъ всю лютость бѣдъ узнали.
Неистовыхъ людей здѣсь злоба имъ грозитъ,
А здѣсь безжалостно ихъ муки каждый зритъ!
Все кажется для нихъ въ Природѣ омертвѣло;
Но сердце къ радостямъ еще не онемѣло.
Изгнанники сіи и то отрадой чтутъ,
Что темнотой ночной отъ злобы укрываясь
И къ родинѣ своей любезной приближаясь,
Хоть могутъ воздухомъ еще роднымъ дохнуть!

Все прелесть для души на родинѣ имѣетъ!
И вѣтерокъ для насъ тамъ сладостнѣе вѣетъ,
И чистой ручеекъ пріятнѣе журчитъ,
И солнышко для глазъ яснѣе тамъ блеститъ.

Любя отечески лѣса, долины, нивы,
Забудемъ ли родныхъ, забудемъ ли друзей,
И бытіе души забудемъ ли своей? . . .
Забудемъ ли часы столь радостны, щастливы,
Когда тамъ принесли отраду сиротѣ,
Когда на помощь шли страданью, нищетѣ?
Забудемъ ли мѣста, гдѣ чувствіе душевно
Благотвореніемъ питалось повседневно;
Гдѣ крикомъ радостнымъ встрѣчалъ насъ сонмъ дѣтей,
За то, что мы хранимъ отцовъ ихъ, матерей?
Гдѣ дряхлой старости мы руку подавали,
И къ мирной хижинѣ ее препровождали!

Все развлекаетъ умъ средь шумныхъ городовъ;
Въ нихъ внѣ себя живемъ, себя позабываемъ;
Во всемъ на родинѣ себя воспоминаемъ.
Вѣщаетъ сердцу тамъ и мирный прахъ отцовъ!
Онъ намъ безмолвіемъ своимъ напоминаетъ,
Что участь равная насъ также ожидаетъ;
Что насъ тщеславный свѣтъ ласкаетъ смутнымъ сномъ:
Что лишь творя добро, мы истинно живемъ.

Блаженъ, кто пробудясь отъ суетныхъ мечтаній,
Отъ всѣхъ обманчивыхъ, превратныхъ ожиданій,
Къ безбурной пристани, присталъ къ роднымъ мѣстамъ,
И чувствіемъ добра животворится тамъ!

Н. Н.

ИЗОБРАЖЕНІЕ РОССІИ.

Прости мнѣ, естьли я пѣвецъ безвѣстный въ мірѣ,
Дерзаю пѣть тебя, бряцать на тихой лирѣ
Тебѣ, краса земли, о мать обширныхъ странъ,
Царица Сѣвера градовъ превознесенныхъ,
Великолѣпіемъ и славой озаренныхъ;
Владычество чье чтутъ и сушь и океанъ! —
И мнѣ ль тебя достойно пѣть?..
Едва лишь могутъ бурны громы,
На крыльяхъ вѣтреныхъ несомы,
Твое величіе гремѣть!

Сотканной изъ лучей порфирой ты одѣта;
Величественъ престолъ — подножіе — полсвѣта!
Лавровый на челѣ вѣнецъ твоемъ блеститъ,
И пальма надъ тобой съ оливой развѣваетъ;
Бурливый океанъ край ризы омываетъ;
Булатный при бедрѣ мечь въ заревахъ горитъ.
Народы дики, отдаленны,
Къ тебѣ сердцами устремленны;
Речешь! пойдутъ, куда велишь;
И въ нихъ, сыновъ ты вѣрныхъ зришь.

Сыны твои, сыны преславны, знамениты,
Летятъ на огнь, на мечь! и для твоей защиты,
Съ веселіемъ души, и смерти образъ зрятъ:
Пускай предъ ними громъ ось міра потрясаетъ;
Пусть зыблется земля, пусть твердь вокругъ пылаетъ: —
Съ любовію къ тебѣ готовы все принять.

Тебя ль, тебя ли имЪ забыть! —
ИдутЪ надЪ льдистыми горами,
ИдутЪ вЪ огняхЪ подЪ облаками,
ЧтобЪ умереть, иль побѣдить! —

КакЪ сильный, кроткій БогЪ, какЪ АнгелЪ благодѣтель,
Иль воплощенная небесна Добродѣтель,
На тронѣ милости сѣдитЪ Великій Царь:
Десницей щедрою блаженство разливаетЪ
И милыхЪ чадЪ своихЪ покоитЪ, охраняетЪ.
Признательность сердецЪ — златый его олтарь;
Россія щастливая — храмЪ,
Гдѣ жертва мирная дымится,
И гдѣ вЪ безмолвіи курится
Моленій теплыхЪ фиміамЪ!

Блаженствуй же страна, возлюбленная БогомЪ;
ВЪ усердьи чадЪ твоихЪ, сердца тебѣ залогомЪ:
Сильнѣй владычествЪ всѣхЪ сердечная любовь.
И вЪ дальнихЪ временахЪ ты славою гремѣла,
Сердцами и тогда ты управлять умѣла:
Днесь, вЪ новой крѣпости, ты зришь своихЪ сыновЪ.
Пусть блескЪ твой всюду щастье льетЪ,
ПротивныхЪ ковы разрушаешЪ,
СоюзныхЪ тишиной вѣнчаетЪ:
И слава пусть твоя изЪ вѣка вЪ вѣкЪ пройдетЪ!

П. Петровскій.

КЪ ТОРКВАТУ.

Мразы и снѣги прошли; луга облеклися въ одежды;
В зеленые кудри древа; —
Видъ премѣнила земля, въ брегахъ успокоенны рѣки
И пышно, и ровно текутъ.
Грація съ Нимфами въ ликъ, и дѣвы, рука въ руку, плавно
Ко пляскамъ въ долину спѣшатъ.
Утреннимъ дымомъ клубясь, прозначныя, бѣлыя ризы
Ни кроютъ, ни кажутъ красотъ;
Радостной вьешся Амуръ, кружится средь милыхъ и метитъ
Въ сокрытыхъ въ кустахъ пастуховъ;
Вѣчнаго нѣтъ подъ луной! — намъ годъ сей, намъ часъ сей вѣщаетъ,
Предтеча отрады иль бѣдъ!
Мразы согрѣетъ зефиръ; весна покоряется лѣту;
А лѣто хладѣетъ, когда
Осень обильна свой рогъ прольетъ благодатный; за нею
Тяжела влачится зима! —
Быстрые мѣсяцы вновь наполняетъ уроны природы;
А мы, — безвозвратные ввѣкъ,
Скроемся тамо, гдѣ Туллъ, гдѣ Анкъ, гдѣ Эней благочестный, —
И будемъ мы — тѣни и прахъ! —
Другъ мой! — кто знаетъ теперь, приложатъ ли вышніе боги
Къ вечернему утренній часъ!

То лишь одно утекло отъ алчныхъ наслѣдника дланей,
Что сердцу даешь ты въ корысть! —
То лишь одно — и твое! — Когда же Миносъ благолѣпный
Твой жребій высокій речетъ;
Поздно! — ни доблесть, ни родъ, ни красноглаголанья прелесть,
Живущимъ тебя не отдастъ!
Зевса могущая дщерь, хранившаго стыдъ Ипполита
Отъ мрака спасти не могла;
Вѣрный Тезей не разторгъ стѣсняющихъ въ тартарѣ мрачномъ
Перитоя друга цѣпей.

Мерзляковъ.

ГОРЕСТНОЕ СНОВИДѢНІЕ.

Тогда Олимпа Царь съ превыспренняго трона
Низводитъ мрачну нощь на холмы небосклона;
Съ лазурной высоты, кидая влажну тѣнь,
Блѣднѣющій въ моря она изгнала день.
Одѣта сумрака въ росистые туманы,
Склонилась въ тишинѣ на твердь, на океаны;
И звѣздъ алмазами усыпанный покровъ
Облекъ поля, лѣса, Ахейцовъ злобный ковъ.
Безмолвіе и мракъ объемлютъ града стѣны;
Морфеемъ нѣжится Троянъ усталыхъ члены;
Все спитъ. — Данаевъ флотъ подъ блещущей луной
Стремится въ тишинѣ бѣлѣющей тропой;
Свѣтильникъ на кормѣ Царя Агамемнона
Судамъ являетъ путь къ твердынямъ Иллiона. —

При знакѣ семъ тотъ Грекъ, которому судьбы,
На гибель Фригіи, хотѣли жизнь спасти,
Изъ чрева конскаго Ахейцовъ свобождаетъ. —
Подъ сѣнію ночной громада ихъ раждаетъ; —
И се! изъ нѣдръ ея пространной глубины
Исторглись радостны Ахейскіе сыны.
Свенелъ, Улиссъ, Тессандръ, внукъ мститель-ный Пелея,
Спустились по вервямъ; во слѣдъ имъ сынъ Атрея,
Свирѣпый Акамасъ, искусный Махаонъ,
Герой Тоантъ, Эпей кѣмъ конь сооружёнъ,
Въ нѣмомъ неистовствѣ текутъ въ Пергамъ священный,
Вечернимъ пиршествомъ, виномъ обремененный.
Союзники враговъ — и Бахусъ, и Морфей;
Уже струится кровь отъ яростныхъ мечей!
Нѣтъ стражи болѣе; и Сцейскими вратами
Во градъ стремится смерть съ Ахейскими полками.

Тогда рука боговъ лила на Трою сонъ.
Безпечный въ тишинѣ почилъ весь Илліонъ.
Уже я сладостной дремотой усыпился;
Вдругъ Гекторъ, Гекторъ самъ, казалось, мнѣ явился:
Нагъ, блѣденъ и въ крови, таковъ предъ мной онъ былъ,
Какъ колесницею Пелидъ его влачилъ;
Когда предъ башнями стенящаго Пергама
Въ очахъ супруги, чадъ, Гекубы и Пріама,
Обезображенной главой чертилъ песокъ;
Воззрѣлъ я на него, — и слезный пролилъ токъ.
О Боги! Гекторъ сей — и быть тѣмъ не мечтался,
Которой нѣкогда съ Аргивцами сражался,

Ихъ флотъ объялъ огнемъ, ихъ сильныхъ устрашилъ,
Себя въ Ахилловы доспѣхи облачилъ!
Всклокочена брада, станъ прахомъ покровенный,
И кровію власы запекшейся слѣпленны,
И стопы, вздувшіесь подъ лютостью вервей,
Слѣды кравовою являвшіе стезей;
Растерзанная грудь; сей щитъ, хранившій Трою:
Его лишь бѣдствія живили предо мною;
Стенящимъ голосомъ ему я возопилъ:
„О ты, кѣмъ Троссовъ градъ великъ и славенъ былъ!
„Въ какой странѣ твой духъ геройскій обитаетъ?
„Твое пришествіе что намъ предвозвѣщаетъ?
„Почто ты въ видѣ семъ являешься предъ насъ?"
Онъ мнѣ не отвѣщалъ; но скорбный, страшный гласъ
Изъ устъ его изтекъ: „Бѣги, сказалъ со вздохомъ,
„Спасайся, другъ небесъ! отринуты мы Богомъ.
„Былъ прежде Илліонъ, гремѣлъ Пріамовъ родъ;
„Но нынѣ гибнетъ все, Царь, Князи и народъ.
„Бѣги, не воспаляй и сѣчи безполезной!
„Довольно сдѣлалъ ты для родины любезной,
„Владычество прешло, и грянулъ рабства часъ;
„Коль Зевсъ бы восхотѣлъ, Пергамъ бы Гекторъ спасъ;
„Съ Ахилломъ въ ратной прѣ, я побѣжденъ богами,

,,Бѣги, бѣги сихъ мѣстъ съ своими племенами,
,,Да Грековъ торжествомъ, гласящимъ намъ позоръ,
,,Послѣднихъ Трои чадъ не оскорбится взоръ.
,,Горящій Илліонъ боговъ тебѣ вручаетъ;
,,Ищи ты града имъ; судьба предвозвѣщаетъ,
,,Что онъ вселенную узритъ своей рабой!"
Умолкнулъ — и вступилъ божницы въ мракъ святой.
Гдѣ Веста, древняя защитница Пергама,
Безсмертный зрѣла огнь въ дыханьи ѳиміама.
Но Троя между тѣмъ во пламени, въ крови,
Являла страшну казнь преступныя любви.
Уже шумъ, вопли, трескъ — (хотя далече града
Скрывался мой чертогъ подъ сѣнью вертограда),
Всечастно силяся, стремилися ко мнѣ,
Я вспрянулъ ото сна, со страхомъ на челѣ;
На крова высоту поспѣшно возтекаю,
И вдаль, недвижимый, слухъ жадный устремляю.
Такъ, если ни въ волнахъ, неисшовство огней,
Несется вѣтрами багровою струей;
Иль яростный потокъ свирѣпыми валами,
Покрывши грудь полей, деревья рветъ съ корнями,
Уноситъ зданія и жатвы, и лѣса,
И ревомъ водъ своихъ колеблетъ небеса;
Недоумѣющій пастухъ, горы съ вершины
Склоняетъ слухъ на шумъ, встающій изъ долины.
Вмигъ Грековъ замыслъ, ковъ и гибельный Синонъ,
Понятно было все. — объятые огнёмъ,

Со трескомъ рушились чертоги Деифеба,
Разлился красный свѣтъ высоко въ мракахъ неба,
И днемъ вторымъ низпалъ къ Сигею, къ берегамъ! —
Кликъ бранный, стонъ и плачь, моленія къ богамъ
Сливались въ воздухѣ, со звукомъ трубъ, тимпана.
Безумный! внѣ себя, забывъ судьбу Пергама:
„Къ оружію, друзья, со мною на враговъ!"
Воскликнулъ и съ полкомъ Дардановыхъ сыновъ
Я ринулся впередъ; гнѣвъ, ужасъ и печали,
Казалося, крылѣ намъ вѣтра даровали;
Сражаясь умереть, алкали всѣхъ сердца,
Вдругъ Аполлонова узрѣли мы жреца.
Отъ страховъ ночи сей, полмертвый, поблѣднѣлый,
Съ богами на рукахъ и внукомъ въ колыбели,
Онъ бѣгствомъ отъ смертей прибѣжища искалъ.
„О Панвъ! имѣемъ ли отчизну? я вскричалъ:
„Могуль надѣяться, возможно ли спасенье?
„Нѣтъ! совершилося небесъ опредѣленье!"
Мнѣ старецъ, вздохами стѣсняемый вѣщалъ:
„День гибели, день слезъ для Фригіи насталъ;
„Нѣтъ Трои, нѣтъ Троянъ, затмилась наша слава;
„Навѣки рушится Пріамова держава;
„Десницу гнѣва Зевсъ надъ нами отягчилъ,
„Ахейскимъ племенамъ корыстью насъ вручилъ.
„Синонъ ругается въ тріумфѣ Трои стономъ,
„И Троя въ пламени злодѣя подъ закономъ!

„Изъ нѣдръ чудовища летитъ погибель къ намъ;
„Но ахъ! однѣль оно родитъ полки врагамъ?
„Эней! нѣтъ имъ числа предъ нашими вратами;
„Они стремятся въ градъ ужасными волнами:
„Одни текутъ пожаръ, убійство разсыпать,
„Другіе же съ мечемъ исходы охранять.
„Вездѣ оружій блескъ сверкалъ передъ очами;
„Казалось, я стѣсненъ былъ мѣдными стѣнами,
„Страхъ смертный овладѣлъ безсильною толпой;
„Лишь стража со врагомъ вели неравной бой!
Умолкъ, и яростью умы воспламенились,
Сквозь огнь, сквозь дымъ, сквозь кровь на месть мы устремились,
И мечь мой, какъ перунъ, со смертію леталъ
Везлѣ, куда его гласъ Трои призывалъ.

Арк: Родзянко.

УЧЕНЬЕ.

Венеру видѣлъ я во снѣ:
Бѣлоснѣжною рукою,
Нѣжна мать вела съ собою
Милу крошечку ко мнѣ.
Богъ упрямился, дичился,
Былъ неловокъ, и несмѣлъ,
Будто бы людей страшился,
И смотрѣть онъ не умѣлъ.
Пастушокъ, (Богиня-Сладость
Молвитъ съ ласковымъ лицомъ)

Вотъ мой сынъ! — вотъ наша радость:
Сдѣлай ты его пѣвцомъ!
Такъ сказала, — и не стало....
Какъ мнѣ въ голову не вспало,
Что Амура научить,
Пламень пламенемъ гасить!
Что же дѣлать? — за ученье!
Ничего я не таю!
Пастуховъ увеселенье,
Панову свирѣль пою; —
Флейту мудрыя Паллады,
Аполлоновы отрады:
Цитру съ голосомъ пѣвцовъ,
Лиру вѣстника боговъ....
Все пустое!... онъ не слышетъ;
И ничто на умъ нейдетъ;
Страстно, сладостно онъ дышетъ,
Про любовь одну поетъ.
Что же сдѣлалось съ тобою?
Что съ холодною душою?...
Ахъ! нещастной, все забылъ,
Чѣмъ съ Амуромъ занимался,
Только съ тѣмъ однимъ остался,
Что Амуръ мнѣ натвердилъ.

Мерзляковъ.

ПѢВЕЦЪ.

Въ тѣни деревъ, надъ чистыми водами
Дерновый холмъ вы видите ль, друзья?
Чуть слышно, тамъ плескаетъ въ брегъ струя!
Чуть вѣтерокъ тамъ дышетъ межь листами!
На вѣтвяхъ лира и вѣнецъ;
Увы! друзья, сей холмъ — могила!

Здѣсь прахъ пѣвца земля сокрыла!
Бѣдный пѣвецъ!

Онъ сердцемъ простъ, онъ нѣженъ былъ душою,
Но въ мірѣ семъ минутный гость онъ былъ;
Едва разцвѣлъ — и жизнь ужь разлюбилъ;
И ждалъ конца съ волненьемъ и тоскою;
И рано встрѣтилъ онъ конецъ;
Заснулъ желаннымъ сномъ могилы!
Твой вѣкъ былъ мигъ, но мигъ унылый,
Бѣдный пѣвецъ!

Онъ дружбу пѣлъ, давъ другу нѣжну руку —
Но вѣрный другъ во цвѣтѣ лѣтъ угасъ;
Онъ пѣлъ любовь — но былъ печаленъ гласъ:
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку!
Теперь всему, всему конецъ!
Твоя душа покой вкусила;
Ты спишь, тиха твоя могила,
Бѣдный пѣвецъ!

Здѣсь у ручья вечернею порою
Прощальну пѣснь онъ заунывно пѣлъ:
„О красный міръ, гдѣ я вотще разцвѣлъ
„Прости на вѣкъ! съ обманутой душою
„Я счастья ждалъ. . . . мечтамъ конецъ!
„Погибло все! умолкни лира!
„Скорѣй! скорѣй въ обитель мира,
„Бѣдный пѣвецъ!

„Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья! . . . .
„Блаженство знать, къ нему летѣть душой,
„Но пропасть зрѣть межь имъ и межь собой!
„Желать всякъ часъ, и трепетать желанья! . . .

„О пристань горестныхъ сердцъ,
„Могила, вѣрный путь къ покою,
„Когда же будетъ взятъ тобою
„Бѣдный пѣвецъ? „

И нѣтъ пѣвца! его не слышно лиры;
Его слѣды изчезли въ сихъ мѣстахъ;
И скорбно все въ долинѣ, на холмахъ;
И все молчитъ; лишь тихіе зефиры,
Колебля вянущій вѣнокъ,
Порою вѣютъ надъ могилой —
И лира вторитъ имъ уныло:
Бѣдный пѣвецъ!

Жуковскій.

БЕЗСМЕРТІЕ.

Со Славой Зависть обитаетъ!
Великій человѣкъ щастливымъ не бываетъ;
Искусство жить — всю жизнь свою скрывать,
И въ смертный только часъ безсмертіе начать!

М — ъ.

Конецъ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
HECKMAN
BINDERY INC.
1988
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962